

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

Приложение БААКФ

И РУШАТСЯ СТЕНЫ

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ И РУШАТСЯ СТЕНЫ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

И РУШАТСЯ СТЕНЫ

Роберт Силверберг

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»

2018

БААКФ-приложение 11 (2018)

Клубное издание

И РУШАТСЯ СТЕНЫ. Роберт Силверберг.

Сборник фантастики.

(а.л.: 10,04)

Составитель Андрей Бурцев.

Некоммерческий проект для ознакомления.

Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

Special! A Brilliant New ISAAC ASIMOV Story

Infinity

SCIENCE FICTION

PDC

August

35

THREE NOVELETS

Randall GARRETT

Richard WILSON

Damon KNIGHT

Edward WELLEN

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОБЛЕМА

УСЛЫШАВ СООБЩЕНИЕ о смерти Тсалто, Делоне отправился на традиционное ритуальное поклонение мертвому отцу. Подойдя к дому, он увидел длинную очередь печальных саллатов, медленно проходящих мимо старика с наполненными болью глазами, причем каждый поочередно сгибал колени, осторожно касался пальцами висков и кидал щепотку соли на растущую перед стариком кучу.

Делоне присоединился к процессии, надев зеленый платок плача саллатов. Когда он добрался до Демета, который терпеливо ожидал окончания церемонии, чтобы начать свой личный траур, Делоне заглянул в глубину его грустных, старческих глаз. Бедный Тсалто, подумал Делоне.

Он отвернулся и пошел по тихой улице к своему жилью, думая от Тсалто, лежащем на Одинокой Горе, где-то у границ кросни, и о том, что чувствует теперь старый Демет, когда кросни убили его сына.

Подойдя к ярко раскрашенной двери своей квартиры, он остановился, чтобы послушать звуки, которые Мария всегда издавала, когда волновалась, благословляя их ужин. На мгновение он даже забыл о мертвом Тсалто и печальном старом Демете. В его голове мелькнуло изображение: костлявая, неопрятная девушка, которая жила у него дома за несколько месяцев до его окончательного разрыва с Землей. Он представил, как она механически сует мясо в мясорубку, и сравнил угрюмое выражение ее лица, с вечно веселым лицом Марии.

Делоне толкнул дверь, снял туфли, пошаркал ногами о коврик и вошел внутрь.

Мария прибежала к двери с легким смешком восторга и поцеловала его. Он почувствовал волну удовольствия, исходящего от ее теплого тела, но отстранил ее, поздоровался официальным местным жестом и надулся.

— Я...

— Прости, — сказала она, сделала такой же приветственный жест и тоже надулась. — Я забыла, что тебе это не нравится.

Делоне покачал головой и опустился на стул. Нет, он не сказал бы, что ему это не нравилось. Но поцелуи принадлежали Земле, поцелуи — это то, чем можно было заниматься с девушками-землянками, всего лишь старинный костный обычай. Но здесь, среди саллатов, поцелуй от Марии был пародией на чистые, прекрасные узы любви саллатов.

Он привлек ее к себе и нежно погладил по руке, чувствуя себя немного смущенным от собственной грубости. Он понимал, что Мария просто пыталась показать ему свою любовь так, как могла бы

The Final Challenge

by ROBERT SILVERBERG

*"Withdraw!" said that old,
familiar voice. Could
Delaunay obey, when he
had finally found a world
worth fighting for?*

сделать это землянка, думая, что это ему нравится. Она не понимала, что напоминание о планете, которую он оставил навсегда, лишь отвращало его.

ОН ЛАСКОВО погладил шесть узких пальцев, словно подчеркивая факт неземного происхождения, подчеркивая ее

единственную отличительную черту инопланетянки. Он понимал, что когда-то должен объяснить ей, почему так реагирует на ее добродушное, естественное подражание обычаям Земли, вместо многовековых обычаев саллатов.

— Время обедать, — немного погодя сказала она.

Рука к руке они подошли к столу, где Мария поставила еду Круга Четвертого Дня. Делоне позволил ей отодвинуть стул и сел. Она осталась стоять, так как нынче был Четвертый День.

– Демет начал траур, – сказал Делоне, переходя к хлебу. – Я только что присутствовал на церемонии. Во время своего последнего рейда крозни убили Тсалто.

Мария склонила голову.

– Сын Демета мертв?

– Да, – сказал Делоне и чуть было не добавил, что это вина Демета, потому что именно он привел крозни в Саллат. Но вовремя удержался.

– Мир такой холодный, – сказала Мария, словно прочтя его мысли, – Раз уж человек, ответственный за их спасения, за то, что привел сюда, был вынужден отдать им жизнь своего единственного сына...

– Может, будет суд? – сказал Делоне.

– Нет. Мне грустно, когда ты так говоришь. Мы не знали, что такое крозни. Мы лишь знали, что их мир в опасности, и у Демета не было другого пути, кроме как спасти их.

Несколько минут они молчали. Делоне пытался привести свои мысли в порядок, чтобы не сказать ничего, что позволило бы внедренному в его сознание земному яду просочиться наружу. Земля была планетой ненависти и ненавистников. Но он покинул землю, и самое искреннее его желание состояло в том, чтобы оградить Марию от ненависти Земли.

Тем не менее, обдумывая ситуацию, он ощущал лишь горькое негодование. Пятьдесят лет назад Демет был главным среди саллатов, и когда было обнаружено, что соседняя планета, принадлежащая крозни, должна погибнуть в космической катастрофе, Демет возглавил спасение приземистой, уродливой, с бледной кожей расы крозни и привел их сюда.

Сначала крозни были благодарны, как благодарны любые животные, когда их спасают от смертельной опасности. Но их благодарность длилась недолго. Они все крепче и крепче укоренялись на землях, которые дали им саллаты. И в прошлом году, внезапно сделавшись невероятно жестокими, они начали набеги на территории саллатов.

Что посеешь...

Какая ирония, подумал Делоне, что сын человека, ответственного за то, что крозни пришли сюда, должен был пасть одним из первых. Если бы Демет не был таким благородным, если бы он оставил крозни на гибель, когда их мир рушился, сейчас не было бы угрозы саллатам.

Внезапно он отодвинул стул и вышел из-за стола. Подойдя к окну, он уставился на скалистый пейзаж Саллата, не обращая внимание на встревоженный взгляд Марии. *Снова я думаю, как землянин*, мелькнуло у него в голове.

– Прости меня, – сказал он вслух.

— За что? — спросила Мария.

Делоне почувствовал, как челюстная мышца у него под ухом начинает неудержимо подергиваться.

— Я все еще земной человек, — сказал он. — Ты должна оставить меня.

Она легонько провела пальцами по его руке и сжала его плечо.

— Нет.

— Я все еще ненавистник, — сказал он. — Я подумал, что так и надо Демету, что сын его умер, потому что именно Демет привел сюда крозни. Но ведь в этом нет никакого смысла, не так ли? Я злюсь на Демета за то, что он поступил как саллат, а не как землянин.

— Ты просто устал, — спокойно сказала Марья. — Почему бы тебе не отдохнуть?

— Нет, — отрезал Делоне. — Мне нужно подумать.

Она ушла, позволяя ему дуться, сколько влезет, и Делоне понял, что рядом с ней он был всего лишь капризным подростком, бесконечно наказывающим себя за преступное рождение на Земле, а не здесь, на Саллате.

Он ощутил нарастающее биение гнева. Но теперь он гневался не на бедного старого Демета, а на Землю, гневался на себя, и особенно гневался на крозни... и одновременно думал о том, насколько утомительными его эмоции должны быть для Марии, которая была так молода и одновременно так стара.

Тем не менее, он не мог удержаться от гнева на крозни, которые собирались уничтожить единственное общество, что ему нравилось. Не вмешивайся, предупреждал его какой-то внутренний голос, но Делоне игнорировал его.

— Как ты относишься к крозни? — внезапно спросил он ее.

— Очень грустно, — ответила Мария. — Я чувствую себя несчастной, потому что они угрожают нам и убивают людей.

— Вот именно, — жестко сказал Делоне. — Ты чувствуешь себя несчастной, только и всего. Но я их ненавижу! Я ненавижу их за то, что они делают с Саллатом, хотя я даже не один из вас!

— Тебе повезло, — сказала Марья. — Мы слишком устали даже ненавидеть. Вот почему крозни убивают нас. Тебе повезло, что ты можешь ненавидеть.

— Конечно, — ответил Делоне. — Как же мне повезло!

НО МНЕ действительно повезло, подумал он. Он уставился в темноту, нежно поглаживая теплую руку Мари. Она улыбалась во сне, и улыбка ее была бесконечно привлекательной.

Но ему в эту ночь будет не до сна.

— Мне ведь почти что повезло, думал он. Потому что он был здесь: Эдвин Делоне, композитор, музыкальный теоретик, когда-то учи-

тель игры на фортепиано, который сам, сознательно, отрезал себя от защищенной, комфортабельной жизни на Земле, потому что не интересовался больше этой угасающей планетой, и пришел в чужой мир, где вскоре был вовлечен в конфликт нескольких нечеловеческих рас, да так вовлечен, что даже не мог уснуть.

Он пытался разобраться в возникшей ситуации и проанализировать свои чувства. Он ненавидел крозни так, как никогда не ненавидел даже Землю, ему нравился Саллат так, как никогда не нравилось собственное общество. Он покинул Землю, потому что ему смертельно надоела вечная рутина жизни, однообразие, клише.

*Хватает тебе тепла?
Лучше чувства, чем ничего!
Так что с ума не сходи!*

Рационализированным мотивом для ухода был упадок искусств на Земле. Вся Галактика лежала у ног Земли, и не оставалось никаких проблем. Так что Земля отказалась от самого последнего вызова – и легонько скользила по глубокой, проторенной колее. Больше не было никаких новых колоний, ни крупных научных открытий. Не было написано великих романов, ни великой музыки, ни картины, стоящей хотя бы того, чтобы на нее бросили взгляд.

Делоне вспомнил длительные дискуссии в кафе. Он был не единственным, кто видел пустоту жизни землян. Были и другие. Например, Кеннерли, который вечно писал какой-то бесконечный роман. Чавес, лазящий по лестнице, чтобы плескать краску на громадный холст. Все они с горечью оплакивали умирающее искусство.

– Имя земного Бога – это статус-кво! – пренебрежительного выкрикивал Кеннерли.

Это была чистая правда, но никто его не слушал. Земля управляла галактикой, Совет добросовестно правил единой Землей. Но по мере того, как проходили долгие столетия мира, жизнь пяти миллиардов человек все текла и текла прямым, неуклонным, бессмысленным курсом.

Кеннерли и Чавес протестовали. Делоне – нет. Он просто чувствовал желание убраться куда подальше. Он поморщился, вспомнив тот день, когда pompезно провозгласил об этом, что было фактически объявлением собственной безответственности. На следующий день он собрал манатки и полетел в чужой мир.

Он поглядел на Марию, как она спала и улыбалась. Здесь, среди саллатов, он, наконец, стал участником жизни. Здесь он оказался связанным с жизнью Саллата, планеты, которые он любил, именно по этой причине в нем разгоралось ненависть.

Делоне подошел к окну и поглядел на спящую деревню. На Саллате, где он обрел мир. Он чувствовал, что принадлежит этой планете. Его музыкальные исследования, которые большинство людей на земле считали тривиальным дилетантизмом, были высоко оценены жителями Саллата, и они показали ему собственную музыку, чуждую, неутонченную, бесконечно увлекательную. Он быстро оказался вовлечен в их достоинства, овеянный традициями их образа жизни. Да, он всей душой принадлежал им.

А где-то неподалеку были крозни.

УТРЕННЕЕ ШЕСТВИЕ перед дверью Демета было не последним. Саллат оказался беспомощен перед постепенным вторжением сил крозни в ближайшие несколько недель.

Саллат пытался жить так, словно ничего не происходило. Делоне продолжал исследовать местную музыку, пытаясь овладеть их безумной техникой четвертого тона, но его мысли все время возвращались к бесконечному потоку тел, текущему с границ. И сами границы тоже приближались.

Делоне присоединялся к каждой погребальной процессии, бросая на покойника щепотку соли, как то диктовал обычай. Он все ждал и думал, сколько времени еще остается до того, как крозни придут сюда.

— Я все еще бегу, — сказал он Марье, и она поглядела на него большими, непостижимыми глазами. — Я должен быть там, сражаться с крозни, но я бегу от этого точно также, как делал на Земле. Только здесь я не должен этого делать, не так ли?

Мария промолчала.

Демет организовывал оборону. Но он был стар, и ему было тяжело это сделать. Делоне наблюдал за стариком с огромным восхищением. *Демет по-прежнему остается человеком действия*, подумал он и пошел к нему.

Демет изучал карту района битвы, проводя круги стилусом.

— Их стратегия невероятна, — сказал старик. — Их армии появляются словно из ниоткуда, наносят удар, исчезает и опять появляются где-то совсем в другом месте. Я не понимаю, как они смогли столько научиться.

Он посмотрел на Делоне, и Делоне поглядел в рыжие глубины глаз Демета, точно так же, как сделал это в день траурной процессии по Тсалто.

— Они будут продолжать бить нас, — сказал Демет. — Они бойцы, а мы — нет.

— Как организована пограничная оборона?

— Намного хуже, — сказал Демет и слегка улыбнулся, словно про себя. — Они проходят наши оборонные линии, словно там ничего нет.

Наши люди просто не умеют сражаться. Я слышал вчерашние новости: на закате, в то время как наши люди совершали обряд вечерней преданности, крозни налетели на них и всех перебили. Но, по крайней мере, саллаты помнили о своей преданности.

Делоне кивнул. Прекрасное развитие безумного образа. Во-первых, крозни совершают самые тяжкие нападения в первый день, когда саллаты не сражаются. Во-вторых, крозни не проявляют уважения к святым дням, которые саллаты должны проводить в почитании обычаев и свершений ритуалов. В-третьих, они убивают людей во время молитв. В-четвертых, они убивают людей, собравшихся вместе для традиционных песнопений, убивают их, как скот.

Беда в том, что солдаты Саллата пытаются одновременно стать солдатами и оставаться саллатами, а это невозможная комбинация. Но как сказать это Демету?

Могу ли я сказать ему, подумал Делоне, что для того, чтобы победить крозни, его солдатам придется отказаться от своих традиций, церемоний бытия? Что их прекрасное, гармоничное пение только выдает врагу их местоположение и численность? Что они ведут войну, словно дети?

Делоне обнаружил, как внутри него ползет знакомое, раздражающее чувство, глубокое желание оказаться где-то в другом месте, пока все это продолжается. Ему еще на Земле говорили Кеннерли, Чавес и другие знакомые, которые знали его и беспокоились о нем, что он не способен претворить свои мысли в дела. И это было правдой. Это качество преследовало его даже здесь, на Саллате. Когда дело дошло до того, чтобы бросить карты на стол, встать и пойти защищать Саллат от крозни, ему хотелось убежать.

В конце концов, именно это заставило его порвать с Землей. И Делоне ясно понял, что он должен покончить с этим прямо сейчас.

Он твердо взглянул на Демета.

— Позвольте мне пойти туда и сражаться, — сказал он. — Кажется, я знаю некоторые приемы, которые могут вам помочь.

ОН БЫСТРО пожалел о том, что вызвался добровольцем. Демет направил его командовать отрядом беззаботных молодых саллатов, которые, кроме винтовки, носили флейты, и послал этот отряд на укрепление прорванной линии фронта. Он сам смотрел, как отряд уходит по плодородной равнине в район боевых действий. Делоне прекрасно понимал, почему крозни смогли пройти через укрепленные линии саллатов так, словно там вообще ничего не было.

Каждый вечер, когда садилось солнце, саллаты собирались вместе, чтобы проявить свою преданность. Все откладывали оружие и молча глядели, как спускается солнце. Когда большой красный шар исчезал за линией горизонта, они садились в круг и пели свои за-

мысловатые песни радости. Радость даже перед лицом разрушения, подумал Делоне.

По дороге он ничего не смог с ними сделать. Саллаты гордились своими песнями, а также певцами. Им было важнее петь, чем убивать крозни.

Делоне наблюдал за тем, как солдаты беспечно шли по лесу, и думал о том, когда же крозни услышат их и придут, чтобы устроить ужасную резню. Он решил немедленно начать обучать саллатов, внушить им, что же такое война на самом деле.

Его заместителем был высокий молодой солдат по имени Бласкон, виртуоз игры на гитаре салатов, грозном инструменте с двенадцатью доминирующими струнами и двадцатью двумя симпатическими. Делоне смотрел, как он играет поздно ночью, когда они расположились лагерем в густой роще к востоку от родной деревни. Его пальцы прыгали по струнам словно бы сами по себе.

Преодолев свой профессиональный интерес к выступлению гитариста, Делоне вышел из тени огромного дерева и прервал игру.

— Ты довольно громко играешь, Бласкон, — сказал он, внутренне весь дрожа, потому что от данного момента зависело, будет жить или погибнет его отряд.

— Не громче, чем нужно, — ответил саллат, сверкая рядами ровных, сияющих зубов. — Соотношение тонов устроено так, что если я буду играть тише, то симпатические строки будут противоречить основной мелодии, и у меня ничего не выйдет. Вы ведь понимаете это, не так ли?

— Конечно, — сказал Делоне. — Но я имею в виду совсем другое, когда говорю, что это слишком громко.

Все должно решиться здесь, подумал при этом он. *Прямо здесь и сейчас.*

— Я имею в виду, что мы все-таки воюем, — медленно и терпеливо сказал Делоне. — Мы находимся в районе боевых действий. А ты шумишь. Играешь музыку. Разве ты не понимаешь, что, если крозни услышат звуки твоего инструмента, то налетят на нас в мгновение ока? Разве ты этого не понимаешь?

Бласкон на секунду задумался над его словами.

— То есть, вы говорите, что я должен отказаться от игры музыки из страха? Вы хотите, чтобы я остановился. Вы хотите, чтобы я превратился в такого же зверя, как крозни.

ВОТ И ВСЕ. Саллаты отчаянно гордились своей культурой. У них была совершенно иная система ценностей.

Шел третий день их похода. Они приближались к лагерю крозни. Делоне был весь липким от страха и пота. Саллаты с гордостью, почти торжественно шли на верную смерть, играя на своих флейтах.

Он так и не смог до них достучаться. Его попытка переубедить Бласкона закончилась неудачей, а остальные члены отряда вообще не отвечали ему. Вместо этого они с подозрением восприняли его предложение, с подозрением и чуть ли не с гневом. Что, отказаться от нашей культуры? Стать зверями?

Делоне уже чувствовал, что взялся за безумное предприятие. У саллатов не существовало понятия угрозы, войны и тому подобное, так же как и нечеловеческих рас. Любое отклонение от привычного им образа жизни, любые ограничения обычаев и церемоний означали для них шаг назад, к зверю.

Культура саллатов была уникальной, просто замечательной. Ради нее он и прилетел сюда. Но нужно же где-то остановиться хотя бы ради простого выживания. Нельзя же играть на гитарах и молиться счастливому закату, когда в лесу скрываются крозни.

Затем Делоне подумал: *зачем же продолжать попытки переделывать их? Они играют на своих гитарах и никогда не поймут меня. Опять убегаешь*, тут же сказал ему внутренний голос. *Ну, и правильно. Это не твоя война.*

Делоне сердито попытался бороться с ним. Но мягкие звуки гитары и флейты, а также низкое ритмичное пение, доносящееся к нему сквозь деревья, были прерваны звуками стрельбы вдалеке. И внезапно ему дико захотелось оказаться подальше отсюда.

ОН НАТКНУЛСЯ на маленькую хижину на следующее утро, после страшной ночи, наполненной отдаленными выстрелами и криками, через которые все равно пробивалась мелодия Песни Мертвых. Он понял, что находится где-то в тылу у крозни, но ему было все равно. Хижина означала людей, а он больше не мог оставаться в одиночестве.

Внутри хижина была тускло освещена. Посреди нее на корточках сидели два крозни, пепельно-серые существа, носящие только короткие штаны. Делоне презрительно поглядел на них и подумал: *ну, почему такие существа способны так легко свергнуть древнюю, изысканную цивилизацию?*

– Привет, – раздался из полумрака хижины хриплый, но дружелюбный голос. – Приятно снова увидеть человеческое лицо.

Голос говорил на земном языке.

– Кто вы? – спросил Делоне.

– Меня зовут Бронштейн, – сказал голос. – Если хочешь, можешь подойти поближе.

Делоне всмотрелся в полумрак и увидел землянина средних лет, лысого, со старомодными очками, прикрывающими слабые и, вероятно, водянистые глаза. Он подошел поближе.

Хозяин хижины пробормотал что-то двум крозни, которые вскочили на ноги и ушли из хижины. Затем он повернулся к Делоне.

— Ты тот землянин, который пришел вместе с саллатами, не так ли? Наверное, ты сейчас ненавидишь меня.

— Ненавижу вас? Почему? Какой же землянин станет держать в плену своего соплеменника на чужой планете? Мы можем стать друзьями, — сказал Делонет.

— Ты не в плену, — осторожно сказал Бронштейн. — Я генерал крозни.

СЕКУНДУ ДЕЛОНЕ ничего не понимал. Затем до него медленно начало доходить.

— Вы генерал крозни? — медленно повторил он.

— Разумеется, — сказал очкастый, улыбаясь. — Без меня саллаты смели бы этих животных через неделю, как только преодолели бы свои странные взгляды на методы ведения войны. Так что именно я несу ответственность за все.

— Землянин, который намеренно уничтожает Саллат?

Со вспыхнувшей в нем бессмысленной яростью Делоне бросился вперед, чтобы схватить Бронштейна, но тот ловко отступил назад в сумрак. Они стояли друг напротив друга, разделенные столом Бронштейна.

— Не надо так, — сказал Бронштейн. — Тебе понадобится слишком много времени, чтобы избить меня до смерти. — Он указал на кобуру Делоне. — Почему бы тебе просто не пристрелить меня? Я безоружен.

Делоне достал пистолет и на мгновение задумался. Затем поднял взгляд на Бронштейна.

— Ты руководишь крозни? — снова повторил он, словно отказываясь поверить в это. — Но, ради Бога, почему?

— Сядь, — сказал Бронштейн. — Убери оружие, и я тебе все расскажу.

— Лучше я буду держать пистолет наготове.

— Справедливо. Но выслушай меня. Я был отправлен Землей, чтобы помочь крозни в их борьбе против саллатов. Люди, которые прислали меня, совершенно точно знают, что делают. И саллаты не имеют никакого отношения к их плану, не считая того, что просто оказались на пути. Они избраны первыми жертвами крозни.

Один крозни вошел в хижину, и Бронштейн что-то прошептал ему на ухо. Затем опять повернулся к Делоне.

— А что здесь делаешь ты? — спросил он, продолжая беседу. — Почему ты покинул Землю?

— Я потерял интерес к Земле, — сказал Делони, стараясь подавить свой гнев. — Я наткнулся на эту планету и нашел здесь то, что искал. Мне было здесь хорошо до тех пор, пока ты не развязал войну с крозни.

— Ты потерял интерес к Земле, — сказал Бронштейн. — Прямо в яблочко. Тебе хорошо известно, что на Земле царит полный застой. Земля сейчас стала почти что миром лунатиков, и все, кроме отдельных людей, тянут эту бессмысленную рутину просто потому, что нет ничего лучше. Да ты и сам знаешь это. Что ты пытался там сделать?

— Ничего, — признался Делоне. — Я покинул Землю и прилетел сюда.

— Ты покинул и прилетел, — повторил Бронштейн, передразнивая Делоне. — Отлично. Ты убежал с Земли, потому что тебе все надоело. Но приходило ли тебе в голову, что есть еще люди, которые могут более конструктивно справиться с проблемами Земли?

— Нет, — сказал Делоне. — Но какое отношение это имеет к Саллату?

— К сожалению, никакого. Мне очень жаль, что в этом замешан Саллат. Нас интересуют только крозни. Крозни нужны Земле. Крозни представляют собой потенциальную проблему для Земли — вызов, необходимый для того, чтобы остановить медленное скольжение вниз земной цивилизации. Нам нужно создать врагов, потому что в Галактике таких не нашлось.

— Вы хотите сказать, что специально помогаете крозни раздавить Саллат ради Земли?

— Забудь о Саллате, — нетерпеливо сказал Бронштейн. — Мы всего лишь создаем и укрепляем военную мощь крозни. Мы хотим развить их до такой степени, чтобы они стали серьезными претендентами на Землю. Там есть много сырья, а они боевой, агрессивный народ, такой, каким раньше были земляне. Нужно лишь небольшое руководство, несколько хорошо спланированных побед, правильные культурные манипуляции, и они преодолеют свой нынешний примитивизм и начнут поглядывать на Землю. И тогда Земля воспрянет и нанесет ответный удар. Все дело в вызове и ответе. Земная цивилизация угасает от отсутствия вызова, поэтому нам нужно создать врагов искусственно.

Делоне глубоко вздохнул. Он был поражен смелостью этого плана, а еще больше спокойствием Бронштейна.

— И без вашего вмешательства Саллат победил бы крозни, а Земля не получила врага?

— Скорее всего, да. Вероятно, им было бы тяжело поначалу, потому что они так фанатично беспечны, но, в конце концов, я думаю, что они победили бы крозни. Когда я начал работать с крозни, эти дикари почти ничего не знали о командной работе, необходимой для ведения войны. Но за то время, что я нахожусь здесь, они превратились в эффектную боевую машину.

— Тогда мне придется убить вас, — сказал Делоне, поднимая пистолет.

– Погодите! – сказал Бронштейн. – Скажите мне только, почему, прежде чем начать стрельбу.

– Потому что я сам замешан в этой ситуации – только на стороне Саллата. Мне кажется, что Саллат также важен, как и Земля, и что есть столько же причин сохранить его, как и Землю. Но Земля меня не волнует.

Бронштейн кивнул, глядя на пистолет Делоне.

– Я понимаю. Земля никогда не волновала тебя.

– А с чего бы ей меня волновать? Я навсегда покинул Землю. Почему бы мне не оставаться верным Саллату?

– Это сложный вопрос, – медленно ответил Бронштейн. – Но ты игнорируешь один большой фактор. Земля стоит спасения, а Саллат – нет, чтобы ты там ни думал. Саллат – это прошлое, у них уже все позади. Они мертвы, просто еще не знают об этом. Взгляни, как они сейчас пытаются решить проблему крозни. Начали ли они хоть немного приспосабливаться, чтобы справиться с этим врагом? Нет, ничуть. Их культура давно миновала точку приспособляемости. Скажи мне, что они делают?

– Они поют песни, и их убивают, как мух, – сказал Делоне.

– Наверное, теперь ты видишь общую картину немного четче. Существует много поверхностного сходства между культурой Земли и Саллата, – сказал Бронштейн. – И те, и другие увязли в болоте традиций, ритуалов и рутины. Наверное, ты этого еще не осознал. То, что тебе понравилось на Саллате, ничем не отличается от того, что ты презирал на Земле... Ну, может, с небольшими вариациями. Но есть реальная разница. Саллаты – невероятно старый народ. У них прекрасная культура, но она совершенно окаменелая. Они исполняют вечные, никогда не изменяющиеся ритуалы и песнопения. Все это очень красиво, я могу понять твою привязанность к ним, но все это стерильно. Первая по-настоящему серьезная проблема, с которой они столкнулись, прикончит их. Я доказываю это прямо здесь и сейчас.

– Но Земля...

– Но Земля совсем не такая, – сказал Бронштейн. – Земная культура является полной противоположностью здешней. Да, она похожа, она демонстрирует культурные тенденции, изоморфные тем, что есть у Саллата, но шаблон совершенно иной. Обе культуры сейчас в застое, но на Саллате это постоянный застой старости. Земная культура еще незрелая, молодая, которая просто переросла все стимулы роста. Земля нуждается в вызове крозни, чтобы он выбил ее из накатанной колеи и подтолкнул к дальнейшему развитию. А Саллат давно миновал свой полдень и теперь может в последний раз оказаться полезным в качестве ступеньки для крозни.

Делоне задумался над этим. Он подумал о Брасконе и его манерной гитаре, о странных гармониях в музыке саллатов и о Тсалто, лежащем сейчас где-то на холме.

— Ваши холодные рассуждения мерзко воняют, — сказал он.

— Совершенно верно, — кивнул Бронштейн. — Но это необходимо.

НЕОБХОДИМО? Делоне поглядел на спокойное лицо Бронштейна и подумал о том, что сказали бы саллаты, например, Марья.

Предположим, Марья встретилась с Бронштейном, и Бронштейн сказал ей, что ее народ стоит на пути прогресса Земли. Делоне тут же с ужасом понял, что она скажет. Она, или Демет, или Тсалто, или любой другой из них: «Тогда, разумеется, мы должны быть уничтожены».

Делоне представлял то одного, то другого саллата. И ответ был всегда одним и тем же. Саллаты не знали ни жадности, ни эгоизма. Они видели бы только космическую необходимость и покорялись бы ей.

Во всяком случае, Делоне в одиночку ничего не мог изменить. Поэтому он протянул свой пистолет Бронштейну.

— Ты правильно поступил, — тихо сказал тот, с горькой констатацией факта.

— Ты победил, — признался Делоне.

Бронштейн улыбнулся.

— Ладно. Джек! — позвал кого-то.

В хижину вошел еще один землянин, высокий, бронзовокожий, с мощным бластером.

— Так тебя все время прикрывали, — печально сказал Делоне.

— Мы не можем позволить себе даже малейшего промаха, — ответил Бронштейн. — Все тузы должны быть только у нас в руках.

Делоне посмотрел на высокого землянина по имени Джек и повернулся к Бронштейну. Эти двое на пару методично уничтожали культуру, которая строилась тысячи тысяч лет, ради той цивилизации, чья время исчислялось всего лишь тысячелетиями.

— И что мне теперь делать?

— Ничего, — ответил Бронштейн. — Просто возвращайся к саллатам и живи с ними. Не говори им ничего и не пытайся помочь им победить в войне. Это лишь усложнит нам работу, но у тебя все равно ничего не получится. Я думаю, ты это уже понял. Да оно и не должно получиться.

— Ладно, — кисло сказал Делоне. — Я вернусь и стану изучать музыку, собирать скульптуры и ходить на танцы. И в один прекрасный день ты и твои крозни придут и разрушат все это.

— Печально, не так ли? — сказал Бронштейн, и Делоне показалось, что он увидел промелькнувшую на его лице настоящую грусть. — Но Земля важнее.

— Да, — сказал Делоне. — Земля важнее.

Убегаешь, убегаешь, вновь ожил его внутренний голос, но на этот раз Делоне понял, что голос говорит всего лишь по привычке. Он ничего не мог сделать, кроме как уйти. Да, и как это ни парадоксально, его уход будет самым большим участием в грядущих событиях. Отказавшись от помощи Саллату, он нанесет сильный удар по Земле. Саллат был обречен, а Земля, которую так жаждали эти люди, будет торжественно возрождена... когда-нибудь. Но сначала крозни пришлось бы расти и развиваться, и раздавить десятки других цивилизаций по всей Галактике, прежде чем их победный марш, наконец, выбьет Землю из нее летаргии.

Делоне повернулся, чтобы уйти. У этих людей были все козыри на руках. Нет никакого смысла пытаться спасти Саллат теперь, когда он увидел, что саллаты сами не захотят спастись, если поймут ситуацию. Ему не оставалось ничего, кроме как уйти и ждать, жить с Марией и со своей музыкой... И с мыслями о Земле.

Он встал и пошел к двери хижины. Но уже на пороге повернулся, посмотрел на Бронштейна и подумал, что происходит с самим Бронштейном?

— Есть еще один козырь, который вы упустили, — сказал Делоне, чувствуя внутреннюю дрожь. — Маленькая ошибка в вашем плане, которая может все изменить.

— И какая именно? — спросил Бронштейн.

— Предположим, что крозни станут слишком большим вызовом для Земли. Предположим, они захотят быть не просто спарринг-партнерами и будут все переть и переть на Землю, как сейчас прут по Саллату. Предположим, что Земля тоже не сможет их остановить.

Делоне показалось, что на бледном лице Бронштейна промелькнул страх.

— Это дикая карта в колоде, которая всегда непредсказуема, — сказал Бронштейн, когда Делоне уже уходил. — Джокер.

Делоне, не оборачиваясь, кивнул и подумал о том, как вообще Бронштейн может тащить на себе бремя такой сокрушительной ответственности? Затем он помотал головой и пошел в направлении деревни саллатов, чтобы там дожидаться нападения крозни.

The final challenge, (Infinity Science Fiction, 1956 № 8), пер. Андрей Бурцев

THE ORIGINAL SCIENCE FICTION

JANUARY 1957

STORIES

144
PAGES

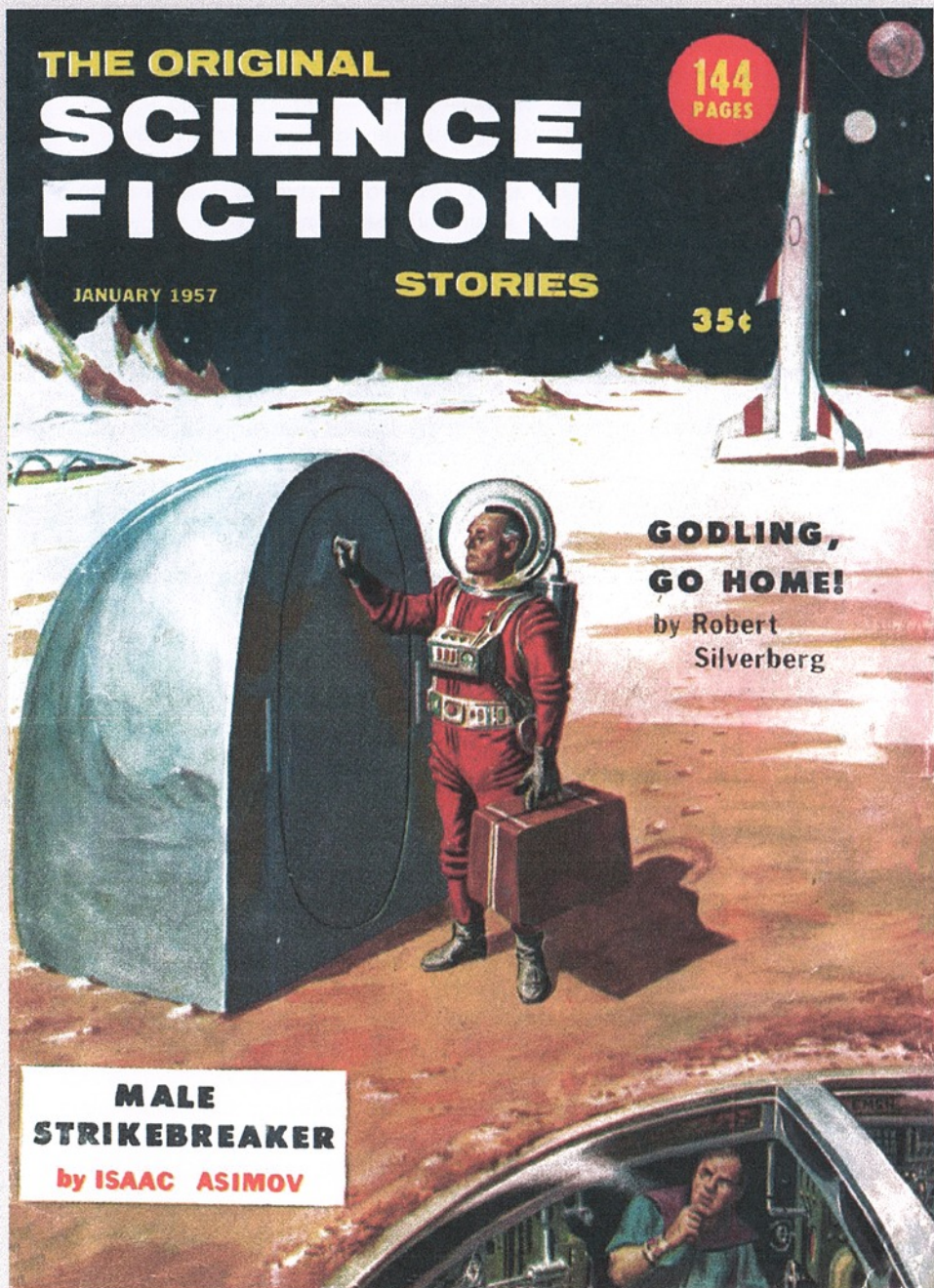
35¢

GODLING, GO HOME!

by Robert
Silverberg

MALE STRIKEBREAKER

by ISAAC ASIMOV

БОГИ, УБИРАЙТЕСЬ ДОМОЙ!

ЛЕЙТЕНАНТ КАРТИССЕР двигался по комнатке быстрыми, птичьими движениями, упаковывая вещи. Миссия была завершена.

Добравшись до громоздкого журнала, лежащего на черном деревянном столе, Картиссер обратился к Приватному Ноблю, сидящему в дальнем углу и читающему Инструкции Корпуса.

Картиссер постучал пальцем по журналу.

— Надеюсь, у тебя здесь все в порядке, Лью, — сказал он. — Это выгодно не мне, а скорее вам, потому что именно вам скоро предстоит высадка на одну из этих планет.

— Я справлюсь с этим, сэр, — напомнил ему Нобль, — как только буду готов.

— Конечно, как только будете готовы. Но вам лучше хорошо все изучить, потому что иначе это может стоить вам головы.

Нобль был костлявым, бледным молодым человеком. Всю миссию он просидел в маленькой хижине, шпиона за Картиссером и изучая методы лейтенанта по отношению к туземцам. Нобль вел себя так, словно был в развлекательном круизе.

— Все готово, сэр, — сказал Нобль. — Здесь записан каждый шаг, который вы совершили, начиная с того момента, как посадили корабль, направились прямо в центр города и начали использовать культурные рычаги давления. — Он уверенно улыбнулся. — Скоро я останусь в одиночестве.

Картиссер продолжал суетиться, собирая вещи, поэтому ответил через плечо:

— Надеюсь, что так. Вам остается только наблюдать за моими действиями, а когда-нибудь и вы получите право на собственную миссию и отправитесь дальше. Вас будут ждать новые планеты и новая кровь. — Картиссер продолжал молча упаковывать ящики, а когда закончил, то снова повернулся к Ноблю. — Что-то я совсем выдохся. Вы мне поможете, не так ли?

Нобль отложил справочник и схватил угол тяжелого ящика. Вместе они подняли его и вытащили на улицу, затем понесли в замаскированный космический корабль, стоявший в кустарниках фиолетового леса.

— **ВЫ ВЫГЛЯДИТЕ** встревоженным, сэр, — заметил Нобль, пока они с Картиссером ждали из Центра по пространственному радио разрешения на взлет. — Вы боитесь, что здесь у вас ничего не получилось?

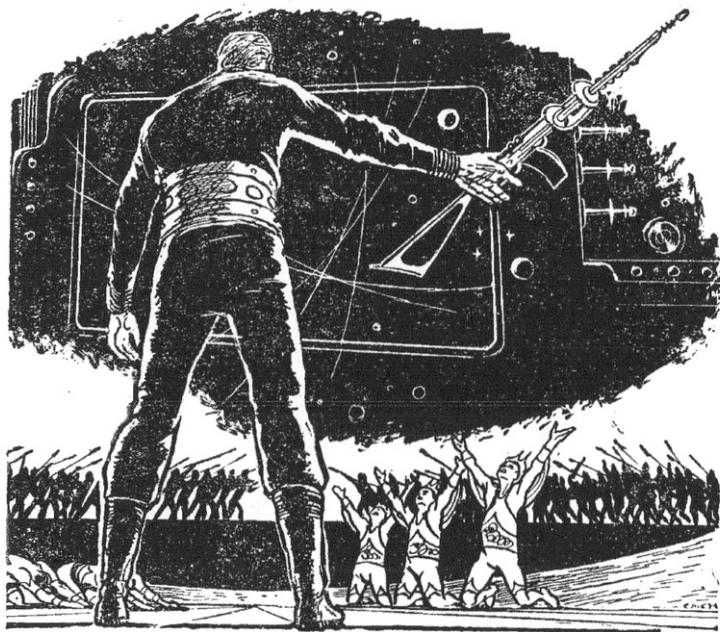
The time had come for the great test. Would the Earthman be hailed as a god when he returned to these people?

GODLING, GO HOME!

by ROBERT SILVERBERG

(author of "The Songs of Summer")

illustrated by EMSH

— Нет, — улыбаясь, сказал Картиссер, — это меня не волнует. Я здесь хорошо потрудился. Думаю, когда работа будет закончена, мы увидим здесь расцветающий каннибализм.

— Я тоже так думаю, сэр.

— Спасибо. Но меня беспокоит не эта планета, а следующая.

— Транакор?

— Транакор, — кивнул Картиссер. — Я впервые возвращаюсь на планету после ее перестройки. И меня много чего тревожит.

КАРТИССЕР рассматривал свое худощавое, встревоженное лицо в зеркале на пульте управления. В самом начале полета он был Ноблем, зеленым Ноблем, со встревоженным лицом. Но теперь все стало иначе. Теперь с ним летел другой молодой Нобль, растущий день ото дня и уверенный, что, наблюдая за работой Картиссера, развивает свои собственные способности. Картиссер становился все более напряженным, более встревоженным, по мере того, как приближалось время возвращения на Транакор.

Нобль откинулся на спинку антигравитационного кресла.

— В чем дело, сэр? Или это тоже должен понять я сам?

— Пятьдесят на пятьдесят, — рассмеялся Картиссер. — Меня беспокоят две вещи: время прыжка и собственная реакция, которую я проявлю, когда окажусь там. Я не могу предсказать, как транаки отреагируют на меня — это совершенно непредсказуемо, может, они действительно стали людоедами.

— А какой реакции вы ожидаете? — нахмурился Нобль.

Он летал уже довольно долго, но Картиссер по-прежнему отказывал ему в объяснениях.

— Я не знаю, — сказал Картиссер. — В самом деле не знаю.

Он тоже откинулся на спинку, вслушиваясь в себя. На левой щеке почти незаметно подергивалась маленькая мышца. Картиссер волновался, так что все было в порядке.

ВРЕМЯ ПРЫЖКА больше всего беспокоило его. Прыжок был на пятьсот лет вперед, это и вызывало у него тревогу, хотя ему давно уже было положено перестать думать о возрастающем расстоянии от его года рождения — 3108. Сейчас был 3518. Пятьсот лет сжались в один-единственный, практически неуловимый миг.

В тоже время, от реальных страхов Картиссера удерживала мысль, что и командующий Иордан из Центра, и новобранец Приватный Нобль сделают в свое время подобные прыжки. Он узнал, что, возможно, когда он выполнит свою миссию на Транакоре, то сумеет связаться с ними.

Транакор — вот истинная причина его волнений. На этой планете он выполнил свое первое задание тринадцать субъективных лет назад. Тогда он был точно таким же зеленым, как новобранец, которые сейчас летал с ним. А поскольку это было его первое задание, он то и дело беспокоился о том, что произошло с транаками, больше, чем с любой другой расой, с которой имел дело в последующих миссиях. Транакор был первой остановкой в серии миссии,

которые перенесли Картиссера через четыреста световых лет космоса до Дельты Канис Маджорис IV. А за это время на Транакоре прошло пятьсот лет.

Обратный полет займет еще пятьсот лет, благодаря сжатию времени. Это означает, что для транакорцев минует тысяча лет с тех пор, как он покинул их, обещая, что вернется в далеком будущем.

Картиссер машинально потер нос и уставился на молодого Нобля, который, как обычно, имел недоуменный, но не особенно напряженный вид. Картиссер подумал о том, обрадуются ли транаки, увидев его.

ЧЕРЕЗ КАКОЕ-ТО время раздался звонок.

– Включите экран, Лю, – сказал Картиссер.

Нобль нажал кнопку, и на экране, среди обычных лимонно-желтых помех появилось квадратное лицо командора Джордана.

– Все готово, Ломе? – улыбнулся командор.

– Все выполнено, – ответил Картиссер. – Работа на Дельте Канис прошла гладко. Я думаю, что мой Нобль мог бы и сам справиться с этим так же легко, как и я.

– Рад это слышать. Мы многого ждем от молодого Нобля.

– Через полчаса я улетаю с ним на Транакор, – сказал Картиссер.

– Он будет наблюдать за моим возвращением туда. А как вы?

– Я передал командование Оствальду, – ответил Джордан. – Дальнейшее развитие культуры теперь в его руках, и это ему нравится. Мой корабль вылетает вскоре после твоего, и я, по плану, отправлюсь на Землю. Ты свяжешься со мной после того, как закончите с Транакором, верно? Мне будет любопытно узнать, что там из них вышло.

– Разумеется, – сухо сказал Картиссер.

– Ты нервничаешь, – заметил Джордан. – Не нужно нервничать, мальчик мой. Подумай сам. Ты просто встретишься с кучей инопланетян с серой кожей. А я возвращаюсь на Землю – на Землю, которую не видел больше тысячи лет. Неужели твои проблемы важнее моих?

КАРТИССЕР ПОЧУВСТВОВАЛ радость от того, что слова Джордана немного успокоили его.

– Я все это понимаю, но все еще не могу разобраться в своих чувствах.

– Все мы чувствуем что-то подобное, – сказал Джордан, – только не позволяй чувством овладеть тобой. Я был точно также напуган, когда в первый раз вернулся на одну из моих планет, но все сомнения исчезли, как только я попал туда. Ты ведь тоже чувствуешь

сомнения, не так ли? Они сразу начали поклоняться мне. Я был для них богом. И они с благодарностью стали ожидать, когда я вернусь к ним.

– Именно этого я и боюсь, – сказал Картиссер.

– Наверное, очень приятно, когда тебя поклоняются, – неожиданно вставил Нобль.

Картиссер сердито покосился на него, потом заметил сердечную усмешку Джордана и ничего не сказал.

– Я свяжусь с вами через пятьсот лет, – сказал Картиссер экрану.

– Правильно. Удачи тебе, – твердо сказал Джордан и, не дожидаясь ответа, прервал связь.

Картиссер зевнул.

– Теперь мы в любую минуту должны быть готовы к прыжку.

– Да, сэр, – ответил Нобль.

Он наблюдал, как уменьшается на экране желтое пятнышко, пока оно не исчезло совсем, затем долго глядел на непроницаемую черноту. Он тоже волновался, хотя и не позволял себе показывать это, в отличие от Картиссера, который открыто проявлял свою тревогу. Нобль не беспокоился о том, что будет после обратного прыжка. Теперь он был слишком далеко от своей семьи, чтобы думать о ней. Он также не беспокоился о том, как встретят их транаки, поскольку был уверен, что Картиссер сумеет справиться с любой ситуацией. Нет, его беспокоило что-то иное. Но почему его вообще что-то беспокоило?

Приватный Нобль откинулся на спинку кресла, ожидая сигнала, означающего начало прыжка, брови его нахмурились, он глубоко задумался, впервые с тех пор, как покинув Землю, присоединился к Корпусу. В логичной схеме, которой являлась теперь его жизнь, появилась зияющая дыра, и загадочные ответы Картиссера не могли заполнить ее.

СИСТЕМА БЫЛА простой. Она развивалась с тех пор, как земляне достигли большинства близлежащих звезд, и обнаружили, что у большинства звезд имеются планеты, а большая часть этих планет уже занята. Также земляне обнаружили, что чужая жизнь везде, без всяких исключений, является безнадежно примитивной в отношении культуры и науки с техникой.

Однако первые же пять планет были готовы начать обучение. Таким образом, корпус был готов начать развивать их культуру и науки, исходя из предположения, что миллиарды остальных планет будут также способными обучаться.

Постепенно созрел план, включающий в себя операцию в два этапа. Сначала тщательно обученные земляне высаживались на

примитивную планету в сверкающем блеске славы, и заявляли, что они посланцы Небес, которые спустились, чтобы привести людей к вершинам Цивилизации и даровать им величайшие чудеса. Как правило, местное население сразу же принимало их. А если почему-либо их не принимали, то земляне устраивали несколько тщательно подготовленных чудес, и туземцы быстренько меняли свое мнение.

Затем следовала интенсивная программа культурной помощи, посредством которой первобытные народы, после тщательно продуманной серии обучения вставали на путь цивилизации. Земляне прививали туземцам желаемые ценности, обучали их элементарным технологиям и создавали какую-либо религию, которая помогала ими руководить. Туземцы обычно рассматривали землян, как великих доброжелательных отцов, посланных им, в зависимости от особенностей местной культуры, либо самой Природой, либо верховным Божеством.

КОГДА ТУЗЕМЦЫ твердо вставали на путь, который запланировали для них земляне, те прощались со своим народом и возносились в небеса, отправляясь на какую-нибудь другую планету, где все повторялось. Постепенно Корпус отработал все эти технологии до практически безошибочного метода.

Так Картиссер пролетел через пол галактики до Дельты Канис Маджорис, где принял успешно развивать местную культуру. Прямо с Земли с ним был отправлен молодой Нобль, чтобы учиться его методам, прежде чем он получит собственную миссию.

Так вдвоем они пролетели две планеты. Нобль оставался в замаскированном корабле и наблюдал за действиями Картиссера. Картиссер возвращался по вечерам, когда мог, и записывал свои впечатления. После двух планет Нобль решил, что достаточно хорошо изучил всю процедуру развития культуры, чтобы начать действовать самостоятельно.

Но сейчас наступал второй этап операции – совершенно нелогичный этап, о котором логично мыслящий Нобль много размышлял и все не мог понять – *зачем?*

КАРТИССЕР ТЕПЕРЬ находился на расстоянии четырехсот световых лет от начальной точки своей работы. От Транакора. Теперь он должен был совершить долгий прыжок обратно на Транакор и начать все заново. Эффект сжатия Лоренца-Фитцджеральда утверждал, что с момента его отлета на той планете прошла тысяча лет. Он возвращался, чтобы выполнить свое обещание – обещание, предписанное в Инструкциях, – что он вернется.

Если верить «Справочнику», подумал Нобль, цель повторного визита состояла в том, чтобы следить, что превосходство Земли поддерживается и воссоздается в глазах туземцев, рассчитывающих на выполнение обещания.

Зачем нужны обещания – это одно, подумал Нобль, но к чему демонстрировать вторично превосходство Земли? Зрелые общества, размышлял Нобль, не могут видеть необходимости в таком детском хвастовстве. В ходе развития они давно уже должны оставить такие примитивные стремления.

Не нужно возвращаться и демонстрировать еще раз свое превосходство. Казалось, здесь было что-то не так, но Картиссер ничего ему не объяснял.

– Это просто текст, – сказал он.

Прозвучал звонок, и Картиссер кивнул.

– Вот и Транакор, – коротко сказал он и нервно ухмыльнулся Ноблю.

ТРАНАКОР БЫЛ маленькой, в среднем похожей на Землю планетой, вращающейся вокруг похожего на Солнце светила, и Картиссер был счастлив от этого совпадения. Он понимал, что его первое задание в Корпусе было бы довольно неудобным, если бы пришлось проводить в организме хирургические изменения.

Направив корабль с двумя людьми к планете, Картиссер позволил себе несколько минут сентиментальных воспоминаний. Он вспомнил о том дне, тринадцать лет назад (целую тысячу лет назад!), когда он направился на Транакор, чтобы выполнить свою первую миссию, и приземлился, полный уверенности.

Теперь он вернулся, но уже не такой уверенный. Кончики его пальцев тревожно дрожали.

Транакор были мирными людьми. Самые рослые из них едва достигали землянину до плеча, а большинство не превышало метра двадцати. Это были гуманоиды, двуногие, с фиолетово-серой кожей, раздутыми, как у тюленей, ноздрями и странными выражениями лиц. Картиссер полюбил их с первого взгляда и всегда давал им предпочтение перед расами, с которыми столкнулся впоследствии.

Посадка прошла хорошо. Картиссер осторожно вышел наружу и осмотрелся, затем поманил Нобля, который быстро сбежал по подиуму. Теплый, сладковатый воздух планеты проник в их легкие. Воздух был лучшим, чем обладал Транакор. Сама земля была грубой и потрескавшейся, на ней росли искривленные деревья с синими листьями, торчащими на бесконечных равнинах, и маленьким обитателям приходилось тяжело работать, чтобы заставить эту землю давать урожай.

Когда Картиссер впервые прилетел сюда, то увидел, как туземцы зарабатывают кровавые мозоли, вспахивая жалкие борозды. Картиссер изменил это. И теперь, когда он осмотрелся, то увидел, что его труд не прошел даром. Длинные, широкие ряды горького на вкус зерна, который был здесь основным продуктом экономики, расстились, насколько мог видеть глаз. А раньше то тут, то там виднелись жалкие клочки фермерских полей.

— Начнем строить хижину? — спросил Нобль. — Я начну носить части сборного домика.

— Нет-нет, не беспокойтесь, Лью, — сказал Картиссер, положив ладонь на руку молодого человека. — Наверное, на этот раз мы будем следить за всем прямо с корабля, без постройки хижины, поскольку я здесь ненадолго.

— Но... — хотел было протестовать Нобль, но тут же замолчал.

Он уже усвоил, что Картиссер всегда знает, что делает.

Картиссер стоял, глядя на блестящие под солнцем ярко-желтые поля. И улыбался. *Должно быть, это и есть то самое чувство, которое все стремятся достигнуть*, сказал про себя Нобль.

Ну, ничего, скоро они все узнают.

— Собирайте катапульту, Лью. Наверное, лучше всего мне использовать именно ее.

Нобль кивнул, ушел в корабль и вскоре вернулся. Они начали собирать катапульту, нацеливая ее точно в середину крупнейшего города Транакора.

КОГДА КАТАПУЛЬТА со свистом выбросила его в атмосферу над столицей Транакора, Картиссер не сумел подавить возглас удивления. Когда он улетал, Малдона, столичный город, был просто конгломератом скучных хижин. Теперь же он увидел здания, простирающиеся до самого горизонта, где взад-вперед с жужжанием пролетали машины, а внизу толпами сновали транаки.

И прямо в сердце города высилась статуя землянина. Картиссер сразу понял, кого она изображает, и почувствовал, как в груди распространяется тепло. Нобль был прав — великолепное это чувство, хотя и отчасти зловещее.

Незадолго до последнего прощания Картиссер сказал Верховному президенту — траноку по имени Эбби, — что он непременно вернется, вероятно, через тысячу лет. Теперь Картиссер выполнил свое обещание.

Он спустился с неба в фонтане ярко-красных искр и сумел приземлиться у самого основания гигантской статуи. Даже десантные микродвигатели не сумели в достаточной степени смягчить удар

ногами об удивительно твердый тротуар. Подошвы пронзила боль. Картиссер тут же подмигнул, чтобы показать наблюдающему за ним Ноблю, вернувшемуся на корабль, что с ним все в порядке, затем поспешно снял с себя упряжь катапульты, и поспешно отошел в сторону. Сделал он это как раз вовремя. Катапульта изрыгнула пламя, вознеслась в небо и там взорвалась, очень эффектно завершив его появление. Он вернулся.

Картиссер огляделся. Со всех сторон к статуе сбегались люди. Картиссер прищурился, принял надлежащую позу, копируя статую, чтобы подчеркнуть их сходство, и остался так стоять — величественный, резко очерченный силуэт на фоне чистого, белого камня статуи.

ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ контакта не было никаких предписанных инструкций, какие были для первой высадки на планету. Так что Картиссеру предстояло импровизировать.

Его пальцы слегка дрожали, но он не менял позу, широко раздвинув ноги, и подняв вверх руки ладонями наружу. Легкое гудение в наушниках подсказало, что усилитель готов к работе, и Картиссер по привычке прочистил горло. Его кашель разнесся по всему городу.

Затем, чувствуя себя слегка нелепо, Картиссер сказал:

— О, мой народ, я вернулся!

При этом Картиссер надеялся, что язык не слишком изменился за десять столетий. Он еще тогда придумал запрет на реформу языка, чтобы обезопасить себя от непонимания в будущем. Впрочем, язык транаков был простым и эффективным, и не нуждался в изменениях.

Отголоски его голоса отразились от прекрасных небоскребов, и Картиссеру пришлось подождать, пока перестанет звучать эхо, прежде чем он снова заговорил. Он видел выражение страха на доверчивых лицах транаков. Толпа плотно сбилась полукругом, лицами к нему, подняв глаза, в которых отражалось обожание и изумление. Нежными, тихими голосами транаки снова и снова повторяли его имя.

Картиссер стоял, глядя, как они поклоняются ему, и постепенно его покидало чувство тщетности всего происходящего. Эта реакция была наиболее предсказуемой из всех, о которых он размышлял.

СИДЯ В КОРАБЛЕ перед экранами, Нобль наблюдал все это, буквально впитывая в себя происходящее, отождествляя себя с Картиссером и думая о том, как, должно быть, замечательно, когда тебе поклоняются. Затем его лицо загорелось от стыда.

Нет! — резко подумал он, увидел, как Картиссер благосклонно кивает собравшимся. *Это неправильно!*

Но почему, почему? — опять прозвучал в голове Нобля настойчивый вопрос. *Почему руководство корпуса настаивает на повторном возвращении и участии в этой комической опере? Зачем?*

Приватный Нобль упрямо помотал головой. *В этом же нет никакого смысла!*

Затем он увидел, как Картиссер поднял руку, требуя тишины, и снова прочистил горло.

— Я исполнил свое пророчество, — сказал он. — Я обещал вернуться, и я вернулся.

Последние три слова он произнес медленно, со всей силой драматического искусства.

Собравшихся охватила радость. Некоторые инопланетяне рухнули на колени, остальные сбились еще плотнее и подались к Картиссеру, в надежде прикоснуться к его ноге.

Картиссер как раз думал о том, как события будут развиваться дальше. Первыми логичным шагом было бы встретиться с местной большой шишкой и выяснить, что именно происходило на Транакоре за годы его отсутствия. Ориентировка всегда была первым правилом на чужой планете.

— Отведите меня к Верховному президенту, — сказал лейтенант, надеясь, что они все еще называют своего вождя именно этим титулом, который выбрал для него сам Картиссер.

НО ПРЕЖДЕ чем кто-либо успел шевельнуться, Картиссер увидел, как толпа расступается, образуя проход, по которому идет высокий, мрачный транак в богато расшитых золотом одеждах. Он энергично подошел к Картиссеру.

— Я Верховный президент, о, Картиссер. Ты можешь пойти со мной.

Хорошо здесь поставлено информирование, подумал слегка удивленный Картиссер.

Верховный президент четко развернулся на каблуках и снова пошел по проходу к транспортному средству, припаркованному за пределами толпы. Его автомобиль — как и положено — был великолепно украшен и так покрыт рисунками и лепниной, что было почти невозможно разобрать, где тут дверцы. Но на самой дверце виднелся знак молнии, сделанный из какого-то дорогого белого металла, и в этом знаке Картиссер узнал свой личный символ. Очевидно, это был знак власти.

Приватный Нобль, нахмурившись, сделал изображение экрана крупнее, чтобы лучше видеть действия Картиссера.

Верховный президент остановился в проходе на полпути и повернулся.

— Пожалуйста, проходите быстрее, — сказал он нетерпеливым тоном, более подходящим для нерадивого школьника.

Лейтенант послушно последовал за ним через обожающую его толпу, и Нобль увидел тень странной улыбки, промелькнувший на губах Картиссера. При этом Нобль снова помотал головой, думая, что это очень странный способ приветствовать вернувшегося землянина.

ОФИС ВЕРХОВНОГО президента находился во внушительном особняке неподалеку от центральной статуи Картиссера. Пока они медленно ехали по улицам, Картиссер видел над каждой дверью маленькую копию огромной статуи самого себя, а также знак молнии, который был явно здесь очень распространен. Все это ему понравилось, поскольку свидетельствовало о том, что планета не забыла его учение.

Верховный президент привел его в большое здание, они поднялись вверх по извилистой лестнице и прошли по коридору на восьмом этаже в кабинет.

— Сюда, пожалуйста, — сказал Верховный президент.

Тон его был очень деловитым, очевидно, он хорошо подготовился к подобному случаю. Казалось, он всю жизнь ожидал возвращения Картиссера.

Кабинет был роскошный, с толстыми мягкими портъерами на стенах и красивым ковром на полу. Все стены и каждый предмет мебели были украшены всевозможными декоративными рисунками. По-видимому, транаки достигли нефункциональной стадии своего эстетического развития, при которой люди с отвращением глядят на любое пустое пространство.

— Садись, о, Картиссер! — сказал Верховный президент.

Картиссер сел лицом к окну, из которого тут же увидел огромную статую, нависающую над площадью. Только теперь он заметил, что черты лица статуи выражали огромную, почти невероятную духовность.

НОБЛЬ ПРОСЛЕДИЛ за взглядом Картиссера и тоже увидел статую. Он почувствовал, что все больше смущается, особенно теперь, когда увидел, каким спокойным казался Картиссер. Его собственное замешательство увеличивалось прямо пропорционально ледяному спокойствию старшего.

Лейтенант рассказывал ему, какими примитивными были эти люди тысячу лет назад. Теперь у них появилось все, включая самого Картиссера.

Верховный президент сел перед лейтенантом и долгую, неловкую минуту глядел на него. Его широкие ноздри раздувались и опадали с каждым вдохом и выдохом. Наконец, он протянул руку и поставил на стол маленькую копию статуи Картиссера.

— Итак, — сказал транак, — это действительно ты.

Картиссер взял статуэтку в руку, поглядел на нее и кивнул.

— Я вернулся, исполняя мое старое обещание, — сказал он.

Транак сморщился, и Картиссер нахмурился.

— Я так и понял. С самого дня твоего ухода мы никогда не переставали верить, что ты вот-вот вернешься. Но я невыносимо мучаюсь от того, что ты действительно вернулся именно сегодня, в самый трагичный для нас день.

— Трагичный? — спросил Картиссер.

Нобль, безмолвный и бесплотный наблюдатель, изумленно заморгал.

— Лучше бы ты не возвращался, — страстно сказал транак. — Лучше бы ты оставался на небесах, там, где жил, но не возвращался!

НОБЛЬ ПОМОТАЛ головой, смутно ощущая, что здесь что-то не так. Судя по всему, транаки должны пасть Картиссеру в ноги и беспрерывно кланяться в знак благодарности. Лейтенант не должен позволять этому инопланетянину разговаривать с собой подобным образом.

— Я вернулся, чтобы продолжить свою работу, — сказал Картиссер, крепко стискивая зубы. — Я привез вам новые вещи, новые разработки, новые методики обучения...

— Нет! Именно поэтому ты и не должен был возвращаться. Люди помнят и любят тебя, они с радостью отдадут тебе власть. Они считают тебя сверхъестественным существом. — Транак криво усмехнулся. — Я понимаю, что ты просто живешь очень долго, но народ-то не понимает, что неправильно было бы позволить тебе и дальше руководить нами.

Неправильно? — подумал Нобль. *Но в инструкциях...*

— Значит, ты хочешь, чтобы я ушел, — очень тихо сказал Картиссер.

— Пожалуйста, уходи, — кивнул Верховный президент. — Немедленно. Ты исполнил свое пророчество и вернулся к своему народу. Я предлагаю тебе благословить его, сказать, как мы замечательно прогрессируем, и немедленно улететь обратно.

Нобль глядел, как Картиссер сидит на стуле, со странной усмешкой, исказившей его губы. Он тихонько барабанил по столу кончиками пальцев.

— Но вы же понимаете, — сказал он, — что в первый раз я еще не завершил свою миссию. Поэтому я и вернулся.

— Нет, — сказал транак. — Твоя миссия *завершена*. Уходя, ты оставил бразды правления в руках Верховного президента Эбби — моего прославленного предка. И эти бразды должны оставаться там, куда ты сам их поместил.

КАРТИССЕР НАХМУРИЛСЯ еще сильнее.

— Обоснуй мне это, — огрызнулся он.

Зачем он начал спорить? — подумал Нобль. Почему он не совершит чудо? Почему разрешает так с собой обращаться? Он же просто унижает Землю...

— Все очень просто, — сказал транак. — Твое присутствие здесь нарушает условия твоего же собственного учения.

— Каким это образом?

— Ты сам указал в качестве основного принципа нашего общества свободу... самоопределения.

— Совершенно верно, — сказал Картиссер.

До того, как он прилетел на эту планету, у транаков была жестокая система рабства, которую ему удалось легко разрушить, когда он изменил экономическую структуру их общества. При этом он действительно подчеркнул важность самоопределения.

— Ты дал нам направление, — продолжал Верховный президент, — и мы пошли по нему. У нас нет места пророкам с небес. Поэтому ты представляешь собой угрозу свободе транаков, потому что будешь говорить нам, что произойдет дальше. Мы не должны этого знать. Мы должны быть свободными сами принимать решения. Ты говорил нам это своими устами давным-давно.

Картиссер улыбнулся. Инопланетянин хорошо рассуждал, поскольку верно следовал его собственному кодексу, а значит, Картиссеру здесь нет больше места. Транаки могли сказать, что пророк не лучше тирана, а они не хотели больше ни тиранов, ни пророков. Они не видели разницу между тем и другим.

Даже Нобль понял логику происходящего. Верховный президент мудро предугадал, что народ, вероятно, обрадуется тому, что Картиссер начнет снова диктовать им, что нужно делать, и тем самым уничтожит все, чего они достигли за десять веков. Поэтому-то транак и просил Картиссера немедленно улететь.

Это звучит разумно, подумал Нобль, с их точки зрения. Но может ли лейтенант позволить им так запросто выкинуть нас с этой планеты?

КАРТИССЕР ПОГЛЯДЕЛ на инопланетянина. Верховный президент сидел перед ним, твердо стиснув зубы, сверкая зелеными глазами, и олицетворял всем своим видом силу, какой не было у этой расы десять столетий назад.

— Выходит, у вас больше нет места для меня? — еще раз спросил Картиссер.

— Совершенно верно. Как я уже сказал, ваша работа завершена. Вы передали управление в наши руки, и оно должно оставаться там, чтобы выполнять ваши же собственные указания.

— Вот же парадокс, — сказал Картиссер. — Я велел вам стать свободными, а потому вы удаляете источник этого повеления, чтобы обеспечить его выполнение.

— Такова наша позиция, — открыто сказал Верховный президент.

— Это же абсурд, — тихо сказал Картиссер, но тут же подумал, что в этом есть смысл. — Ладно, я уйду.

Он поднялся на ноги.

Что? — изумленно подумал Нобль.

— Вы сняли тяжкое бремя с моих плеч, — сказал инопланетянин. — Я боялся, что вы будете настаивать на продолжении своей работы у нас. В таком случае, все бы кончилось для нас очень трагично.

КОГДА КАРТИССЕР вернулся на корабль, Нобль ждал его, совершенно сбитый с толку.

До этого Картиссер произнес громкую речь. На площади, где стояла статуя, он говорил просто, понятно и с жаром, что спустился с небес, чтобы убедиться, что его программа выполняется правильно. Все идет хорошо, заявил он, благодаря прекрасной работе нынешнего Верховного президента, которого, по мнению Картиссера, звали Эбби XXXII.

Затем Картиссер поднялся на вершину статуи и оттуда произнес второе пламенное прощание. Когда же он глянул вниз, то увидел маленькое, серое лицо Эбби XXXII. Верховный президент усмехался с явным облегчением, что так легко отделался от Картиссера.

Вернувшись на корабль, лейтенант широко улыбнулся.

— Полагаю, вы все это видели, — сказал он.

— Разумеется, видел! — воскликнул Нобль. — Чудовищная неблагодарность — просто взять и выкинуть вас. Ведь вы столько сделали для них. И вы позволили им это сделать, сэр! Но почему? Почему?

— Неблагодарность? — машинально повторил Картиссер. — Ну, почему же неблагодарность?.. Хотя, да, наверное, вы могли назвать это и так. Они отвергли меня, хотя я столько сделал для них. — Он неловко кивнул. — Да. Неужели они действительно такие неблагодарные?

— Однако я не понимаю, сэр, — несчастным голосом сказал Нобль. — Что вы будете делать дальше? Просто оставите их?

— Именно это сказал мне Эбби, не так ли?

— Но инструкции... Установление превосходства Земли... Нет, вы должны...

— Нет, — перебил его Картиссер. — Моя миссия закончилась неудачей. Я собираюсь связаться с Джорданом и сообщить об этом... об этом провале. Затем отправимся на Кирон, следующий пункт нашего назначения на обратном пути. Может быть, меня и оттуда вышвырнут.

НОБЛЮ ПОКАЗАЛОСЬ, что в голосе Картиссера прозвучала горечь, полностью противоречащая невозмутимому выражению лица лейтенанта. И он помолчал, совершенно сбитый с толку, затем спросил:

— А что теперь, сэр?

— Теперь? Теперь, вероятно, вы получите собственное задание, если считаете, что готовы действовать самостоятельно.

Он повернулся к подпространственному радио и включил его, чтобы связаться с командором Джорданом, который должен уже быть на Земле.

Через какое-то время, повозившись с настройками, ему все же удалось связаться с Джорданом.

— Ну и что? Как все прошло? — без всяких предисловий спросил командор.

— Полный провал, — сказал Картиссер, слишком легко, чтобы удовлетворить возмущенного Нобля. — Полный и недвусмысленный провал.

Взгляд Джордана просветлел.

— Не знаю, что и сказать, Ломе. Может быть, ты начнешь говорить яснее.

Картиссер взглянул на Нобля и сказал:

— Я говорю совершенно буквально. Меня просто вышвырнули оттуда. Верховный президент дал мне понять, что я ему не нужен. И я улетел. Нобль был здесь и все это видел.

— Неудача! — выкрикнул Джордан. — Наша первая, абсолютная неудача! Как чудесно! Подождите, пока Центр узнает об этом. — На

лице его светилось торжество. — Блестящая работа, Ломе. Я рад, что ты первый из нас совершил этот прорыв. Ты этого заслуживаешь.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Картиссер. — Вы сообщите об этом, командор Джордан? Разумеется, я сам пошлю отчет по обычным каналам, но, думаю, что Центр должен немедленно узнать обо всем.

— Конечно, — сказал Джордан. — Я сейчас же свяжусь с ними. И еще раз поздравляю. Я знал, что мы в конце концов сделаем этот.

Он прервал связь.

КАРТИССЕР ДОЛГО глядел на пустой экран, затем повернулся к Ноблю. Тощий новичок стоял, глядя на него с замешательством на лице.

— Скажите мне, сэр, — медленно и почти что робко сказал Нобль, — почему столько хлопот с этой неудачей? Я могу показаться вам невежественным, но...

Картиссер сел и начал снимать сапоги.

— Это был самый полный и разрушительный провал миссии за всю историю Корпуса. Меня приняли с предельной неблагодарностью и вышвырнули с планеты. Правильно?

— Да, сэр.

— Отлично. Во всех других в случаях возвращения, — медленно продолжал Картиссер, — вернувшегося члена Корпуса горячо приветствовали и встречались с распростертыми объятиями, правящее духовенство быстро и с радостью отдавало ему все бразды правления и все в таком духе. На одной планете, не стану называть, на какой именно, один из наших парней совершил такое обратный полет через восемь независимых лет, и был настолько рад встрече и взволнован ответственностью, что не думаю, что он когда-либо покинет эту планету. Вернее, он давно уже отошел в мир иной, поскольку это было пятьсот лет назад. И так повсюду было триумфальное подтверждение и силы и превосходства землян, и правящие круги успешно передавали вернувшемуся все рычаги правления.

— За исключением вашего случая, — заметил Нобль. — Вас-то отвергли.

— В точку. Я был отвергнут, я потерпел неудачу, но одновременно это является самой большой нашей удачей, — сказал Картиссер.

НОБЛЬ ПОМЯЛСЯ с ноги на ногу.

— Все равно я не понимаю, сэр. Что все это значит?

— Что именно, Лью?

— Если бы мы проводили эту программу помощи отсталым народом по-взрослому, — с горечью сказал Нобль, — не нужно было бы никаких повторных возвращений.

Картиссер опять поднялся.

— Твоя ошибка, сынок, в том, что ты все еще не понял задачи Корпуса.

— Что вы говорите, сэр? — лицо Нобля побелело еще больше, чем обычно.

— Да ты должен был бы плясать от радости, потому что меня выкинули отсюда. То есть, если ты действительно понимаешь, что такое Корпус. Но ты этого не понял, и если не поймешь в ближайшее время, то у тебя могут возникнуть проблемы.

Нобль отчаянно помотал головой. Он признавал, что не понимает позицию Корпуса, — хотя ему казалось иначе, — так как не мог решить загадку, которая мучила его с тех пор, как он вступил на этот корабль.

— Сэр, я...

— Давай еще раз тщательно все рассмотрим, — сказал Картиссер. — Я тоже не сразу это понял. Но это достаточно просто.

— Давайте, — беспомощно сказал Нобль. — Вы все еще взволнованы, потому что вам не удалось восстановить превосходство Земли. Но это именно то, что я не...

— Забудь о восстановлении и превосходстве, — рявкнул Картиссер. — Я вторично отправился на Транакор с одной надеждой, что буду выброшен оттуда немедленно, как только там появлюсь. И они сделали это. Это великое достижение.

— Достижение? — повторил Нобль. — Мне кажется, что я вот-вот пойму суть происходящего, но я не могу все собрать воедино.

— Подумай сам. Меня отвергли — это единственное, что ты знаешь. Отлично. Ну, как ты считаешь, какие задачи выполняет Корпус? Создает Земную Галактическую Империю? Мы пытаемся развивать эти расы, а не использовать их. А чтобы их развивать, мы должны помочь им стать на собственные ноги. Они должны сделать это сами.

Внезапно на лице Нобля появилась широкая улыбка.

— Теперь я все понял, — нетерпеливо сказал он. — Вы их обучали, пока были там, и одновременно развивали их естественные наклонности, который изначально были у транаков. И впервые мы — я имею в виду, Корпус — развили расу до такой степени, что она больше не нуждается в нас, что она могла сама управлять собой, без дальнейшего внешнего руководства! — Когда Нобль получил ответ на мучившую его загадку, он практически светился этим новым знанием, осознание истинной цели Корпуса холодком пробегало у него по спине. — Теперь я все понял! Этот тест! Все идет правильно, если раса изгоняет землянина. Значит, она прошла тест. Когда вы явились перед ними, то, на что вы надеялись, было последним, чего

я ожидал. Вы хотели, чтобы они были неблагодарными. Это был первый признак их роста.

КАРТИССЕР ШИРОКО улыбался. Нобль поглядел на него.

— А как насчет других рас, с которыми вы работали, сэр?

— Скоро мы это узнаем. Необязательно, чтобы все они прошли этот текст. С этим больше связаны их генетические предрасположенности, чем то, что я мог в них внедрить во время обучения.

— Понятно.

Нобль секунду помолчал, затем, когда ему в голову пришла новая мысль, рассмеялся.

— В чем дело?

— Ни в чем, сэр. Совсем недавно я боялся просить вас об аттестации, потому что не хотел причинять вам боль, слишком рано вас покидая, но теперь я понимаю, что больше нет смысла оставаться с вами. Я тоже прошел проверку, — усмехнулся Нобль. — Я тоже собираюсь отвергнуть вас. Я тоже буду неблагодарным. Это последний полет, который мы совершаем вместе, сэр. В следующий раз мы разойдемся каждый своим путем.

Картиссер кивнул.

— Вот теперь ты готов, — сказал он и вновь повернулся к радиостанции. — Добро пожаловать в Корпус. Мы добились успеха только раз, но это шаг к нашей цели — к Галактике, полной независимых народов. Однако, это всего лишь один успех. А нам нужно больше, бесконечно больше. Такие люди, как мы с вами, будут работать над этим успехом. — Он нахмурился. — Мы ведь даже еще не уверены, действительно ли добились этого успеха.

— Вы имеете в виду, что есть возможность потерпеть неудачу на Транакоре?

Картиссер повернулся к пульту управления.

— Конечно, — сказал он, протянул руку, и палец его повис над пусковой кнопкой. — Это может быть всего лишь ложное развитие, Лью. Мы не получим уверенность до тех пор, пока они сами не начнут посылать своих миссионеров. Только тогда мы узнаем, что действительно кое-чего добились!

Godling, go home! (Science Fiction Stories, 1957 № 1), пер. Андрей Бурцев

ANC
IMAGINATION
SCIENCE FICTION

AUGUST, 1957

35¢

**BATTLE
OUT OF TIME**

by Dwight V. Swain

РЕАЛЬНОСТЬ НЕОГРАНИЧЕНА

ЭТО БЫЛО шоу столетия — лучшее, что могла дать современность.

Очередь в театр протянулась на восемь кварталов — театр был специально построен, чтобы вместить в себя *Ультрараму*.

Пол Хендрикс занял место в очереди с раннего утра, поэтому сейчас был меньше чем в квартале от еще закрытой билетной кассы. Жена время от времени приезжала к нему, с бутербродами и кофе. Хендрикс решил во чтобы то ни стало купить билеты.

— Сколько сейчас времени? — повернулся он к стоящему за ним человеку.

— Без десяти минут пять.

— Так я и думал. Билетная касса откроется в пять. — Хендрикс приподнялся на цыпочки и прищурился. — Перед нами, должно быть, человек пятьсот.

— Говорят, что в театре пять тысяч мест.

— Знаю. А еще говорят, что где бы вы ни сидели, эффект будет один и тот же. Но все равно я хочу быть в передних рядах.

— Как и все мы, — кивнул его собеседник.

Хендрикс усмехнулся.

— Знаете, я впервые слышу о том, что наконец-то с нами поступили правильно. Я имею в виду, что билеты открыты для публичной продажи вместо того, чтобы быть зарезервированными для шишек.

— Проклятые общественные деятели, — согласился его собеседник.

Внезапно очередь начала продвигаться вперед.

— Начали продавать билеты!

— Кассы открылись!

Час спустя Хендрикс отдал двадцать долларов девушке — эффектной девушке в билетной кассе — и получил взамен пухлый конверт.

— Это мои билеты?

— Совершенно верно, сэр.

Несколько озадаченный, но счастливый, он отвернулся и вскрыл конверт. Оттуда он достал не обычные картонные бланки, но два дорогих роскошных приглашения, на толстой жесткой бумаге, с роскошной гравировкой. На приглашениях было написано:

Приглашение на премьеру в любой точке мира.

От *Ультрарамы*.

Новый сенсационный фильм более реален, чем сама жизнь.

Среда, 25 апреля 1973 года, в 20:00.

REALITY UNLIMITED

by

Robert Silverberg

**It was to be the last word in theatre fun;
you experienced the action as if you were there.
The trouble was — the fun could become too real!**

Стискивая билеты так, словно они были его правом на жизнь, Хендрикс вошел в кабину квиктранса, и через пару секунд уже входил в свою квартиру.

Жена ждала его с явным нетерпением на лице.

— Ты достал их?

— Конечно! Два тисненных приглашения, по десять баксов каждый.

— Лучше бы им стоять таких денег, — неуверенно произнесла жена.

— Но ты же видела очередь, когда приносила мне завтрак? На целых восемь кварталов! Сотни, да что там сотни — тысячи людей стремятся увидеть премьеру!

— Это еще ничего не значит, — сказала жена. — В конце концов, никто еще не видел этот фильм...

— Это не фильм, — поправил ее Хендрикс.

— Ладно-ладно... Это полный отпад. Никто никогда не видел ничего подобного — даже те люди, которые работали над ним.

— Тогда откуда тебе известно, что это великолепно?

— Поверь мне, дорогая, эта штукавина войдет в историю как Величайшее достижение человечества.

В СРЕДУ, 25 апреля 1973 года, в 7:30 вечера Хендриксы стояли посреди огромной толпы, собравшейся на открытой площади перед театром *Ультрарамы*. Сам театр высился над площадью, это было впечатляющее здание, построенное именно для *Ультрарамы* — один самых великолепных зданий в мире.

— Спокойнее, не напирайте! — выкрикивали полицейские. — Люди с билетами проходят дальше. Остальные остаются.

Наконец, полицейским удалось расчистить проход через толпу, и Хендриксы, а также несколько сотен других человек, прибывших рано, сумели пройти к дверям огромного театра.

— Что делают здесь все эти люди? — спросила миссис Хендрикс.

Муж пожал плечами.

— Возможно, они планируют прорваться силой — или, возможно, думают, что могут остаться лишние билетики. Говорю тебе, нам очень повезло, что я все-таки достал билеты.

Он предъявил приглашение высокому, надменному швейцару в роскошной униформе. Швейцар просто кивнул, позволяя им пройти.

— Разве он не должен порвать билеты?

– Только не в ночь премьеры, – сказал Хендрикс. – Они дарят нам эти билеты в качестве сувенира.

Они прошли внутрь и оказались в огромном, почти бескрайнем вестибюле, покрытом глубоким пушистым синтофоном густо-фиолетового цвета. Сводчатые стены из сверкающего металла вздымались верх до еле видимого потолка.

– Если это только фойе, – сказал Пол Хендрикс, – представляешь, что там внутри!

– Послушай, не пытайся меня шокировать! – подтолкнула его жена.

К ним, весело улыбаясь, приближалась девушка лет семнадцати. Хендрикс заморгал. На ней были только две почти прозрачные полочки мерцающей ткани, одна на груди, другая вокруг бедер.

– Добрый вечер, – сказала она. – Я ваша провожатая. Могу я провести вас на места?

– Да, здесь действительно есть на что посмотреть, – пробормотал Хендрикс.

Девушка взглянула на приглашения, которые он сжимал в руке, и поманила, чтобы они следовали за ней. И пошла, покачивая бедрами.

Перед ними висела яркая *алюмоидная* дверь. Девушка коснулась невидимой кнопки, и дверь скользнула назад, открывая собственно внутренность театра.

Хендрикс так и ахнул.

Интерьер был почти что размерами с футбольный стадион. Там, где должно находиться игровое поле, стояли ряды плюшевых пневматических кресел. А все остальное было экраном.

Экран покрывал все стены, пол и потолок. Он охватывал публику со всех сторон. Когда Хендрикс занял свое место, то почувствовал себя окруженным им.

Они ждали полчаса, нетерпеливо ерзая на сиденьях. Театр быстро наполнялся роскошно одетыми счастливыми избранниками.

– Я так рада, что мы оделись в выходную одежду, дорогой.

– Да, – сказал Хендрикс, оглядывая остальных. – Это ведь уникальное событие. Уникальное событие.

К 8:00 ВСЕ места были заполнены. Отряды почти обнаженных провожатых быстро и эффективно выполняли свою работу.

И в восемь часов послышался голос.

– Добро пожаловать в *Ультрараму*!

Это был вежливый, мягкий женский голос, и раздался он так близко, что Хендрикс удивленно взглянул на жену. Та поглядела на него в ответ. Она тоже услышала этот голос.

— Сейчас вы станете свидетелем самой великолепной формы развлечения, — продолжал голос, — когда-либо созданной человеческим разумом. Двенадцать лет сконцентрированной работы превратились в то, что вы сейчас увидите, и не только увидите, но и испытаете в полной мере. Каждый из вас примет участие в происходящем. Каждый, так как серия сцен, которую мы собираемся вам показать, станет реальностью *Ультрарамы* — или, скорее, ультрареальностью *Ультрарамы*. Мы начинаем!

Свет в зале начал медленно гаснуть, и ожили огромные экраны.

Это было невероятно.

Внезапно они оказались в Африке.

Перед ними распахнулись огромная равнина Южной Африки. Хендрикс завертел головой, изумленно озираясь. Зрители, казалось, исчезли. Он был один в мире пожелтевшей травы и странных толстых деревьев. На равнине, где смерть могла появиться в любой момент.

Вдалеке он увидел четыре гротескные фигуры — жирафы,двигающиеся своей неуклюжей, но все же чрезвычайно быстрой походкой, с далеко выступающими из тел длинными шеями. Хендрикс трудом подавил смех.

Но тут низкое рычание заставило его подпрыгнуть. Он приклонился к шершавому стволу дерева, чувствуя, как пот ручьями льется по телу, когда из скрученных кустов выскочило что-то рыжеватое и бросилось на одного из жирафов, яростным ударом лапы сломав его хрупкую шею.

Львица. Внезапная смерть появилась словно из ниоткуда, яркая и безжалостная. Хендрикс встревоженно огляделся. Жирафы бежали, а львица тащила свою жертву в подлесок. Теплый воздух наполнился запахом смерти и жужжанием зеленых мух. На умирающем, почти лишенном листьев дереве сидели уродливые фигуры, словно скорчившиеся монахи в капюшонах.

Грифы. *Они что, ждут меня?* — подумал Хендрикс.

Это было *слишком реально*. Просто невыносимо реально.

В поле зрения появилось стадо газелей, снимая часть напряжения. Эти прекрасные существа, казалось, плыли по воздуху, только иногда касаясь земли. За ними тяжелой, размашистой походкой шествовали тускло-серые слоны.

Да, это была Африка. *Это все по-настоящему*, сказал себе Хендрикс. *Никакой это не фильм. При помощи какой-то магии специалисты Ультрарамы действительно отправили меня сюда.*

Он пошел дальше, осторожно озираясь. Потом в джунглях показалась вялая река, и, влекомый любопытством, Хендрикс пошел к ней. У берега в мелкой мутной воде лежали какие-то темные бревна. Но Хендрикс увидел, как одно из бревен зевнуло, показывая двойной ряд смертоносных зубов, и сонно скользнуло в более глубокую воду.

Крокодилы. В джунглях повсюду угрожает смерть.

В вышине о чем-то трещали обезьяны, от дерева к дереву перелетали ярко раскрашенные птицы. Хендриксу стало жарко, в нос ему били всевозможные запахи. И все это было реальным. Он даже подумал о том, закончится ли это когда-нибудь, вернется ли он когда-нибудь в свою маленькую, аккуратную городскую квартиру, к жене и детям?

Он отвернулся от реки и взглянул на пылающее в ярком синем небе солнце. И тут внезапно с дерева к нему метнулась черная смерть.

Хендрикс успел узнать ее. Пантера, черная, гладкая, движущаяся с легкой грацией машины для убийств. Он отшатнулся от яростного зверя, чувствуя мускусный запах убийцы.

Затем к его горлу потянулись когти. Горячие уколы красный боли пронзили его.

– Нет! Нет! – завопил Хендрикс, пытаясь оторвать от себя зверя. – Это не может быть по-настоящему! Да отвали ты от меня!

И в этот момент Африка исчезла.

– **ВТОРАЯ СЦЕНА**, – раздался возле его уха прежний мягкий голос.

Он снова был один, в незнакомой комнате. В женском будуаре, подумал он. На широкой манящей постели лежало атласное покрывало, туалетные столики были уставлены парфюмерией и косметикой.

Позади Хендрикса открылась дверь. И вошла женщина.

Он никогда не видел ее прежде. Высокая, одетая лишь в легкое negligee, едва скрывающее ее длинные гладкие ноги и твердые груди. Она была квинтэссенцией всего, что он когда-либо хотел в женщине. Она пробудила его желание, которое оставалось мертвым почти двадцать лет.

– Привет, – сказала она, и голос ее дрожал, словно от боли. – Я так долго ждала тебя, Пол Хендрикс.

Откуда она знает мое имя? Как...

Затем Хендрикс перестал задавать вопросы. Скользящим движением женщина оказалась рядом с ним, и стояла, глядя ему прямо в глаза. Грудь ее мягко поднимались и опадали. Она была почти такой же высокой, как и он. Он ощутил заманчивый запах ее духов.

— Идем, — сказала она, беря его за руку, и повела кровати.

Хендрикс нахмурился.

— Но моя жена... — пробормотал он, чувствуя себя семнадцатилетним идиотом, когда произносил эти слова.

— Твоя жена сейчас тоже счастлива. Иди же ко мне, Пол.

И она притянула его к себе...

Казалось, прошли часы. Внезапно Хендрикс почувствовал, как чья-то рука грубо трясет его, пробуждая.

Он повернул голову. Перед кроватью стоял незнакомец в уличной одежде, с угрозой, горящей в глазах.

— Кто этот мужчина, Луиза? — спросил он.

Широко раскрытые глаза женщины забегали по сторонам.

— Но... Я не ждала тебя до...

— Разумеется, не ждала! — прорычал незнакомец.

Хендрикс с ужасом смотрел, как он вытаскивает из кармана пистолет. Черное дуло ствола, казалось, глядело Хендриксу прямо в глаза. Палец дрогнул на спусковом крючке.

— **ТРЕТЬЯ СЦЕНА**, — послышался мягкий голос.

Он стоял, держа в руках сетку и какое-то странное трезубое копье. В уши ему ударил рев огромной толпы. Хендрикс заморгал, приглядываясь к новой иллюзии, и понял, что стоит на поле громадного стадиона. Со всех сторон на него глядели странно одетые люди.

Боже правый, подумал он. *Это же Колизей!*

И успев лишь подумать об этом, он увидел, как на него по окровавленному песку надвигается противник. Это был смуглый, широкоплечий человек в кожаной тунике, с толстым, коротким мечом.

Мечник против сетеносца. Это была смерть, только смерть.

Хендрикс достаточно знал историю, чтобы понять, что от него ожидается. Он должен был закатать противника в сеть и заколоть его трезубцем, прежде чем острый меч вонзится ему в сердце. Это было не такое уж и равное состязание, но при надлежащей ловкости...

Меч блеснул на солнце, высоко вздымаясь вверх. Хендрикс отчаянно парировал удар рукояткой своего трезубца и закрутил в воздухе сетку. Меченосец засмеялся и отпрыгнул назад.

Хендрикс двинулся на него. Рев толпы стал оглушительным. Он осторожно развернул сеть, готовясь к следующему броску. В ногах и бедрах пульсировали уже утомленные мышцы.

Мечник, улыбаясь, опять ловко увернулся. Выглядел он уверенно. Хендрикс снова шагнул вперед.

И внезапно мелькнул меч. Это была молниеносная атака. Хендриксу удалось поднять трезубец, чтобы парировать удар, но при этом его рука онемела, и он выронил свое оружие. Весело смеясь, его противник пинком отшвырнул трезубец далеко по арене и двинулся вперед с мечом.

Хендрикс знал, что ему остается. Он опустился на колени перед наступающим мечником и посмотрел на зрителей.

Мечник тоже кивнул, поднял меч и, держа его над головой Хендрикса, поглядел на большой помост. Хендрикс тоже поднял взгляд.

Большие пальцы были опущены. *Симпатичненько*, еще успел подумать он.

Меч начал опускаться.

– **ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА**, – раздался голос.

Он безумно, со скоростью ста пятидесяти миль в час, мчался в хлипкой, маленькой гоночной машине по треку в Индианаполисе. Земля летела во все стороны.

Внезапно он увидел, как машина впереди покатилась кубарем. Ее мгновенно охватило пламя. Хендрикс отчаянно дернул руль, пытаясь избежать столкновения.

Но это не удалось. Он почувствовал, как машина поднимается в воздух, и закрыл глаза, ожидая последующего взрыва.

– **ПЯТАЯ СЦЕНА**, – сказал голос.

Хендрикс стоял в доисторических джунглях. Вокруг вздымались странные коренастые деревья и пышный подлесок, из которого медленно вышла зверюга огромных размеров. Ее крошечная голова, опущенная к земле, безостановочно подхватывала листья и ветки. В воздухе какими-то рывками перемещалась летающая рептилия с кожаными крыльями.

Внезапно раздался гром. Хендрикс повернулся.

Сквозь дымку стаи гигантских комаров он увидел приближающегося к нему огромного, с гору величиной, зверя. Его крошечные передние лапки сжимали воздух, а разинутая пасть показывала зубы величиной с ногу Хендрикса.

Хендрикс бросился бежать, хотя уже понял, что это бессмысленно. В джунглях было жарко и душно, как в бане, пот градом

катился по его лицу. Спинай он уже ощущал горячее дыхание тиранозавра.

Хендрикс остановился, повернулся и поднял взгляд. Могучие челюсти открылись, сверкали зубы, похожие на сабли.

– Нет! – закричал Хендрикс. – Нет!

И тут все исчезло.

МГНОВЕНИЕ ОН сидел в тишине, понимая, что вернулся в театр.

– После короткого перерыва мы покажем вам вторую половину программы, – сообщил голос возле его уха. – Пожалуйста, оставайтесь на своих местах, чтобы не возникло путаницы. Спасибо за внимание.

Хендрикс устал, он испытывал головокружение и был совершенно измучен. Его жесткая белая рубашка перестала быть накраш-маленной и шикарной. Он буквально купался в поту. Руки дрожали. Мимолетно Хендрикс заметил, что ногти его были обкусаны. Ему казалось, что он побывал в аду и вернулся обратно.

Наконец, он набрался достаточно сил, чтобы поглядеть на свою жену. Та сидела в плюшевом кресле, совершенно обессиленная. Затем Хендрикс оглядел зал. Все зрители сидели, усталые до полного изнеможения, явно испытывая нервный срыв.

– Вторая часть программы начнется через три минуты, – раздался приятный голос.

– О, нет, нет, только не это, – вслух пробормотал Хендрикс.

Голос его прозвучал, словно карканье вороны. Он схватил жену за руку и почувствовал, какая она холодная и липкая.

– Идем, Дот. Быстрей идем отсюда.

Жена чуть пришла в себя и молча кивнула. Шатаясь, они пошли по огромному проходу, вышли в огромные открытые двери, прошли через необозримый вестибюль и оказались в прохладе ночного воздуха и относительного городского покоя.

На площади перед театром все еще толпился народ.

– Ну, и как оно? Прекрасно?

– Это конец?

– Эй, почему вы так быстро уходите?

Хендрикс игнорировал все эти выкрики. Взмахом руки он остановил реактивное такси, помог жене сесть, и с трудом забрался в машину сам. Потом сказал водителю свой адрес.

– Вы были на премьере *Ультрарамы*? – спросил водитель.

Хендрикс кивнул.

— Шикарно, не так ли? Наверное, там все реально. Я имею в виду, почти как на самом деле?

— Конечно, — пробормотал Хендрикс.

Он откинулся на спинку сиденья и попытался расслабиться. Но все нервы были по-прежнему натянуты и дрожали, точно струны арфы.

— Там действительно все шикарно, — сказал он. — Только это не для меня. Я еду домой. Я хочу принять душ, проглотить успокаивающие таблетки и лечь в постель. Потом прочитаю хорошую, спокойную книгу. А как ты, Дот?

Жена кивнула.

— С меня тоже более чем достаточно, — сказала она.

Reality unlimited, (Imagination, 1957 № 8), пер. Андрей Бурцев

Smashing New IVAR JORGENSON Novel

SCIENCE FICTION ADVENTURES

Complete Novels by Top Writers

August

PDC

35¢

ALIEN NIGHT

by Thomas N. Scortia

FORBIDDEN CARGO

by Harlan Ellison

ЭТОТ МИР ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ!

(Под псевд. Ральф Берк)

ГЛАВА I

Карнес не очень-то походит на человека, который может с легкостью заказать гибель планеты, подумал Лой Гарднер. Вроде бы, он не обладает необходимой для этого твердостью, несмотря на угловатость лица. Но никогда нельзя точно сказать что-либо о людях.

Карнес ведь и не должен выполнять эту работу сам, это дело Гарднера. Но решение принимает Карнес, и это самая ужасная часть его работы.

— Через шестьдесят семь лет плюс минус восемь месяцев, — сказал Карнес, постукивая пальцем по листочку с вычислениями, — Лурион начнет тотальную войну против Солнечной системы. Во время этой войны Земля будет полностью разрушена.

— Как мило, — лицо Гарднера ничуть не изменилось. — То есть, если машина не ошибается и говорит об этом правду.

— Правду? Истина — это концепция, которая существовала лишь в далеком прошлом. Эти события еще не произошли. Компьютер утверждает, что они произойдут, если мы это допустим. Но мы же этого не допустим?

— О, да, — тихо сказал Гарднер.

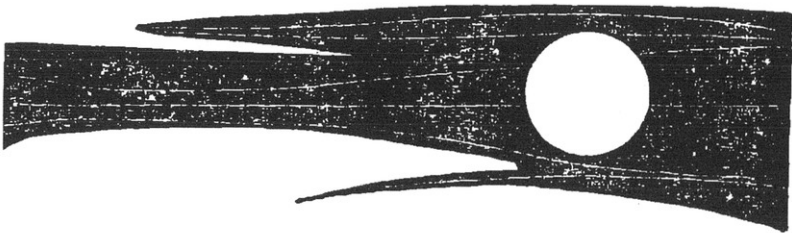
Он откинулся на твердую спинку, внимательно глядя на Карнеса. Вокруг щелкали, жужжали и тихонько бормотали компьютерные системы Земли. Со стены на него смотрело яркое сборище криотронных ламп. Гарднер перебросил ногу на ногу и стал ждать продолжения. Для того, чтобы угадать, к чему ведет Карнес, не требовалось миллионной криотронной вычислительной системы, но Гарднер уже давно научился позволять начальнику безопасности Земли делать все по-своему.

Карнес с силой потер скулы, еще больше подчеркивая угловатость своего лица, потом сказал:

— На Лурионе живут три миллиарда человек.

— На Земле шесть миллиардов, — возразил Гарднер.

Карнес холодно улыбнулся.

Illustrated by Emsb

This World Must Die!

by Ivar Jorgenson

The computer said

*Gardner was the man
to blast Lurion to dust—
but the computer had
been wrong once...*

– Ну, да. Среди трех миллиардов Луриона есть обитатели, которые станут родителями тех, кто поможет уничтожить Землю через шестьдесят семь лет. Если, конечно, мы это допустим.

По лицу Гарднера покатился пот.

– Как это предотвратить?

– Конечно, уничтожив Лурион.

Гарднер понял, что прошло уже больше минуты, а он по-прежнему сидит неподвижно, точно скала.

– Предположим, что компьютер ошибается? – сказал он.

Карнес пожал плечами.

– Планеты и прежде погибали несправедливо. Небольшие изменения в метаболизме солнечной печи, вспышка энергии – и совершенно невинный мир умирает.

– Ну, да, по естественным причинам, но тут другое. Это ведь убийство, не так ли?

– В целях самообороны. Но вы заставляете меня все рационализировать, Лой, это очень плохо. Позвольте мне пояснить: мы никогда не узнаем, прав ли был компьютер. А потому, ради спасения наших собственных душ, мы должны принять, что он был прав. Лурион должен быть уничтожен, иначе уничтожена будет Земля. Я не считаю, что вы подходите для этой работы. Однако, так считает компьютер.

Мгновенно придя в себя, Гарднер подался вперед.

– Сэр?

– Я не думаю, что вы с этим справитесь, – повторил Карнес, – но я скормил ленту с вашими данными машине. И машина сказала, что вы лучший из тех, что у нас есть. Так что я полагаюсь на ее решение.

– Ладно, – хрипло выдавил из себя Гарднер и задумался над тем, справится ли он с этой работой.

Потом он решил, что компьютер прав, а Карнес ошибается.

Боже, помоги мне, подумал он, а вслух сказал, сердито глядя на начальника службы безопасности:

– Как это будет сделано, и когда начинать?

– У вас в подчинении будет команда из пяти человек, – сказал Карнес. – Идемте со мной.

ЛУРИОН БЫЛ четвертой (и единственной обитаемой) планетой системы Бетельгейзе, маленькая планетка, находящаяся на несколько эксцентричной орбите в полумиллиарде километров от яркого светила. Гарднер вывел корабль из варп-режима в несколь-

ких миллионах километров от атмосферы Луриона, переключился на ионные двигатели и полетел к планете.

Было важно, чтобы посадка прошла благополучно. Его корабль должен стать единственным, который улетит, когда работа будет выполнена. Остальным членам команды поручено оставить свои корабли, где бы они ни приземлились.

А теперь спокойно, подумал Гарднер, прокручивая в голове заранее созданный план, просматривая имена членов своей команды и перепроверяя сведения о каждом, которые дал ему Карнес. Он никогда не встречал ни одного из них. Гарднер не был уверен в этой части операции, но не существовало никаких сомнений в том, что безопасность будет соблюдена.

Маленькая индикаторная полоска на его запястье была спокойной. Все пять разноцветных панелек выглядели тусклыми, неживыми. Когда все пять панелек загорятся огоньками, Лурион будет обречен.

Одна из панелек – белая – должна зажечься в тот момент, когда Гарднер коснется поверхности Луриона. Это был его собственный свет, как командира команды.

Через мгновение после приземления вспыхнула красная панелька. Красная обозначала Джолланда Сми, единственного выжившего из первой попытки землян уничтожить Лурион.

Прошло всего несколько часов после того, как Гарднер согласился на это задание, и Карнес сказал, что уже была одна попытка проделать эту работу. Пять месяцев назад была отправлена команда из пяти человек. Только трое ее членов сумели дотянуть до Луриона. Один тут же попал в засаду каких-то то ли бандитов, то ли пиратов и был уничтожен вместе с кораблем, орбита второго была рассчитана неверно, и он вышел из варп-режима прямо в Бетельгейзе.

Трое остальных, которым удалось совершить посадку, тоже не справились со своим заданием. У командира группы Дэвиса внезапно появилось пристрастие к кисло-сладкому *лурион хаю* – вину из овощного пюре. Второй заразился какой-то местной болезнью и умер (или был убит) в больнице. Оставшийся в живых Джолланд Сми устроился с комфортом и ждал подмоги. Он не мог выполнить эту работу в одиночку.

Гарднера заинтересовала судьба Дэвиса. Почему, подумал он, трезвый, серьезный сотрудник безопасности внезапно превратился в горького пьяницу почти в тот же момент, как только вступил на планету?

Требовалось пять точек, чтобы создать резонирующий контур, который уничтожил бы Лурион. Один человек, Сми, уже сидел там,

его передатчик был готов присоединиться к остальным. Еще один – сам Гарднер – находился уже в пути.

Скоро появятся остальные трое. Гарднер подумал них, пока вел свой корабль через бурную атмосферу Луриона.

Дивир Виган был первым из трех. Гарднер видел его фотографию и досье. Это был человек с каким-то безжизненным лицом, явно стоического характера и немалого терпения. Его цвет на индикаторной полоске был зеленым.

Следующим шел Калли Леопольд. У Леопольда было круглое лицо, круглые глаза, короткая жесткая борода и мерцающий взгляд. Он был обманчиво спокойным человеком, которого прибегали для самых безжалостных миссий. Его цвет был синим.

Квинтет завершал Деймон Арчер. На индикаторе его цвет был желтым, но Гарднер подумал, что этого человека лучше всего было бы характеризовать бледно-серым. У Арчера не было никаких выдающихся характеристик ни во внешности, ни в характере. Но Гарднер подумал, что Карнес, вероятно, знает, что делает. Он или его компьютер. Очевидно, компетенция Арчера компенсировала недостаток его таланта.

Итак, пять человек. Гарднер подумал о том, повторит ли нынешняя миссия судьбу своей предшественницы.

Может быть, да. А может, и нет.

Ну, у них все равно есть еще шестьдесят семь лет, чтобы выполнить это дело. Если, конечно, компьютер прав, подумал Гарднер.

Если.

ГАРДНЕР ВЫВЕЛ корабль из головокружительного пике посадочной орбиты и заставил лететь в нужном направлении, позволив кибер-мозгу в нужный момент опустить корабль на поверхность планеты. В момент приземления индикатор на его запястье загорелся белым. А секунду спустя – как только Джолланд Сми сумел сигнализировать о контакте – загорелась красная панелька.

До сих пор все идет хорошо, подумал Гарднер.

Он приземлился на широкой, грязно коричневой площадке на краю шумного космического поля. Поле казалось ярким в желтовато-красном солнечном свете, и на нем тут и там торчали корпуса кораблей, расположенных, казалось бы, случайным образом.

Чемодан был в грузовом отсеке, и Гарднер первым делом достал его. Внутри были его драгоценности, лупа и звуковой генератор. Драгоценности стоили, по меньшей мере, миллион, но Земля не скупилась на расходы. Главным был генератор.

Крепко сжимая ручку чемодана, Гарднер спустился по подиуму и пошел по полю к таможенному ангару.

Лурионин с орлиным лицом, смуглый, с блестящими глазами, набросился за него на него, как только он вошел.

— Сюда, пожалуйста. Пожалуйста, скажите ваше имя?

— Лой Гарднер, с планеты Земля.

— Не было смысла прятаться под какими-либо псевдонимами.

— Цель вашего прибытия?

— Торговля драгоценными камнями.

При этих словах глаза лурионина просветлели.

— Ну-ну. Интересно. Пожалуйста, ваши документы?

Гарднер протянул ему паспорт и разрешение от своего ювелира. Инопланетянин тщательно изучил все это и сказал:

— Разумеется, я должен досмотреть ваш багаж. Пожалуйста, пройдемте со мной.

Лурионин привел его во внутреннее помещение с закрытыми окнами.

— Пожалуйста, откройте чемодан.

Гарднер открыл чемодан. Инопланетянин потихоньку проверял его личные вещи, не проявляя большого любопытства, затем указал на мешочек с драгоценностями.

— Эти?

— Да, это мой товар.

Гарднер развязал мешочек и показал три необработанных голубовато-белых бриллианта, трехцветный турмалин и большую бледную сапфировую звезду, а также сверкающий опал. Это была странная смесь драгоценных и полудрагоценных камней. Сунув руку поглубже в мешочек, Гарднер достал еще три граната, большой изумруд и рубин. Таможенник сверил каждый камень со списком, предъявленным Гарднером, кивнул и указал на генератор, который лежал упакованным в уголке чемодана.

— Что это?

Гарднер напрягся и попытался скрыть укол тревоги.

— Это звуковой генератор, — сказал он. — Я использую его для проверки драгоценных камней — чтобы убедиться, что они настоящие. — И он добавил потише: — А еще это часть цепочки генераторов, которая превратит эту планету в кучу песка.

— Интересное устройство, — небрежно сказал инопланетянин.

— И очень полезное, — сказал Гарднер.

— Несомненно. — Лурионианин сделал семью пальцами руки какое-то трепещущее движение. — Значит, торгуете драгоценностями,

да? Ну, что же, ваши документы в порядке. Упаковывайте камни и проходите.

Глаза его сверкнули. Гарднер уловил намек. Он зачерпнул со стойки драгоценные камни, позволив одному из алмазов проскользнуть сквозь пальцы.

Камень громко застучал по ровному полу.

— Кажется, вы уронили один из своих камней, — сухо заметил лурионианин.

Гарднер решительно покачал головой.

— Вы уверены? Я так ничего не слышал.

И он усмехнулся.

Инопланетянин усмехнулся в ответ, но в его усмешке не было никакой теплоты.

— Наверное, ошибся я. Ничего не падало. Совершенно ничего.

Правило первое, подумал Гарднер. Разумный торговец драгоценностями всегда подкупает таможенников. Нечто подобное они ожидали и на этот раз.

ГЛАВА II

Гарднер арендовал комнатуху в переполненном квартале большого города. Он не хотел привлекать внимания.

Согласно имеющимся данным, на Лурионе проживало около трех тысяч землян. Это хорошо. Из них более сотни являлись торговцами-ювелирами. Лурионяне были хорошими клиентами, падкими на почти любые безделушки. Это тоже может помочь, потому что Гарднер будет здесь неприметным.

Три тысячи землян считаются расходным материалом. За прошедший год, с тех пор, как прогнозируемые данные компьютера показали, что Лурион уничтожит Землю, если она не нанесет удар первой, Земля Центральная проводила осторожную, тонкую проверку паспортов желающих попасть на Лурион. Никого не пускали туда, чья смерть могла повлечь за собой убытки. С другой стороны, там было необходимо держать немало землян, чтобы обеспечить защитный камуфляж для команды безопасности.

Весь проект планировался очень тщательно. Разумеется, действия первой команды тоже были тщательно спланированы, и что получилось в итоге? Гарднер должен непременно избежать их ошибок.

Все члены его команды должны были прибыть с интервалами в одну неделю, каждый в другом космопорту на другом континенте. Гарднер знал время прибытия каждого из них на зубок. Он не по-

смел бы доверить такие детали проекта бумаге. Гибель Луриона должна казаться естественной, и горе Гарднеру, если бы лурионяне, сами Земляне или любая другая раса Галактики узнали, что произошло на самом деле.

Это означало бы конец господства Земли во Вселенной. Более того это означало бы конец самой Земле – на шестьдесят семь лет раньше срока.

Были необходимы пять генераторов, пять, установленных в заданных точках, включенных в заданные промежутки времени, чтобы сообща срезонировать единую смертельную ноту. И тогда Лурион рассыплется в прах, его вообще больше не будет.

По мнению Гарднера, было бы проще объявить тотальную войну или же сбросить нейтринную бомбу прямо в Бетельгейзе. Но для войны нужна была провокация, а Земля вообще предпочитала не вести войн, Бетельгейзе же – слишком большая звезда, чтобы играючи уничтожить ее. Последствия могут быть совершенно неожиданными.

Нет. Выбранный способ был единственным.

Гарднер осмотрел комнату. Сумка с драгоценностями на месте, генератор в ней. Индикатор на запястье. Оставалось три недели до того, как прибудет Деймон Арчер, последний член команды. Делать было нечего, кроме как ждать.

ГАРДНЕР РЕШИЛ, что в первую ночь нужно попытаться уснуть, но почти сразу же его разбудили раздражающие гудки телефона.

– Да?

– Вам звонят, мистер Гарднер, вам лучше спуститься вниз.

Он с трудом заставил себя встать с кровати и начать одеваться.

– Спасибо, – устало сказал он, – сейчас я спущусь.

На одевание ему потребовалось несколько минут. Когда он открыл дверь, за ней стоял ухмыляющийся мальчишка-лурионианин, явно ожидающий чаевых. *Настойчивый дьяволенок*, подумал Гарднер, и дал мальчишке монету.

Мальчишка нехотя взял ее и отошел в сторонку. Гарднер тщательно закрыл и запер дверь.

– Ты покажешь мне, где телефон?

– Может быть...

Гарнир нахмурился и сунул ему еще одну монету.

– Телефон вон там, – махнул рукой мальчишка.

Телефон оказался общественным, без видеозэкрана.

– Алло? – сказал Гарднер.

– Мистер Уайт?
– Н-нет... То есть, да. Да, это Уайт, – торопливо сказал Гарднер.
– А кто говорит?

– Ваш друг из старой страны, мистер Уайт. Может быть, вы не помните меня, но, если бы мы могли увидеться, то вы бы поняли, что у меня в венах течет красная кровь.

Красная. Это был Сми.

– Хорошая идея, – сказал Гарднер, окончательно отходя от сна. – И где мы можем встретиться?

– Мне нравится бар на углу Тысяча Шестой и Переулка Огней, – сказал Сми. – Это в Северном Городе. Мы можем встретиться с вами там, скажем, через час.

– Отлично, – сказал Гарднер и повесил трубку.

Он не удосужился заранее договориться о сигналах тайной идентификации, но Сми оказался достаточно умен, чтобы найти способ идентифицировать себя, и чем короче был их разговор, тем более безопасен.

Гарднер вернулся наверх и проверил замок на своей двери, чисто из любопытства. Разумеется, к нему подходили – возможно, тот же мальчишка, который вызвал его к телефону. Но замок был не тронут, только исследован. Не было никакого способа вскрыть этот замок, представляющий собой единственную гигантскую молекулу, без ключа, а поскольку ключом являлось дыхание Гарднера, он особо не беспокоился, что его могут ограбить. Отпечатки пальцев можно подделать, но гораздо сложнее подделать дыхание человека, тем более землянина.

Гарднер дыхнул, и замок сжался в шар размером с его кулак. Прижав большой палец к обычному замку, Гарднер открыл дверь и вошел внутрь.

Кошелек лежал на своем месте. Гарднер достал из него несколько банкнот и снова убрал кошелек в сумку. Затем направился вниз и вызвал такси.

СМИ ОКАЗАЛСЯ лысеющим коротышкой, но с какой-то внутренней жесткостью, которая объясняла, почему он выжил, а четверо остальных членов его команды нет.

Он сидел в дальнем углу бара, потягивая зеленоватый напиток, когда вошел Гарднер. Гарднер сразу заметил его, память в его голове щелкнула и подсказала, что это именно Сми.

– Не возражаете, если я присоединюсь к вам? – спросил Гарднер.

Сми оторвался от своего стакана.

– Садись, друг. Тут много места.

Гарднер сел, подумав о том, узнал ли он, и сказал:

– Уайт приветствует тебя, мистер.

Тот ухмыльнулся.

– Привет, Гарднер. Рад, что ты здесь.

– Сми?

– Конечно.

Появился бармен и растерянно спросил:

– Что закажет землянин?

– Ну, дайте мне... то же самое, что и моему другу.

– Разумеется. Один халь, немедленно. Вы пьете его прохладным или теплым?

– Прохладным, – наугад сказал Гарднер.

Инопланетянин поставил перед ним наполненный стакан, и Гарднер задумчиво уставился на него, прежде чем опробовать. Он читал доклад Сми о несчастной судьбе своего предшественника. Затем он увидел, что Сми с любопытством наблюдает за ним.

– Прискорбное пристрастие к употреблению халья убило нашего друга, – заметил Сми.

– Знаю, – сказал Гарднер. – Мне просто любопытно.

Он нерешительно взял стакан и попробовал. Халь оказался сладким, с немедленным послевкусием. Это был весьма утонченный напиток, но не их тех, которые Гарднер захотел бы употреблять часто.

– Любопытный вкус, – сказал он. – Но навряд ли я стану ощущать потерю, если больше никогда не попробую его.

Коротышка улыбнулся.

– У каждого человека есть свой собственный яд. Дэвису понравился халь. Он заставил его забыть обо всем.

– Как я вижу, вы тоже пьете его. Также хотите забыть обо всем?

– Я здесь уже шесть месяцев, – сказал Сми. – Не так-то легко мне забыть обо всем при помощи бутылки. Когда должны прибыть ваши друзья?

– Через одну, две и три недели. Будет хорошо когда мы соберемся все вместе, не так ли?

– Очень смешно, – сказал Сми и нахмурился. – Какие-нибудь проблемы?

– Проблемы?

– Я имею в виду, внутренние.

Гарднер понял, что имел в виду Сми, и покачал головой.

– Нет. Пока что нет. Но ведь впереди еще три недели, верно?

– Да. Три недели, – Сми отхлебнул свой напиток и провел толстыми пальцами по голове. – Это долгое время, Гарднер. Очень долгое.

Гарднер внезапно понял, что он пьян. *Ну, кто тут не будет пьян?* – спросил он себя. *Провести шесть месяцев на планете, которую вам велели взорвать.* Он подумал о том, что будет с ним самим, если потребуется прожить здесь еще шесть месяцев. Он горячо надеялся, что Леопольд, Арчер и Веган доберутся сюда вовремя.

– Ты планируешь остаться на этом континенте? – внезапно спросил Сми.

– Да. А почему ты спрашиваешь?

– О-о... да так просто. Не считая того, что по исходному ин-структажу это должна быть моя область. Ведь мы же не можем на-ходиться все в одном месте.

– Естественно, – сказал Гарднер. – Я останусь здесь. Ты знаешь эти места лучше меня, поэтому можешь двигаться дальше. Вы-бери себе континент на востоке.

Сми вздохнул.

– Ну, тогда ладно. Я поеду туда, когда придет время.

Особое географическое расположение было им необходимо, чтобы генераторы произвели нужный эффект. Силовые линии должны были пройти по планете от полушария до полушария. Все пятеро соберутся вместе только в самом конце, после того, как будут активированы генераторы, когда они полетят на корабле Гарднера.

Гарднер уже начал жалеть о встрече со Сми. По плану заговор-щикам не надо было вступать в личные контакты. Когда на пяти запястьях загорится пятью цветами индикаторная группа, настанет время, и каждый знает, где должен быть и что делать. Гарднер по-смотрел на мешки под запавшими глазами Сми и вздрогнул. Шесть месяцев ожидания. И он все еще с нами, но каково его внутреннее состояние?

– Наверное, я пойду, – сказал Гарднер. – Ты разбудил меня. А я планировал поспать.

Сми внезапно схватил его за запястье удивительно мощной хваткой.

– Почему бы не подождать? Через десять минут начнется спек-такль. Тебе это может показаться интересным.

– Но я лучше...

– Подожди, – странным голосом сказал Сми. – Спектакли здесь уникальные. Я... Очень полезно увидеть их.

Гарнир пожал плечами. В любом случае, сна не было ни в одном глазу.

– Отлично. Я останусь.

СТОЛЫ В ПЕРЕДНЕЙ части бара были раздвинуты, передние окна затемнены так, что снаружи никто не мог заглянуть сюда, и внезапно в стене открылась дверь. В баре наступила тишина.

Из открытой двери ударил луч синего света, сосредоточился на противоположной стене и замер. Затем последовал луч ярко-желтого цвета, перекрестившись с синим. Лучи закрутились, поползли вдоль стены и внезапно погасли...

И появились два лурионианина.

Это были мужчина и женщина, в одних лишь коротких набедренных повязках. Брызнув с потолка, резкий красный свет осветил их тонкие тела с выступающими суставами. Гарднер с интересом смотрел на них.

Луриониане были гуманоидами, внешне почти похожими на людей – двуногие, млекопитающие, со смуглой кожей, предохраняющей их от яростного изучения Бетельгейзе. Жировые прокладки были редкостью для луриониан, они были сухощавым народом. Семь многосуставчатых пальцев придавали им странный вид.

Двое в центре бара начали танцевать как раз в тот момент, когда из-за решетки в стене послышались звуки музыкальных труб. Гарднер слегка вздрогнул. У него был утонченный слух, и мучительные четвертьтоновые интервалы и резкие диссонансы сильно били ему по ушам.

Музыка постепенно ускорялась, и словно вдогонку ей ускорились танцоры. Затем инструменты за кулисами издали какой-то сложный аккорд, и танцовщица исполнила неловкий пируэт.

Секунду она вращалась, затем схватилась рукой за свою набедренную повязку. Сверкнул в красном свете нож, и кровавая линия появилась на золотистой груди танцовщицы.

У Гарднера перехватило дыхание.

– Что это за танец? – спросил он.

Сми мягко улыбнулся.

– Развлечения здесь тяготеют к патологии. Если нам повезет, то, возможно, хозяева бара смогли позволить себе устроить нынче вечером убийство. Чего здесь не было уже несколько недель.

Усмехаясь, он сделал еще один глоток.

Гарднер почувствовал, как по спине пробежал холодок. Танец неумолимо продолжался, танцоры двигались в бешеном темпе, их темные тела блестели от пота. У мужчины-танцовщика в руке тоже появился нож, и Гарднер увидел, как мелькнули семь пальцев его руки, и между грудями девушки протянулась кровавая полоска. Танцоры разошлись, развернулись в противоположных концах зала и снова пошли друг на друга.

Нож девушки разрезал руку мужчины. Удары были точные, нежные, совсем не мяснические. Гарднер оценил, что ни один из порезов не проникал глубже кожи. Но танцоры явно чувствовали боль, и, когда он огляделся, то увидел, как замерли луриониане, с нетерпением ожидая кульминации танца. Начал бить невидимый барабан. Неистово закричала флейта.

Танцоры опять разошлись, стали танцевать вдали друг от друга, потом пошли друг другу навстречу. Так продолжалось много раз, и каждый раз кому-нибудь из них наносился разрез. Казалось, они пытались превзойти друг друга, пытаясь сделать разрезы как можно более артистичными. *Интересно*, подумал Гарднер, *видит ли при этом кто-нибудь из них нож противника*.

— Разве они не чувствуют боли? — спросил Гарднер.

— Разумеется, нет, — сказал Сми. — Они до бровей накачаны обезболивающим. Главное, что чувствуют клиенты.

Оглядевшись, Гарднер увидел, что он был прав. Ажиотаж охватил весь зал. Посетители раскачивались взад-вперед, немного похрюкивая при каждой нанесенной танцорам ране, яростно усмехались и что-то бормотали. Гарднер обнаружил, что и сам попадает под влияние диких ритмов музыки, и с трудом овладел собой.

Танцоры теперь двигались рывками, их прежняя угловатая грация превратилась в пародию на марионеток. Танцор был весь облит кровью и потом, женщина выглядела немного лучше, и Гарднер вдруг понял, что сегодня вечером произойдет убийство, и умрет именно мужчина.

Музыка взмыла вверх. Девушка вскочила и, танцуя на пуантах, подняла нож, позволив ему сверкнуть в темнеющем прожекторе, явно готовясь к кульминационному моменту.

И тут погас свет.

Гарднер почувствовал, как мучительным рывком возвращается в реальность, и понял, что на других все это должно было подействовать еще более сильно. Танцоры застыли посреди зала, выглядя уже не обнаженными, а просто голыми. Глаза у них были пустыми, руки повисли, и они казались совершенно сбитыми с толку.

В дверях стояли четверо луриониан в синем.

Это облава, пронеслась в голове Гарднера дикая мысль. Он оказался прав. Посетители внезапно ринулись к окнам, задним дверям и просто в дальние уголки зала. Гарднер почувствовал, как мощная рука Сми снова схватила его за запястье и куда-то потащила. Он оглянулся и увидел, как четверо полицейских размахивают тяжелыми дубинками. Некоторые из посетителей уже лежали на полу, кровь текла из их разбитых голов. Танцоры гротескными статуями

замерли посреди зала, покрытые собственной кровью. Они держали друг друга за руки, словно объединяя силы против внезапного вторжения внешнего мира.

— Быстрей идем, — судорожно прошептал Сми. — Я знаю дорогу.

Через мгновение они очутились снаружи, в пустынном переулке. Гарднер почувствовал, что весь дрожит, и застыл на месте, пытаясь восстановить контроль над собой.

— Почему ты не сказал мне, что это подпольный бар? — сердито спросил он. — Если мы попадемся в руки полиции, и нас заставят пройти проверку на детекторе лжи, то мы провалимся!

Сми насмешливо поглядел на него.

— Этот бар вовсе не является подпольным, — сказал он. — А полицейские никогда никого не арестовывают.

— Что?

— Они организовали налет с единственной целью. Все, что они хотели, это избить людей дубинками. Это нормально на здешней планете.

— И ты это знал, прежде чем пригласил меня сюда?

— Я знал, что есть шанс нарваться на облаву. А что ты собираешься делать — впасть в спячку, пока сюда не прибудут все остальные?

— Нет-нет, ты прав, — покачал головой Гарднер. — Мне было полезно увидеть это сегодня.

Был поздний вечер, сыпал мелкий дождик, воздух был теплым и влажным. Но Гарднер чувствовал, как в груди у него все застыло. Сми теперь выглядел совершенно трезвым.

— Нам не стоит больше встречаться, — сказал Сми, — пока не придет время.

— Ладно, — согласился Гарднер. — Пока не придет время.

ГЛАВА III

ОНИ РАЗОШЛИСЬ, и Гарднер оказался один дождливой ночью.

Как ни странно, но то, что он только что увидел, успокаивало, а вовсе не расстраивало его. Он понимал, что ищет возможность рационализировать причины уничтожения Луриона. Разумеется, это была всего лишь уловка. Не было никакой необходимости что-либо рационализировать, а была лишь простая мера самозащиты.

Но самозащита была абстракцией, а Гарднер всегда работал с конкретикой. Ему хотелось видеть себя палачом, а не убийцей. *Ладно*, подумал он. *Мир, в котором процветает такая бессмысленная жестокость, заслуживает того, что получит.*

Какое ложное благочестие, сказал насмешливый внутренний голос. Святой Гарднер... Ты ведь просто ищешь какой-нибудь хороший повод для того, что собираешься сделать, а?

Гарднер продолжал идти, ошеломленный диалогом с самим собой.

Но город не зря назывался городом. Его жилище находилось в Южном Городе.

А теперь он был в Северном.

Три огрызка луны проливали вниз слабый, неверный свет, пока он пробирался по неопрятным улицам. Ему хотелось идти пешком, пока он не выкинет напряжение и страх из своей души, прежде чем найдет такси и вернется в свою комнату.

Гарднер понятия не имел, куда идет. Улицы теперь были безмолвными. Прошло уже два часа после полуночи.

Он шел по какой-то улице, с обеих сторон кинулись грязные жилые дома, когда внезапно кто-то ударил его сзади.

Удар был легкий, практически, толчок, но от неожиданности Гарднер чуть было не упал. Однако, сумел восстановить равновесие, сделал шаг вперед и повернулся.

Там стояли, улыбаясь, два молодых лурионианина.

— Привет, землянин.

Казалось, это были мальчишки, хотя по внешности луриониан было трудно судить о возрасте. Они же были в распахнутых куртках, и дождь стекал по их обнаженной коже.

— У тебя есть деньги, землянин?

Гарднер нацепил на лицо выражение ужаса.

— Вы... Вы хотите ограбить меня?

— Да что ты! Разве кто-нибудь сказал про ограбление, землянин? Мы просто хотим попросить у тебя денег!

— А-а... Ну, что ж...

— Врежь ему, — шепнул один парень второму.

Меньший из них смело шагнул к Гарднеру и ударил его в живот. Гарднер пошатнулся от удара, но сумел удержать вскрик.

— Давай свои деньги, землянин, не то получишь еще.

— Конечно, конечно, — сказал Гарднер. — Только не бейте меня больше. — Он протянул руку к правому карману, но более высокий парень остановил его.

— Э-э, друг. Не стоит лезть в карманы. Просто скажи нам, в каком из них лежат деньги, и мы сами возьмем их.

— В правом, — сказал Гарднер.

— Возьми деньги, — приказал старший младшему.

Гарднер напрягся, а младший парень сунул руку ему в карман и начал вытаскивать бумажник. Внезапно Гарднер повернулся под прямым углом, плотно блокировав карман и захватив руку мальчишки. Потом он схватил его за запястье, выгнув ему спину, и ударил под колени.

Легонький лурионианин пролетел по воздуху и врезался в своего товарища. Через секунду Гарднер уже был возле них, воспользовавшись их изумлением. Он оседлал их и сжал обеими руками оба горла. Они глядели на него с ненавистью в глазах.

– Наверное, я задушу вас обоих, – сказал Гарднер. – По одному каждой рукой.

Он крепко стискивал им горло, одновременно стоя коленями на груди. Они попытались пинаться и махать руками, но безуспешно.

Однако через секунду Гарднер отпустил их. Они даже не пытались подняться, и он отступил на пару шагов.

– Оставайтесь так, пока я не сверну за угол, – резко сказал Гарднер. – Если кто-нибудь из вас встанет раньше времени, то познакомьтесь с моим бластером.

Бластера у него не было. Но парни не шевелились.

Гарднер отступал лицом к ним, но они оставались лежать на мокром тротуаре, пока он не оказался в конце улицы.

– Теперь можете встать и бежать в противоположном направлении.

Они вскочили. Но старший мальчишка внезапно вытащил откуда-то из куртки нож и вонзил его в тело своего приятеля. Гарднер так и ахнул, а высокий паренек хладнокровно смотрел, как падает и корчится на тротуаре его товарищ, затем повернулся и побежал.

Какая приятная планетка, подумал Гарднер.

Впервые ему захотелось поскорее завершить миссию.

ТРИ ДНЯ первой недели прошли без всяких происшествий. Гарднер проводил большую часть времени в непосредственной близости от своего отеля, проявляя особую осторожность и не рискуя оставаться на улицах допоздна. Его жизнь была слишком драгоценна для проекта, чтобы расстаться с ней на улицах столь опасного города.

Он отправил Сми записку с советом побыстрее уехать на другой континент. Он не хотел, чтобы Сми попал в городе в какую-нибудь передрагу. Несмотря на то, что тот прожил шесть месяцев на Лурионе, от этого он не стал невосприимчивым к дубинке полицейского или ножу юного лурионианина.

Главный недостаток проекта, подумал Гарднер, заключается в том, что каждый его участник незаменим. Пять генераторов

минимально необходимое число, и любой выбывший член команды поставит под удар все предприятие.

Но Гарднер старался не думать о проекте. Он сосредоточился на продаже своих драгоценных камней, на тот случай, если властям вздумается проверить, чем он занят.

Но продавать камни нужно было осмотрительно. Он должен был растянуть это дело, по крайней мере, на три недели, а скорее всего, еще больше. У Гарднера была обычная шестимесячная виза, но он даже думать боялся о том, что придется проводить время без каких-либо занятий, которые могли бы отвлечь его от проекта.

Он вращался в маленькой группе землян в городе, постоянно встречаясь с ними под личиной торговца драгоценными камнями. И опять-таки, защитный камуфляж был ему необходим, поскольку прибывшие земляне станут искать людей из своего родного мира.

Однако Гарднеру было больно при мысли, что через три недели он вернется на Землю, а те люди, с которыми он сейчас общается и кое с кем даже сумел подружиться, погибнут в качестве расходного материала вместе со всеми лурионианами.

По этой причине ему не помогло даже знакомство с девушкой.

Ее звали Лора Маркс, она была антропологом. Гарднер встретил ее на третий день в холле отеля, где он остановился.

— Привет, землянин. Вы здесь живете или просто зашли к кому-то в гости?

— Я здесь живу, — ответил Гарднер.

Девушка была высокая, с большими глазами, зелеными волосами и немного великоватыми скулами. Выглядела она очень привлекательно. Понимая опасность любых таких знакомств, Гарднер попытался уйти, но она остановила его.

— Я тоже здесь живу, — сказала она, любезно улыбаясь. — За столиком мне сказали, что здесь живет еще один землянин, но я не знаю, о вас это говорили или нет. Тем не менее, так приятно снова увидеть лицо соотечественника.

— Да... — неопределенно протянул Гарднер. — А теперь мне действительно нужно бежать. Я...

Она тут же надула губки.

— Почему вы убегаете так скоро? Я не кусаюсь.

Гарднер выдавил из себя короткий смешок.

— Тогда все в порядке. Может, пойдемте выпьем?

ОНИ ХОРОШО провели вместе следующие три дня. *Слишком хорошо*, горько сказал про себя Гарднер. Большую часть времени они проводили в казино гостиницы, так как Гарднер неуклонно от-

казывался от попыток заманить ее в свою комнату и осторожно избегал любых возможностей заглянуть к ней.

Когда они сидели вместе за столом в казино, Гарднер думал о том, что думает о нем она. Разумеется, он вел себя несколько странно, и был либо человеком с твердыми пуританскими понятиями, либо тем, кого вообще не интересуют женщины. Она ошибается по обоим пунктам, подумал Гарднер, однако, я не смею позволить ей начать это выяснять.

— Лой, ты торговец с драгоценными камнями? Это же просто смешно.

— Почему же это смешно?

— Смешно, потому что я всегда представляла себе торговца драгоценностями сухим, косоглазым старикашкой, глядящим на все через лупу. Но ты выглядишь совершенно иначе.

— Прости, — сказал Гарднер. — Напомни мне об этом в следующий раз, и я усохну. А еще как-нибудь напомни мне рассказать о том, как, по моему мнению, должны выглядеть антропологи.

— Туше! — восхищенно воскликнула она.

Она была аспирантом-антропологом и работала над докторской диссертацией. Тема, которую она выбрала, была очень интересная: «Аномальная жестокость в цивилизованных мирах». *Разумеется, она попала в нужный мир*, подумал Гарднер. Но потом вспомнил, что через три недели — теперь уже чуть больше, чем через две, — он собирается убить эту девушку и три миллиарда лурионианин, которых она изучала.

— Сколько ты еще планируешь оставаться на Лурионе? — спросил Гарднер, стараясь, чтобы его вопрос прозвучал просто формальным любопытством.

— О, я думаю, еще месяц или около того. Моя виза рассчитана на два месяца, но я уже видела все виды жестокости, которые хотела. Эти люди удивительно хорошо усовершенствовали жестокость. Вы удивитесь, сколько здесь счастливых браков — если один партнер садист, а другой мазохист.

— Ну, что же, это разумная договоренность, — сказал Гарднер. — Так ты улетаешь через месяц, да? В таком случае, я попаду на Землю раньше тебя. Я улетаю через две — две с половиной недели.

Взгляд ее просветлел.

— Как я тебе завидую. Честно говоря, меня уже тошнит от этой планеты. Если бы я могла изменить прошлое, то улетела бы вместе с тобой, но билеты на все рейсы уже проданы на месяц вперед.

Ты могла бы улететь вместе со мной, подумал Гарднер, и тут же вспомнил, что места на корабле хватит не более, чем для пяти-

рых человек, а члены его команды должны иметь приоритет в этом вопросе.

Она просто расходный материал, сказал он себе. Земля никогда не утвердила бы ее визу, если бы ее работа имела хоть какую-то ценность. Так что ей придется умереть здесь вместе с остальными.

— Что-то ты побледнел, Лой. В чем дело?

— Нет, ничего, — ответил он. — Просто мне хватит алкоголя, только и всего.

Он взял стакан с халем и задумчиво уставился на зеленоватый ликер, еще остававшийся на дне. При этом он внезапно подумал о том, уж не встретил ли его предшественник Дэвис на Лурионе какую-нибудь девушку. В таком случае, халь помог ему справиться с вином.

— Что-то ты действительно выглядишь неважно, — сказала она, дотронувшись до его руки.

Он раздраженно схватил ее кисть, но немедленно извинился, понимая, что причинил ей боль.

Она просто одинокий ребенок в уродливом мире, и я противен ей, подумал Гарднер.

Внезапно ему пришла на ум строка из шекспировского «Венецианского мавра»: «Я поцелую тебя, прежде чем убью...»

— Ты странный, — сказала Лора.

— Да нет, — усмехнулся Гарднер, — я самый обыкновенный. Лучше пойдем и напьемся.

ОН АККУРАТНО и тщательно напивался, одновременно все время сохраняя над собой контроль. Он уже выпил достаточно халя, чтобы заглушить растущую в душе вину, но еще недостаточно, чтобы алкоголь заставил его сказать или сделать что-то не скромное.

Лора же была менее осторожна. В течение часа она неистово издевалась над своим эдиповым комплексом, над реальным страхом стать учительницей в отделе антропологии колледжа, над своим отвращением к Луриону и всему, что здесь происходит. Короче говоря, она раскрыла перед Гарднером всю свою личность, скрывающуюся за маской.

Будь Гарднер чуть более трезв или, напротив, гораздо более пьян, он остановил бы ее, пока не стало слишком поздно, прежде чем она рассказала ему столько о себе, что убить ее стало бы невозможно. Но поскольку он тщательно дозировал выпитое количество халя, то все слушал и запоминал, но это его не трогало.

Она хорошая девушка, подумал он. На Лурионе, вероятно, много хороших землян. Может быть, здесь даже много милых луриониан. Но это не остановит меня.

В тоже день, некоторое время спустя, он проводил ее наверх, и легонько поцеловал перед дверями и комнаты, затем наблюдал, как она, шатаясь, заходит внутрь и бросается на кровать. Она не пригласила его, да Гарднер и не ждал приглашения. Он аккуратно закрыл дверь ее комнаты и пошел к себе.

Печать, как и прежде, была на месте. Те, кто послал его сюда, отдавали себе отчет, что он играет роль торговца драгоценными камнями, поэтому, чтобы ограбить его, нужно сначала убить, но не было никакого способа взломать этот печать-замок. Гарднер открыл его легким выдохом — пары алкоголя никак не действовали на его дыхание, — вошел и закрыл дверь изнутри.

На следующий день он повел Лору в бар на углу Тысяча Шестой и Переулка Огней, в тот самый бар, где он встретился со Сми.

Он почти ожидал увидеть там снова Сми. Но не было и следа коротышки. Гарднер понадеялся, что тот выполнил его распоряжение и перебрался на восток.

— Сегодня вечером ты увидишь жестокость в своей самой изысканной форме, — пообещал он Лоре.

При этом он понадеялся, что будет налет со всем своим безжалостным насилием. А также надеялся, что танцоры поработают ножами на славу.

Они взяли тот же столик, где Гарднер сидел со Сми.

– Когда начинается спектакль? – спросила девушка.

– Примерно через час после полуночи, – сказал Гарднер. – У нас еще много времени.

Разумеется, они заказали халь.

– А могу я узнать, что именно увижу тут? – спросила Лора, потягивая свой напиток. – Мне это всегда помогает, если, разумеется, мне не собираются преподнести сюрприз.

Гарднер коротко рассказал ей. Лора закашлялась, затем сказала:

– Очень мило. Когда я вернусь, то напишу самую безумную докторскую диссертацию. Я могла бы заполнить целую книгу простым перечислением грехов Луриона.

Когда я вернусь, сказала она. Гарднер пожал плечами.

– Наверное, это будет захватывающее чтение – разумеется, если твои экзаменаторы любят захватывающее чтение.

– Да не любят они ничего такого. В диссертации главное не перечисление жестокостей, которое будет шокировать, а моя оценка их. Мне не дадут докторскую степень только за каталог зверств. Они хотят увидеть в диссертации анализ. Они пропустят всю сумасбродность, чтобы понять, почему я думаю, что Лурион такой, какой есть. Вот что важно в антропологии: не *как*, а *почему*.

Вечер тянулся медленно. Гарднер боролся с нарастающим внутренним протестом, чтобы оставаться трезвым. Он выиграл эту борьбу, что было далеко непросто. Воспоминания о Дэвисе дер-

жали его в узде – Дэвис, трезвый сотрудник безопасности, которые за две недели на Лурионе превратился в горького пьянчугу.

После полуночи в баре наступила знакомая тишина, были раздвинуты столики, очищая середину зала.

И появились танцоры. Они были другие, на этот раз их было трое, а не двое – двое мужчин и женщина. Послышалась музыка, и начался танец.

Гарднер взглянул на Лору. Она глядела на танцоров, зачарованная.

На этот раз танец прервался до его завершения. Чувствуя странный озноб, Гарднер увидел, как двое мужчин жестоко надвинулись на женщину и внезапно перекрестили ее обоими ножами.

– Сексуальная символика? – пробормотала Лора, делая какие-то пометки в книге с фантастической, с точки зрения Гарднера, скоростью.

Гарднер охнул. Женщина изящно упала на пол, а зрители забарабанили каблуками, что заменяло здесь аплодисменты. Лора ничуть не потеряла самообладание. Примечательно, но она выглядела сейчас настоящим ученым.

Танцовщицу унесли, в баре вспыхнул свет. Внезапно в глаза Гарднеру ударила яркая вспышка зеленого.

Это на планету прибыл Дивир Виган.

– Что-то не так? – спросила Лора. – Ты опять выглядишь неважно.

– Просто я не привык к публичному кровопролитию, – небрежно бросил Гарднер. – Я, знаешь ли, не антрополог.

Пальцы его дрожали. Он снова взглянул на зеленый огонек индикатора.

Три пятых цепочки, которая должна уничтожить Лурион, были на своих местах.

ГЛАВА IV

ПРОШЛА ПОЧТИ неделя, прежде чем Виган связался с Гарднером. К тому времени на индикаторной полоске светился синий огонек. Это прибыл на место Калли Леопольд, на целый день раньше срока.

Теперь их было четверо. Оставался лишь Дэймон Арчер. Еще неделя – и прибудет и он.

Было необходимо, чтобы все члены команды прибывали порознь. Между Лурионом и Землей была обычная связь, как между Землей и любым другим мирам в Галактике. Никто не обратит внимание на пять членов команды, если они прибудут на Лурион по одному. А поскольку их полет запланирован на пяти различных космиче-

ских кораблях, которые должны сесть на пяти разных континентах, маловероятно, что звуковой генератор, который привезет с собой каждый из них, вызовет какие-либо волнения, если только таможенники не захотят сравнить свои перечни странных устройств.

Сми прибыл с туристической группой шесть месяцев назад. Его генератор был замаскирован под кинокамеру. У Гарднера был ювелирный аппарат. У остальных были свои способы маскировки.

К этому времени Гарднер уже установил своей комнате видеоэкран ради общения с клиентами, которые захотят ему позвонить.

По крайней мере, это было вполне подходящая причина. Но он ждал звонков от новоприбывших членов своей команды, и хотел видеть их лица, когда они будут говорить. Он был не просто командиром команды, его работа заключалась в том, чтобы убедиться, что каждый из четверки остальных бдителен, спокоен и готов выполнить свою работу, когда настанет время.

Интересно, подумал Гарднер, а что произойдет, если один из них не будет готов? Например, он сам?

Виган позвонил ему вскоре после того, как приземлился Леопольд. Гарднер уставился на изображение на экране, сравнивая его с фотографией Вигана, которую он видел на Земле в офисе Карнеса.

— Вы Гарднер, не так ли?

— Совершенно верно. Виган?

— Разумеется, — кивнул человек на экране.

У Вигана был аскетичный вид. Блестящие глаза, резко выступающие скулы, сжатые в строгую линию тонкие, бескровные губы. Гарднер подумал о том, был ли этот человек внутри таким же холодным, как и внешне.

— Как у вас дела, Виган? У вас все в порядке там, где вы находитесь, не так ли?

— Да. Я просто провожу обычную проверку.

— Проверяете меня?

— Проверяю весь проект. Я хочу, чтобы все прошло гладко.

Гарднер мысленно ахнул и побледнел. В своем ли уме Виган, говоря о «проекте» так свободно по общественной связи.

— Торговля драгоценными камнями идет хорошо, — холодно сказал Гарднер. — Я думаю, мы вернемся на Землю богатыми людьми.

— О, конечно. — Похоже, Виган понял свою ошибку. — Успешно ли идут дела у других членов корпорации?

— Думаю, что да, — сказал Гарднер. — Я связывался с Дадли на днях, и он сказал, что курс идет на повышение. Так что лучше переговорите со своим биржевым маклером. А Оскар сообщил мне, что его жене уже гораздо лучше.

Поддержи же меня, идиот, подумал он при этом. Только не вздумай задавать сейчас глупых вопросов.

– Рад это слышать, – сказал Виган. – Ну, мы еще свяжемся, не так ли?

– Я думаю, примерно через неделю. Это ведь достаточно быстро?

– Нет, но это нужно будет сделать, – сказал Виган и прервал связь.

МГНОВЕНИЕ ГАРДНЕР глядел на потухший экран, ожидая, пока кровь обратно прильет к лицу, а в животе органы встанут на свои места. Не успеет он вовремя заткнуть Вигана, этот тип с тонким лицом, возможно, принялся бы расспрашивать о Сми, Леопольде и еще не прибывшем Арчере, единым махом связав их всех пятерых вместе. Может, это и прошло бы незамеченным, но все, что имеет тенденцию связать команду воедино, было опасно. Если кто-то запомнит их имена и решить еще раз взглянуть на невинные, казалось бы, приспособления, которые они привезли с собой на Лурион, то они могут считать себя уже мертвыми.

И даже хуже. Если луриониане поймут, что могут наделать эти генераторы, то они не будут довольствоваться лишь тем, что убьют всех пятерых самым неприятным способом. Они примутся рассказывать о заговоре всей Вселенной, и после этого имя Земли не будет стоить и плевать.

Естественно, Земля станет отрицать какую-либо связь с этими пятью неудачниками, но кто ей поверит? Пятеро человек не могут решить по собственной инициативе уничтожить целую планету.

Содрогнувшись, Гарднер проклял Вигана, проклял Карнеса, проклял компьютер, с чьей подачи он попал в эту кашу. А затем потряс головой и начал обдумывать все сначала.

Предположим, у компьютера были немалые шансы выбрать первую, неудачную команду. В то время компьютер был на семьдесят процентов неправ. Только у Сми оказались все качества, необходимые для выживания.

Тогда была отправлена вторая команда, в которой, по крайней мере, у одного – Вигано, – были непревзойденные характеристики, что никак не объясняло возможных последствий его слов. А еще у одного – у самого Гарднера – имелись серьезные внутренние опасения по поводу всего проекта.

Так что выходило, что, по крайней мере, двое из четырех членов новой команды, выбранных компьютером, оказались не идеально подобранными для предстоящей работы – а ведь Гарднер даже еще не встречался с двумя другими.

Так что результаты были неутешительными.

А что, если точность компьютера при долгосрочных прогнозах была равно неправильная?

Что, если это касается и ожидаемого вторжения Луриона на Землю?

Что, если планета, которую он собирается убить, никогда не будет вредить Земле?

Гарднера прошиб холодный пот, и также внезапно он еще больше утвердился в своих убеждениях.

Лурион был ужасным миром. Это была полная ненависти, холодная, неприятная планета. Это был мир, в котором ни к кому не стоит поворачиваться спиной, не имея рядом двух надежных свидетелей, и даже тогда такое действие было бы очень небезопасно.

Галактика ничего не потеряет, если он будет уничтожен. Если есть хоть единый шанс, что Лурион может напасть на Землю, то Лурион должен будет умереть. В этом Гарднер не сомневался.

И впервые за последние дни Гарднер улыбнулся, обретя уверенность, что компьютер прав, и сам он прав, и работа, которую он собирается сделать, тоже права.

А затем он услышал доносящийся из коридора голос Лоры Маркс, который звал его, и только что обретенная уверенность была мгновенно разбита на куски.

— **ЛОЙ! ЛОЙ**, могу я войти?

— Минутку, Лора. Мне нужно отворить дверь только.

Пот снова полился по всему его телу. Вот это будет настоящее испытание. Впервые она сама пришла к нему в комнату.

Он подышал на замок, и тот скрутился в шар. Через мгновение Гарднер открыл дверь.

За дверью стояла Лора, держа в руке несколько машинописных листов.

— Я только что закончила набирать текст заметок об этом ужасном танце, который мы видели, и подумала, может, ты захочешь проверить его точность. В качестве компетентного свидетеля.

— Я буду счастлив, — сказал Гарднер.

Но он уже понял, что она пришла сюда не просто для того, чтобы Гарднер прочитал ее антропологические наблюдения. На ней была короткая блузка с большим вырезом, рассчитанная скорее на урок биологии, а не антропологии. И впервые с тех пор, как они познакомились, Лора воспользовалась духами.

— Надеюсь, у тебя не будет проблем с чтением, — сказала она, когда Гарднер взял ее записки. — Моя машина не работает, так что

мне пришлось использовать местную голосовую почту. Она хороша и эффективна, но фонетически – просто кошмар!

– Ничего, я справлюсь, – сказал Гарднер.

Он просмотрел первую пару абзацев, и сделал вид, что читает остальное. На самом деле ум его был занят поисками совсем иного решения.

И когда это решение было найдено, Гарднер закончил притворяться, будто читает.

– Ну, и как? – спросила Лора.

– Н-ну... Точно, я бы сказал. Но, тем не менее, по-моему, немного не хватает реальности. Ты не сумела полностью передать всю отвратность данной ситуации.

– Я тоже так подумала, – кивнула Лора, – когда перечитала. Есть какие-нибудь предложения?

– Сфокусируйся на зрителях, которые смотрят этот танец. Не на нас, а на местных. На тех, кто весь поглощен происходящим. По-моему, это самая неприятная часть представления.

– Ты прав, – сказала она. – Я добавлю это, когда буду готовить чистовик.

Она с любопытством поглядела на звуковой генератор, который Гарднер даже и не думал скрывать, поскольку его маскировка была безупречной, и села рядом с Гарднером.

Цель ее прихода была смущающе очевидной. Гарднер почувствовал мимолетное чувство вины за то, что собирается сделать, но тут же прогнал это ощущение. Нет в этом никакой его вины.

И когда она прижалась к нему, он отодвинулся, затем встал и хрипло сказал:

– Не будет слишком мелодраматично, если я скажу, что хочу кое-что сообщить тебе, Лора?

– Нет, конечно же, нет, Лой. Скажи мне все, что хочешь.

Глаза у нее были полуприкрытыми и слегка мечтательными.

– Я женат, – сказал Гарднер, уже чувствуя, что это неважная отмазка. – У меня на Земле жена и семья, и я их очень люблю. Поэтому, прежде, чем наши отношения станут еще более щекотливыми, чем уже есть, я чувствую, что ты должна знать: я очень люблю свою жену.

Она покраснела, точно ошпаренная. Вся мечтательность исчезла из ее глаз, зато в них появилось какое-то кошачье выражение оскорбления и негодования.

– Мне очень жаль это слышать, – тихонько сказала она, – но я все понимаю.

– Что ж, если бы обстоятельства были иными, Лора, ну, может быть, ну, ты знаешь, что я пытаюсь сказать... Но как...

Она вскочила, облегчая ему работу. Гарднер схватил ее за руку. Никогда в жизни он не чувствовал себя такой сволочью.

– Не думаю, что нам стоит встречаться и дальше, – сказал он ей. – Я пробуду на Лурионе еще только неделю, и нам обоим будет легче...

– Конечно, Лой.

В ее голосе послышалась какая-то странная ревность, которая порадовала и одновременно озадачила его. Гарднер боялся, что она может разбушеваться, но не ожидал в ней столько силы.

– Прощай, – сказал он.

Лора взяла свои заметки, мрачно улыбнулась ему, и вышла из комнаты, не говоря больше ни слова. Действуя машинально, Гарднер запер печать-замок, затем устался на грязные черные полосы на грязной зеленой стене.

Теперь все станет легче, подумал он. Конечно, она возненавидит меня. Но, в общем, все будет не так сложно.

Только при условии, что он сумеет держаться подальше от нее всю следующую неделю. Внезапно на индикаторной полоске вспыхнул желтый огонек. Гарднер непонимающе, с изумлением уставился на него.

Дэймон Арчер прибыл на Лурион – пятый в цепочке. И прибыл он на неделю раньше.

Вздохнув, Гарднер налил в стакан хель из бутылки, которую держал теперь у себя в столе. Если Арчер уже здесь – а индикатор на запястье подсказывал, что он здесь – тогда оставшиеся Луриону время исчисляется часами, а не днями.

Но почему Арчер прибыл так рано?

ГЛАВА V

До того, как Гарднер додумался до каких-то объяснений, видео-экран трижды звонил – звонок был сигналом дальнего сообщения.

Гарднер осторожно поставил стакан на стол вне поля видимости экрана и включил связь.

– Да?

Это был Сми, Облысевший еще больше, с извиняющимся видом.

– Надеюсь, я вас не беспокоил, мистер Гарднер.

– Нет-нет. Что у вас?

– Полагаю, вы знаете, что на Лурион прибыл ваш друг.

— Да, я это знаю, — нетерпеливо сказал Гарднер. — Он прилетел слишком рано. И что с того?

— Шесть месяцев слишком долгий срок, мистер Гарднер, — неожиданно заявил Сми. — Теперь, когда ваш друг здесь, мы...

— Скоро, Сми. Скоро вы получите сигнал.

— Когда?

— Я еще не знаю, — огрызнулся Гарднер. — Головная компания должна прислать инструкции, и я не хочу наспех заключать сделку. Понятно?

— Давайте поскорее закроем сделку, мистер Гарднер, — тяжело вздохнул Сми.

И прервал связь.

Гарднер схватил стакан и сделал большой глоток. Затем отвернулся, слегка вздрогнув, когда проглоченное дошло до желудка.

Он не мог винить Сми. Этот коротышка пробыл на Лурионе шесть месяцев, очень долгий срок, особенно для человека, который собирается уничтожить планету. Единственная мысль Сми крутилась вокруг того, что вся команда уже в сборе. Давайте поскорее закончим работу и вернемся на Землю, вот что он думал.

Все это было понятно. Но Гарднер так не мог. По той или иной причине, Арчер пришел слишком рано, и до тех пор, пока Гарднер не узнает, почему, он не может отдать приказ завершить проект. Он понимал, что появление Арчера означает конец Луриону.

Подобный случай был когда-то в Фусидиде, подумал он. Афиняне захватили мятежный город Метилен и решили перебить всех его жителей. Но заседание Ассамблеи в последнюю минуту проголосовала за отмену этого решения, и посланники прибыли в Метилен как раз тот момент, когда приговор должен был быть приведен в исполнение.

Возможно, казнь Луриона была тоже отменена, подумал Гарднер. Нужно подождать, пока он не поговорит с только что прибывшим Арчером.

И что потом? — спросил он себя.

Потом, если не будет никакой отсрочки, он должен отдать приказ начинать. И Лурион, и девушка, и угроза для Земли через шестьдесят семь лет, — все немедленно обратится в прах.

Гарднер допил стакан. Затем, действуя с методичной решительностью, он закурил бутылку и выбросил ее в мусоропровод.

Что бы теперь ни случилось, он хотел быть трезвым.

Через пять минут видеоэкран издал сигнал, означающий звонок по местной линии.

Он включил связь, и на экране появилось странное лицо. Мягкое, очень мягкое лицо, ничем не примечательное, но незабываемое.

— Вы, наверное, Гарднер, — сказал незнакомец. — Я Дэймон Арчер.

— Да. Я знаю, что вы здесь, и ожидаю услышать от вас о причинах вашего раннего прибытия, — сказал Гарднер, подозрительно нахмурившись.

По инструкциям Арчер должен быть на северном континенте планеты, за три тысячи километров отсюда, но звонок был сделан по местной линии.

— Где вы сейчас? — спросил он.

— В космопорте. Я привык сначала все проверять, а потом...

— Что потом? В инструкциях от компании было точно указано, что...

— Я знаю, мистер Гарднер. Но я должен немедленно встретиться с вами. Я хочу поговорить с вами в частном порядке, прежде чем мы чего-либо начнем.

Гарнир напрягся.

— Отлично. Как скоро вы сможете приехать сюда?

— В течение часа, — сказал Арчер.

Приехал Арчер через сорок пять минут. Он оказался выше и немного стройнее, чем ожидал Гарднер, но, тем не менее, у него было странное качество внешности — скорее, группа качеств, — что заинтересовало Гарднера.

Арчер окинул взглядом единственную комнату Гарднера, отметив звуковой генератор, мешочек с драгоценностями и грязное окно. Затем он указал на дверь, которую Гарднер запер на печать-замок.

— Зачем это здесь? — спросил он.

— Для нашей защиты, — сказал Гарднер. — Я все время держу дверь запертой.

— Я был бы признателен, чтобы вы отперли ее, пока я здесь, — сказал Арчер, слегка вздрогнув. — Это... э-э... Считайте это моей фобией. Мне неприятно заходить в заперти. Я не могу не думать о том, что если хозяин комнаты внезапно умрет, то я не смогу выбраться отсюда. Тогда пришлось бы прыгать в сетку с двенадцать этажа. А это не для меня.

Гарднер пожал плечами.

— Я думаю, мы будем в безопасности и без него.

Он убрал генератор и мешочек с драгоценностями в шкаф, затем снял с двери комнаты печать-замок и тоже положил в шкаф. *Странно, подумал он. Арчер кажется слишком обычным, чтобы иметь какие-то фобии.* Но его право просить удалить замок, и Гарднер не стал настаивать.

— А теперь, — сказал Гарднер, — могу я спросить, почему вы здесь, а не в назначенном для вас месте?

— Могу ли я свободно говорить о природе... э-э... проекта? — спросил Арчер, украдкой оглядываясь.

— Если это нужно, — сказал Гарднер. — В этой комнате нет подслушивающих устройств. — Он распахнул дверь, коридор за ней был пуст. — Все в порядке, — сказал Гарднер. — Говорите, что вы хотели сказать.

Арчер, наконец, сел, положил ногу на ногу и постучал по чемоданчику, который принес с собой.

— Мой генератор здесь. Ваш, я думаю, в шкафу. Сейчас все пятеро членов команды в сборе?

— Взгляните на свой индикатор, и вы легко сможете увидеть, что это так, — с удивлением сказал Гарднер.

— Разумеется. Все пятеро здесь. А теперь к делу. Я привез указания из Земного Центра, которые требуют полного пересмотра характера нашей миссии, о чем вы должны узнать, прежде чем мы начнем действовать.

— Что за чертовщина? — спросил Гарднер.

Арчер улыбнулся застенчивой улыбкой.

— Я... Вы уж простите меня, но я должен проверить ваше состояние. У Карнеса были некоторые опасения насчет...

— Да знаю я, — проворчал Гарднер. — Он высказал мне все, прежде чем я улетел. Ладно. Короче говоря: нас отправили сюда в качестве команды, предназначенной уничтожить Лурион. Для этого требуется пять человек, каждый будет оснащен звуковым генератором, которые, при включении в надлежащих географических координатах, все вместе создадут определенную вибрационную схему. Я назначен командиром группы.

— А кто назначил вас на эту работу?

— Карнес. Начальник службы безопасности Земного Центра. Разумеется, с подачи компьютера.

— А зачем нужно уничтожать Лурион?

— Компьютер спрогнозировал, что Лурион начнет разрушительную атаку на Землю примерно лет через семьдесят или около того. Мы должны нанести удар первыми.

Арчер откинулся на спинку и спокойно улыбнулся.

— Отлично. Вы все сказали правильно. Мне кажется, мы можем продолжать действовать по графику.

— Я прошел проверку?

— Проходите. Когда начнется мероприятие?

— Как только вы доберетесь до северного континента, где и должны находиться, — сказал Гарднер. — Позвоните мне, когда окажетесь там, и я pošлю сигнал всем остальным.

Теперь он понял, что у него больше нет ни сомнений, ни колебаний, и он готов довести проект до его кульминации.

— Очень хорошо. Я сейчас уйду, — сказал Арчер.

Он встал и застегнул куртку на кнопки. Гарднер наблюдал за ним, нахмутив брови.

Снова зазвонил видеозэкран.

Гарднер включил связь, и на экране появилось круглое бородатое лицо Калли Леопольда, единственного члена команды, с которым Гарднер еще не разговаривал.

— Наверное, я пойду, — торопливо сказал Арчер.

— Постойте, — ответил Гарднер. — Давайте послушаем, что хочет сказать Леопольд. — Он повернулся к экрану. — Вы Леопольд, не так ли?

— Все правильно. Эй! Он уходит!

ГАРДНЕР РАЗВЕРНУЛСЯ и увидел Арчера с чемоданчиком в руке, пытающегося открыть обычный дверной замок луриониан. И внезапно ряд разрозненных, но практически взаимосвязанных фактов объединились в его сознании.

— Куда вы уходите, Арчер?

— Я...

Он, наконец, отомкнул дверь и, не потрудившись закончить фразу, хотел выскочить в коридор.

Гарднер бросился к нему, схватил за плечо и втащил обратно в комнату. Дверь захлопнулась.

– Куда вы спешите? – спросил Гарднер. – Я же просил вас подождать.

Вместо ответа Арчер ударил Гарднера в живот. Гарднер охнул и согнулся, но, когда Арчер уже готов был ударить вторично, Гарднер внезапно перехватил его руку и перекинул Арчера через плечо.

Худощавый Арчер тяжело упал на пол и тут же хотел вскочить на ноги, но Гарднер уже был на нем. Арчер отчаянно глядел на него, напрягаясь, чтобы перевернуться, схватив Гарднера за руки и пытаясь спихнуть его себя. Гарднер дважды ударил его, чтобы ослабить, кулаком, а потом силой треснул головой об пол. Глаза Арчера закрылись.

Гарднер развернулся к экрану. Леопольд все еще смотрел на них, широко раскрыв глаза.

– Это ведь был Арчер? – спросил Леопольд. – Что вообще происходит?

– Не знаю, – тяжело дыша, сказал Гарднер, – но он заставил меня отпереть дверь, а потом повторить вкратце наше задание, что было бы полным открытием торговых секретов компании. А теперь он просто попытался сбежать. Я погляжу, что у него в чемоданчике. Перезвоните мне минут через десять, не так ли?

Он прервал связь. Он не хотел, чтобы содержимое чемоданчика Арчера увидел экран.

Арчер все еще валялся без сознания. Отлично. Гарднер вскрыл его чемоданчик перочинным ножом и заглянул внутрь.

Много одежды. Небольшой пакет со звуковым генератором. А также...

Это еще что за черт?

Карманный магнитофон!

Гарднер нажал кнопку и услышал, как его собственный голос говорит:

– Нас отправили сюда в качестве команды, предназначенной уничтожить Лурион. Для этого требуется пять человек...

Гарднер мрачно усмехнулся и нажал кнопку стирания записи. Потом набрал в стакан воды и вылил ее Арчеру на лицо. Лежащий на полу дернулся, закашлялся и открыл глаза.

– Я только что прослушал кусочек вашей записи, – сказал Гарднер. – На кого вы работаете, Арчер?

– Что? Что значит на кого?..

– Не стоит продолжать нести чепуху. Кто заплатил вам, чтобы заставить меня рассказать суть нашего задания?

— Пока что никто, — усмехнулся Арчер. — Но мне кажется, Звездной Конфедерации Приграничья будет интересно узнать о том, как Земля дошла до таких этических высот.

На этот раз Гарднер был готов. Он уклонился от удара ноги Арчера.

Шпион вскочил на ноги и бросился на Гарднера. Гарднер, и не думая защищаться, ударом в грудь отбросил Арчера, а потом нанес ему жестокий апперкот.

Затем Гарднер взмахнул рукой и жестко ударил его прямо по открытому горлу. Это был грязный прием, но в данной ситуации все было хорошо, что полезно.

Арчер как-то странно хрюкнул и начал было оседать на пол, но Гарднер поймал его, поставил прямо и ударил еще раз.

Шпион отлетел в шага на три и ударился спиной о стену. Гарднер невольно вздрогнул от громкого треска. Арчер медленно скользнул по стене на пол и замер там, словно поломанная тряпичная кукла. Рот его распахнулся, язык странно высунулся.

Гарнир опустился на колени и осмотрел его. Арчер не дышал.

Гарднер снова взял магнитофон и включил на проигрывание. Катушка была полностью стерта. Чтобы окончательно убедиться в этом, он достал микрокассету и бросил ее в мусоропровод.

С Арчером было покончено. Но возникла новая проблема.

Арчер был пятым человеком в команде. Теперь их осталось четверо. Сми, Леопольд, Виган и он сам. А требовалось пять, чтобы система генераторов стала эффективной.

Генератор Арчера находился в чемоданчике, если только шпион не обманул его, что было сомнительно. Но как теперь действовать?

А что, если...

Дверь открылась, прерывая его размышления. Гарднер вздрогнул, увидев, как в комнату входит Лора Маркс.

— Не в вашем стиле оставлять свою дверь открытой, — тихонько сказала она. — Мне кажется, вы должны все объяснить, Лой.

ГЛАВА VI

ВДВОЕМ ОНИ спрятали тело Арчера в шкаф и восстановили в комнате порядок.

Гарднер наложил на дверцы шкафа печать-замок. Теперь нужно было проломить стену, чтобы отыскать Арчера.

— Я проверила записи в таможне, — сказала Лора. — Я сказала им, что хочу узнать, женат ли ты. Им не хотелось показывать твои документы, но когда я им сказала, что ты... Ну, ты понимаешь, что

я сказала, к тому же дала им денег, и они позволили мне заглянуть в бумаги. В твоих проездных документах говорится, что ты не состоишь в браке. Зачем ты обманул меня, Лой? Хотел от меня избавиться?

— Что .

из разговора между мной и Арчером ты слышала? — спросил Гарднер.

— Только самый конец. Когда он говорил что-то о Звездной Конфедерации Приграничья, высоко ценящей информацию. Но с чем это связано?

— Помолчи и послушай меня. — Лицо Гарднера застыло суровой маской. — Арчер был частью команды из пяти человек, отправленных земным Центром, чтобы выполнить некую работу на Лурионе. Он продал свою команду, или планировал продать, как только что поведал мне. Но я поймал его.

— Какую работу? — спросила она.

— Нас отправили сюда, чтобы уничтожить Лурион.

Глаза Лоры на мгновение расширились, затем она изумленно уставилась на него.

— Что ты сказал?

И Гарднер рассказал ей все. Он рассказал ей о Карнесе, о компьютере и необходимости этой миссии. И о том, почему он притворился женатым.

Закончив, он стал наблюдать за ее реакцией.

— И я еще полетела на Лурион, чтобы изучать проявления жестокости! — слегка улыбнулась Лора. — С таким же успехом я могла бы делать это и на Земле.

— Нет, несправедливо, что ты должна умереть, — сказал он. — Но нет никакой жестокости в том, что Земля собирается сделать с Лурионом. Разумеется, мы убьем три миллиарда живых существ. Но зато мы удалим из Вселенной грязную чуму. Мы спасаем Землю и защищаем всю остальную Галактику.

Лора ошеломленно покачала головой.

— И ты собираешься хладнокровно сделать это? Только не надо никаких оправданий!

— Я и не собираюсь оправдываться. — Внезапно Гарднер почувствовал странное спокойствие, словно верил в то, что сейчас говорил, всю свою жизнь, а не только последние дни. — Мы знаем, что действуем хладнокровно, чтобы спасти себя от неприятностей, когда Лурион начнет с нами войну. Лора, этот мир насквозь гнилой. Ты же сама *знаешь* это...

— Да, я знаю это.

— Ну, тогда, в конце концов, неужели из-за какой-то гнилушки должна вспыхнуть межгалактическая война? Миллионы и миллионы могут погибнуть, экономика сотен планет будет разрушена. Но сейчас мы еще можем этого избежать.

— На Лурионе живут и невинные люди. Здесь масса таких.

— Когда удаляют раковые клетки, при этом некоторые соседние здоровые клетки погибают, — сказал Гарднер.

— И *ты* позволил бы мне умереть, — прошептала Лора.

Гарднер кивнул.

— Из-за тебя я чуть было не предал весь проект. Как раз с тобой произошла ошибка. Но для тебя не было спасения, ведь ты лишь один-единственный человек. А счет идет на миллиарды.

— Значит, ты сказал, что женат.

— Только чтобы держаться подальше от тебя, чтобы ты не нарушила мою решительность проделать эту работу. Ну, зато теперь ты будешь жить. Ваш корабль должен лететь через две-три недели, не так ли?

— Да.

— Мне придется отправиться обратно на Землю, чтобы получить замену в команде теперь, когда Арчер мертв. К тому времени ты покинешь Лурион и благополучно вернешься домой.

Ее чистый лоб нахмурился.

— Но ведь у тебя остался генератор Арчера, не так ли? Разве он не работает?

— Наверное, работает. Но генераторы должны быть разнесены по всей планете. Я не могу быть одновременно в двух местах, когда придет время щелкнуть переключателями. Так что мне нужна замена.

— Насколько сложна эта работа с генератором? — спросила Лора.

— Да нет там ничего сложного. А почему ты спрашиваешь?

— Может быть, я смогу заменить Арчера? — сказала она.

ГАРДНЕР ЗАМОРГАЛ, прежде чем сказать:

— И ты говоришь это всерьез?

— Я всегда говорю всерьез. Я делаю предложение и думаю, что тебе нужна моя помощь. Но если ты от нее отказываешься...

— Лора, ты серьезно? Но почему ты хочешь... убить эту планету?

— Может быть, потому, что я люблю тебя, идиот ты этакий. Может быть, я прожила здесь достаточно долго, чтобы понять, что это будет не убийство, а, скорее, казнь или избавление из милосердия. — На ресницах повисла слезинка, но она сердито сбросила ее. — Ну, так как? Ты что, совсем мне не веришь, Лой?

Гарднер не знал, что ответить. Загудел видеозэкран, выводя его из ступора.

Гарднер думал, что это перезванивает Леопольд. Но это оказался Сми. Агент выглядел взволнованным.

— Гарднер, что там у вас? Мы все здесь, я хочу домой, черт подери!

Гарднер сделал глубокий вздох.

— У меня хорошие новости для вас, Сми. Проект начнется немедленно. Потом вы останетесь у своего генератора, пока я не заберу вас.

— Я буду ждать, — сказал Сми. — Не беспокойся об этом.

Гарднер прервал контакт и взглянул на девушку. Лора была бледная и напряженная, но без малейших признаков колебаний.

— Твое предложение принято, — коротко сказал Гарднер.

— Где генератор и как он работает?

Гарднер распечатал в шкаф и достал генераторы — свой и Арчера. Генератор Арчера был несколько изменен и выглядел как микроскоп с двумя окулярами, но знакомые переключатели находились на своих местах.

— Коротко говоря, это звуковой генератор, — сказал Лоре Гарднер.

— Он создает неслышимые вибрации, и когда эти вибрации, идущие из пяти разных мест, соединятся воедино, Лурион рассыплется в прах.

— А как мы все уцелеем после этого?

— Каждый генератор передаст характерный сигнал, после чего я смогу вернуться домой. Я быстро полечу в пункты ожидания и подберу всех. У нас должно быть достаточно времени.

— Если ты хочешь, чтобы я все поняла, — сказала Лора, — то объясни подробнее.

— Не нужно много ума, чтобы справиться с генератором, — нервно усмехнулся Гарднер. — Чтобы привести его в действие, ты нажмешь этот рычажок.

Он взял ее руку и прикоснулся к нужному рычажку. Лора мгновенно выдернула руку, словно рычажок был радиоактивным.

— Не нужно бояться этого, — сказал Гарднер. — Должны быть включены все пять генераторов. А, кроме того, ни один из них не сработает, пока первым не активируется мой. Я контролирую всю команду.

— Но как я узнаю, когда твой заработает? — спросила Лора.

— В тот момент, когда я нажму рычажок на генераторе, твой генератор начнет тихонько гудеть. Как только ты услышишь это гудок, ты, Виган, Леопольд и Сми активируете свои генераторы. Тогда у

нас будет шесть часов, чтобы улететь с планеты, а это значит, что я пролечу над всем миром, подбирая членов команды Луриона.

– А где должна быть я?

– Разумеется, в космопорте. Я же не могу посадить корабль прямо посреди улицы. Упакуй все заметки, которые хочешь взять с собой, возьми генератор и поезжай в космопорт. После того, как генератор заработает, возьми шкафчик в камере хранения и спрячь генератор там. Эти шкафчики нельзя открывать в спешке.

– Ладно, – улыбнулась Лора. – Позволь, я повторю все это, чтобы ты увидел, правильно ли я поняла.

***Я СЛИШКОМ** много размышлял, подумал Гарднер, когда покинул свой корабль и направился в космопорт, держа под мышкой смертоносный генератор. А нужно просто нажать рычажок и бежать. Одно движение пальца – и мир умрет.*

Космопорт в Делисоне выглядел точно также как предыдущий. Гарднер пробирался через толпу, стараясь не встречаться взглядом с лурионианами. Через шесть часов, думал он, всего лишь через шесть часов...

Генератор выглядел совершенно невинно. Гарднер задумчиво поглядел на него, стоя прямо среди толпы, затем положил палец на рычажок пуска и нажал.

Раздалось слабое гудение. Белый индикатор на панели генератора загорелся.

Гарднер ждал. Через мгновение загорелась красная лампочка. Это был Сми. Затем зеленая. Виган.

Кто-то с любопытством поглядел на него – высокий лурионианин в официальной форме. Гарднер вспотел. Загорелась синяя лампочка. Леопольд.

Оставался неактивным лишь один генератор Лоры. Желтая лампочка все еще была погашенной. Гарднер представил ее в агонии нерешительности, когда она была не в силах в решающий момент нажать рычажок.

Ну, давай же, Лора, неистово подумал Гарднер, страстно желая, чтобы его мысли телепатически передались ей. Просто нажми рычажок. Нажми его, малыш.

Руки Гарднера задрожали, и он понял, что слишком сильно сжимает генератор. Он стоял в камере хранения, дверь шкафчика была открыта, готовая поглотить смертоносное содержимое.

– Эй, ты! – раздался голос, суровый, низкий, угрожающий. – Что это у тебя за устройство? Бомба?

Охранник был в сотне шагов от него и быстро двигался вперед. Давай, Лори!

Гарднер застыл, не в силах шевельнуться, глядя на погашенную лампочку на панели. И в последнюю секунду желтая лампочка загорелась. *Хорошая девочка*, подумал Гарднер, сунул активированный генератор в шкафчик, захлопнул его и наложил на дверь печать-замок. Этот замок луриониане не сумеют снять через шесть часов... Даже через шестьдесят!

– Эй ты, иди сюда! Что это было у тебя?

Гарднер опустил голову и бросился в густую толпу. Охранник не посмеет стрелять по толпе – даже на Лурионе. Он толкал людей, расчищая себе путь к кораблю, в три прыжка поднялся по подиуму и захлопнул люк. Теперь нужно было лететь к первому месту назначения, чтобы подобрать девушку.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ спустя, когда крошечный корабль был уже в три четвертях миллиарда километров от Бетельгейзе и в трехстах миллионах километрах от Луриона, пять пар неподвижных глаз уставились на единственный корабельный видеозэкран.

– Это должно произойти... – начал было говорить Гарднер.

Но не успел он договорить, как черное пятнышко, каким теперь выглядел Лурион, внезапно сжалось и исчезло!

Гарднер отвернулся от экрана. Остальные в ужасе уставились на него, словно пытаясь рассмотреть мельчайшие осколки, в которые теперь превратился Лурион.

– Мы летим домой, – беззвучно сказал Гарднер, сел в кресло пилота, и кораблик тут же вышел из нормального пространства в варп-космос.

От Луриона остались лишь воспоминания. Впереди лежала Земля.

Работа была выполнена.

This world must die, (Science Fiction Adventures. New Series, 1957 № 8), пер. Андрей Бурцев

"THE PENAL CLUSTER" — The Universe, Their Prison

AMAZING

MAC

"THE SUCCESS MACHINE"

Step Right Up! Make A Million!

"THE GLASS BRAIN"

Astounding "Mind-Wash"
Of The Future

STORIES

SEPTEMBER

35¢

ПОЧТА ДЛЯ ГАНИМЕДА

– **МЕНЯ УМЫЛИ**, – горестно прорычал Престон. – Мне наплевали в лицо, так что осталось лишь утереться. Они сделали из меня почтальона. Из меня – почтальона!

Он скомкал записку о назначении в шарик и швырнул ее в свое небритое отражение в зеркале бара. Он не брился уже три дня. Ровно столько прошло с тех пор, как его уведомили об отчислении из Службы Космического Патруля и передали в службу Почтовых доставок.

Внезапно Престон почувствовал на плече чью-то руку. Он поднял глаза и увидел человека в серой форме патрульного.

– Чего тебе надо, Доуз?

– Тебя ищет начальник, Престон. Настало время приниматься за новую работу.

Престон нахмурился.

– Время доставить почту, а? – Он сплюнул. – Разве им больше некуда деть хороших космонавтов, кроме как заставлять их возить письма?

Доуз покачал головой.

– Тебе никуда не деться, Престон. В твоих документах не указано, куда именно ты прикомандирован, так что, если тебя захотят заставить возить почту, тебе придется ее возить. – Внезапно его голос стал нежным. – Послушай, Престон. Давай допивай стакан и потом пойдем. Ты же не хочешь испортить свой хороший послужной список?

– Нет, – задумчиво протянул Престон, допил стакан и встал. – Ладно. Я готов. Ни снег, ни слякоть не остановят разноску почты, будь оно все проклято!

– Вот это разумные слова, Престон. Идем, я отвезу тебя в администрацию.

ПРЕСТОН ОСТОРОЖНО снял с плеча его руку.

– Я и сам способен добраться туда. По крайней мере, окажи мне такую честь!

– Да ладно, – сказал Доуз, пожимая плечами. – Ну, удачи тебе, Престон.

– Да. Благодарю. Спасибо, ты настоящий парень.

Престон прошел мимо него, потом плечом раздвинул пару за-всегдаев бара, толкнул дверь и некоторое время постоял снаружи.

POSTMARK GANYMEDE

By
ROBERT
SILVERBERG

Consider the poor mailman of the future. To "sleet and snow and dead of night"—things that must not keep him from his appointed rounds—will be added, sub-zero void, meteors, and planets that won't stay put. Maybe he'll decide that for six cents an ounce it just ain't worth it.

Было около полуночи, и небо над космопортом Нема усыпали яркие звезды. Тренированный глаз Престона разглядел Марс, Юпитер, Уран. Они ждали его. Но остаток своих дней он проведет, перевозя письма на Ганимед и обратно.

Он вздохнул полную грудь холодного ночного воздуха летней Аляски и расправил плечи.

ДВА ЧАСА спустя Престон, как и в прежние времена, сидел за пультом управления одноместного патрульного суденышка. Только на этот раз пульт казался ему голым, потому что на нем не было рычажков управления тяжелыми пушками, как на регулярных сторожевых патрульных кораблях. А в грузовом отсеке, вместо ящиков с боеприпасами, лежали три набитых мешка с почтой, предназначенной для колонии на Ганимеде.

Да какая разница, подумал Престон, включая продувку двигателей.

— Ладно, Престон, — раздался в динамике голос с башни. — Даю тебе разрешение на взлет.

— Всего доброго, — ответил Престон и дернул на себя рычаг.

Корабль взмыл в небо, и на секунду Престон почувствовал прежнее острое ощущение, но тут же вспомнил о своем незавидном положении.

Он вывел корабль в космос, а когда на экране появилась сплошная чернота, радио затрещало.

— Почтовый корабль, отвечайте, почтовый корабль.

— Ну, отвечаю. Чего вам нужно?

— Мы ваш конвой, — послышался твердый голос. — Патрульный корабль 08756, лейтенант Меллорс, прямо над вами. А на три часа патрульный корабль 10732, лейтенант Гундерсон. Мы проведем вас через Пиратский пояс.

Престон почувствовал, как лицо его запылало от стыда. Меллорс! Гундерсон! Неужели два старых приятеля по службе направлены охранять его?

– Пожалуйста, подтвердите, – сказал Меллорс.

Престон помолчал, прежде чем заговорить.

– Почтовый корабль 1872, лейтенант Престон на борту. Подтверждаю сообщение.

Ответом было ошеломленное молчание.

– Престон? Это ты?

– Он самый, единственный и неповторимый, – огрызнулся Престон.

– Что ты делаешь на почтовом корабле? – спросил Меллорс.

– Почему бы тебе не спросить об этом начальника? Именно он вытащил меня из Патруля и посадил в эту лоханку.

– Не верю своим ушам! – недоверчиво воскликнул Гундерсон. – Хэл Престон на почтовом корабле!

– Да. Невероятно, но факт, – с горечью сказал Престон. – Можешь не верить своим ушам. Но лучше бы тебе им поверить, потому что...

– Должно быть, это ошибка какого-то клерка, – неуверенно сказал Гундерсон.

– Давайте, парни, сменим тему, – огрызнулся Престон.

Некоторое время они молчали, пока три корабля – два вооруженных и один с почтой для Ганимеда – улетали от Земли. С легкостью многолетнего опыта орудия кнопками и рычагами на пульте, Престон плавно направил корабль к далекому Юпитеру. Даже на таком расстоянии он видел пять-шесть ярких точек, окружающих громадную планету. Там был Каллисто и...э-э...

Престон провел расчеты, проверил управление и лег на орбиту. Все. Теперь оставалось лишь не вступать в разговоры со своими двумя бывшими патрульными и пытаться не думать об унижительной работе, на которую он был поставлен. Все, что угодно, только не почта!

– **ПИРАТЫ! СВОРАЧИВАЙ** на два часа!

Престон проснулся. Он моментально определил местоположение пиратских кораблей – их было двое, выходящих из пояса астероидов. Маленькие, компактные, смертельно опасные, они ринулись к нему.

Престон в бессильной ярости заколотил кулаками по пульту управления, машинально ища управление вооружением, которого здесь не было.

– Не волнуйся, Прес, – послышался голос Меллорса. – Мы позаботимся о них вместо тебя.

– Спасибо, – с горечью сказал Престон, наблюдая, как приближаются пиратские корабли, стремящиеся побороться с патрульными катерами выше и ниже его.

Внезапно из космоса вырвалось яркое копьё пламени, и на корпусе корабля Гундерсона загорелось и быстро погасло вишнево-красное пятно.

– Я сгупил, – тут же сообщил Гундерсон. – Но экраны приняли на себя удар.

Престон схватился за рычаги и врубил тормозные двигатели, что отбросило его корабль назад, за защиту обоих патрульных катеров. Он увидел, как Гундерсон с Меллорсом приближаются к одному из пиратов. Два синих луча ударили с их кораблей, и пиратский корабль взорвался. Но второй пират неожиданно ринулся вперед.

– Осторожно! – беспомощно закричал Престон, но было уже слишком поздно.

Нос корабля врезался в корпус катера Меллорса, и по нему побежали темные трещины. Престон ударил кулаком по пульту управления. Лучше умереть в честном бою, чем жить вот так!

Теперь корабли остались один на один, Гундерсон против пирата. Престон снова притормозил, чтобы воспользоваться защитой патрульного корабля.

– Я собираюсь испробовать диверсионную тактику, – сказал Гундерсон. – Бери курс на Ганимед и врубай всю мощность, что у тебя есть.

– Принято.

Престон смотрел, как проходит этот тактика. Корабль Гундерсона прошел по длинной, замкнутой спирали, которая увлекла пирата в верхний квадрант пространства. Путь был открыт, и Престон ринулся вперед, навстречу свободе. Оглянувшись, он увидел, как Гундерсон с пиратом идут на столкновение в верхней части спирали.

Он отвернулся. Погибли оба патрульных, два корабля потерпели крушение, но письма остались в целости и безопасности.

Покачив головой, Престон сгорбился над пультом управления и направился на Ганимед.

ГОЛУБОВАТО-БЕЛАЯ, замороженная луна висела под ним. Престон щелкнул выключателем радиостанции.

– Колония Ганимеда? Пожалуйста, ответьте. Говорит почтовый корабль.

Слова буквально застревали у него в горле. Несколько секунд стояла полная тишина.

– Отвечайте, Ганимед, – нетерпеливо повторил Престон, а затем воющий сигнал бедствия прервал его речь.

Сигнал шел со спутника вниз, и там наверняка вырубили все приемные устройства, чтобы усилить передатчик. Престон нажал кнопку на пульте управления, включая внешнюю сирену.

– Отлично, я принял ваш сигнал, Ганимед. Иду к вам!

– Говорит Ганимед, – послышался напряженный голос. – У нас здесь проблемы. Кто вы?

– Почтовый корабль, – сказал Престон. – С Земли. Что у вас происходит?

Послышалось шушуканье где-то рядом с микрофоном, потом тот же голос воскликнул:

– Почтовый корабль?

– Да.

– Тебе придется вернуться на Землю, парень. Ты не можешь приземлиться здесь. Уж прости нас, но ты не сможешь доставить нам почту...

– Почему я не могу приземлиться? – нетерпеливо перебил его Престон. – Что у вас там за чертовщина?

– Мы в осаде, – устало ответил голос. – Колония окружена ледяными червями.

– Ледяными червями?

– Местная форма жизни, – пояснил колонист. – Длиной около десяти метров, шириной три метра и состоят в основном из пасти. Они окружили купол кольцом диаметром в сотню метров. Они не могут проникнуть внутрь, а мы не можем выйти наружу, и вам тоже не удастся найти проход к нам.

– Достаточно, – сказал Престон. – Но почему вас это не волновало, когда вы строили свой Купол?

– Очевидно, у них очень длинный цикл спячки. Знаете, мы здесь всего лишь два года. Когда мы прилетели сюда, ледяные черви, должно быть, спали. Но в прошлом месяце они проснулись и поползли по льду сотнями голодных пастей.

– А почему Земля не знает об этом?

– Антенна нашего передатчика дальнего действия была установлена вне Купола. Один из червей подполз и тут же откусил ее. Все, что у нас осталось, это коротковолновый передатчик, который мы сейчас используем, но он не работает на расстоянии больше десяти тысяч километров. Вы первые, кто очутился в радиусе его действия, с тех пор, как это случилось.

— Я все понял.

Престон на секунду прикрыл глаза, обдумывая ситуацию.

КОЛОНИЯ БЫЛА блокирована враждебной чуждой жизнью, а значит, доставить почту колонистам было невозможно. Отлично. Если бы он был обычным работником Почтовой Службы, то развернул бы корабль и вернулся на Землю, чтобы сообщить о возникших трудностях.

Но я не вернусь, подумал Престон. *Я стану лучшим проклятым почтальоном из всех, что у них есть.*

— Ганимед, сообщите мне координаты точки приземления.

— Но вы не можете приземлиться. Как вы покинете корабль?

— Не беспокойтесь об этом, — спокойно ответил Престон.

— Как же нам не беспокоиться? Мы не смеем открыть Купол, пока эти существа находятся снаружи. Вы не можете посадить почтовый корабль.

— Вам нужна почта или нет?

— Ну, что ж... — Колонист замолчал.

— Ладно, — сказал Престон, — тогда заткнитесь и дайте мне координаты посадки!

Последовала пауза, затем из динамика посыпались числа. Престон записал их в блокнот.

— Ладно, координаты я принял. Теперь сидите и ждите.

Он презрительно взглянул на три почтовых мешка, лежащих позади него, усмехнулся и направил корабль на посадочную орбиту.

Почтальон! Ну, я им всем покажу!

ОН ВЕЛ космический корабль, используя все навыки, полученные за столько лет в Патруле, осторожно вращаясь вокруг большого спутника Юпитера точно также, как вращался бы вокруг пиратского логова в поясе астероидов. По-своему, тут было столь же опасно, может быть, даже более опасно, чем всегда.

Престон положил корабль на нисходящую орбиту, и стабилизировал его на высоте сотни километров над поверхностью Ганимеда. Пока корабль летел над полюсом спутника, он делал расчеты.

Страничка в блокноте постепенно покрывалась данными.

Количество топлива...

Величина ускорения...

Поправка на ошибки...

Фактор безопасности...

"The iceworms were not expecting any mail—just the mailman."

Наконец, он поднял взгляд. Он точно вычислил, сколько у него есть запасного топлива, а значит, сколько он может позволить себе его потратить. Топлива было мало — очень мало.

Он снова повернулся к радиостанции.

— Ганимед?

— Где вы, почтовый корабль?

— Я на орбите на высоте около сотни километров, — ответил Престон. — Сообщите мне размеры окружности вашего Купола, Ганимед.

— Семь километров, — тут же сказал колонист. — Что вы хотите сделать?

Престон не ответил. Он прервал связь и нацарапал еще несколько чисел. Семь километров окружности Купола, которые блокировали ледяные черви, вот как? Это было уж слишком. Первоначально он планировал сбросить на них горящее топливо и сжечь червей дотла, но при таком раскладе не мог этого сделать.

Придется испробовать другую тактику.

Внизу он увидел голубовато-белый аммиачный лед — замороженную атмосферу Ганимеда. И среди этой белизны мерцал прозрачный желтый Купол, под изогнутыми стенами которого находилась колония Ганимеда. Престон вздрогнул, хотя был предупрежден заранее. Купол был окружен живым, извивающимся кольцом гигантских червей.

— Прекрасно, — проворчал он себе под нос. — Просто великолепно!

Встав с места, он перебрался через почтовые мешки и направился в заднюю часть корабля, где размещались дополнительные топливные баки.

Работая как можно быстрее, он достал один из них и привязал к пустой орудийной башне, убедившись, что сможет легко отделить его, когда понадобится.

Затем он вытер пот со лба и проверил угол, под которым топливный бак столкнется с землей, когда он пойдет на посадку. Удовлетворенный Престон проделал в боку топливного бака дыру.

— Ладно, Ганимед, — сказал он сам себе. — Я снижаюсь.

Он сошел со стационарной орбиты и повел корабль на ручном управлении. Замороженная поверхность Ганимеда становилась все ближе и ближе. Теперь он ясно видел ледяных червей.

Уродливые толстые существа массой лежали вокруг купола. Престон надел скафандр и убедился, что он герметичен. Приборы подсказали, что он находится на высоте десять километров над Ганимедом. Еще один оборот вокруг спутника, и корабль пойдет на посадку.

Когда Купол снова оказался в поле зрения, Престон, не спуская взгляд с экрана, снова включил радиостанцию.

— **Я СОБИРАЮСЬ** спуститься и прожечь дорогу через ваших червей. Внимательно наблюдайте за мной и будьте наготове, когда увидите, как я приземляюсь. Я хочу, чтобы вы открыли свой шлюз вовремя, иначе...

— Но...

— Никаких «но»!

Теперь счет пошел на секунды. *Одна-единственная пушка обычного калибра с легкостью решила бы эту проблему*, подумал Престон. Но почтовые корабли не были оборудованы пушками. Они не нуждались в оружии. По крайней мере, так до сих пор считало начальство.

Престон направил корабль на Купол вниз и переключил управление на автопилот. Вскочив на ноги, он побежал к оружейной башне и захлопнул плексигласовый люк. Затем открылась наружная стена, и топливный бак полетел вниз. Престон вернулся к пульту управления, сел и глянул на экран. Затем улыбнулся. Бак упал правее Купола, в самую середку скопища ледяных червей. Из дырки вытекало топливо.

Черви со всех сторон ползли к нему.

— Сейчас! — сказал себе Престон.

Корабль взмыл, ударив вниз пламенем дюз. Огонь растопил снег, согрел землю под ним и достиг топливного бака. Вспыхнуло ослепительное пламя, резко отразившееся от снегов Ганимеда.

А черви бессмысленно ползли прямо в огонь, горели и умирали, их тела тут же пожирали ползущие позади, которые умирали в свою очередь.

Престон отвернулся и сосредоточился на поисках места для посадки корабля.

ХОЛОКОСТ ВСЕ еще бушевал, когда он выпрыгнул из люка, стискивая один из тяжелых мешков с почтой, и изо всех сил побежал по тающему снегу к шлюзу Купола.

Добежав, он усмехнулся. Воздушный шлюз был открыт.

Чьи-то руки схватили его и втащили внутрь. Кто-то открыл личцевую пластину его шлема.

— Отличная работа, почтальон!

— В корабле остались еще два мешка, — сказал Престон. — Пошлите кого-нибудь за ними.

Колонист ткнул рукой в двух молодых людей, которые тут же надели скафандры и бросились к шлюзу. Престон наблюдал, как они бегут к кораблю, забираются внутрь и через несколько минут возвращаются с почтовыми мешками.

– Работа выполнена, – сказал Престон. – Я отчаливаю. Я сообщу Патрулю, чтобы они прилетели сюда и ликвидировали этот беспорядок.

– Как мы можем благодарить вас? – спросил колонист.

– Не стоит благодарности, – небрежно ответил Престон. – Я должен был доставить вам почту. Это ведь мой долг, не так ли?

Он отвернулся, улыбаясь про себя. Может быть, начальство знало, что делало, когда взяло опытного патрульного и послало его работать почтальоном. Доставка почты на Ганимед оказалась более опасной, чем борьба с десятком космических пиратов. *Наверное, я ошибся*, подумал Престон. *Это вовсе не спокойная работа для пенсионеров.*

Озабоченно нахмурившись, он направился к шлюзу. Колонист схватил его за руку.

– Послушайте, мы даже не знаем вашего имени! Вы настоящий герой и...

– Герой? – пожал плечами Престон. – Я всего лишь доставил вам почту. Знаете, это такая рутинная работа, но ее нужно выполнять. Письма всегда должны доходить до адресатов!

Postmark Ganymede, (Amazing Stories, 1957 № 9), пер. Андрей Бурцев

PDC

IMAGINATION

SCIENCE FICTION

OCTOBER, 1957

35¢

**YOU CAN'T
BUY ETERNITY!**

by Dwight V. Swain

ПОВЕЛИТЕЛЬ КОЛОНИИ ВОСЕМЬ

КОЛОНИЯ ВОСЕМЬ на Дамбалле была скопищем низких пластиковых куполов на большой поляне среди джунглей. Это было самое желанное зрелище, которое Джим Рис увидел за последний месяц с тех пор, как поссорился с Лоис и пошел в одиночку в джунгли.

За этот месяц он прошел тысячу миль от колонии Семь, ближайшей земной колонии в этом мире, покрытом джунглями. Теперь он возвращался, надеясь, что месячное отсутствие залечит раны, и они с Лоис помирятся. У нее было время, чтобы все обдумать. Точно так же, как и у него – а он по-прежнему любил ее.

Тут он увидел одного из туземцев, направляющегося к нему, и усмехнулся. Это был старый пьяный Кахли, местный житель, которого доктор-землянин из самых лучших побуждений случайно сделал наркоманом. Теперь постоянно живя словно в тумане, Кахли бродил вокруг колонии Восемь, потому что больше ему было некуда пойти.

Рис был рад увидеть знакомое лицо, даже лицо Кахли. Он приветствовал инопланетянина.

– Кахли! Кахли, старый дьявол! Куда направляешься?

Он знал, что туземец больше не рискует углубляться в джунгли, потому что его тонкое умение ориентироваться было давно притупленно наркотиками.

Инопланетянин растерянно завертел головой, наконец, его мутные зеленые глаза устались на Риса.

– Проблема, землянин, – захрипел он. – Уходите. Подальше. Большая проблема.

– О чем ты говоришь? – нахмурился Рис.

Кахли подошел и неустойчиво закачался на подошвах ног с семью пальцами.

– Там все сошли с ума. Небезопасно. Проблемы, землянин. – Он тихонько простонал. – Происходят печальные вещи.

Рис впился взглядом в инопланетянина, затем схватил его за чешуйчатые плечи и затряс.

– Рассказывай, Кахли! Это твои очередные видения или в колонии действительно что-то не так? Ну, говори же!

– Не бейте Кахли! – жалобно застонал инопланетянин. – Не делайте больно. Проблема, землянин!

Рис заметил рюкзак, заброшенный на спину существа.

– А в нем что находится?

– Это мое! Мое! Не трогайте!

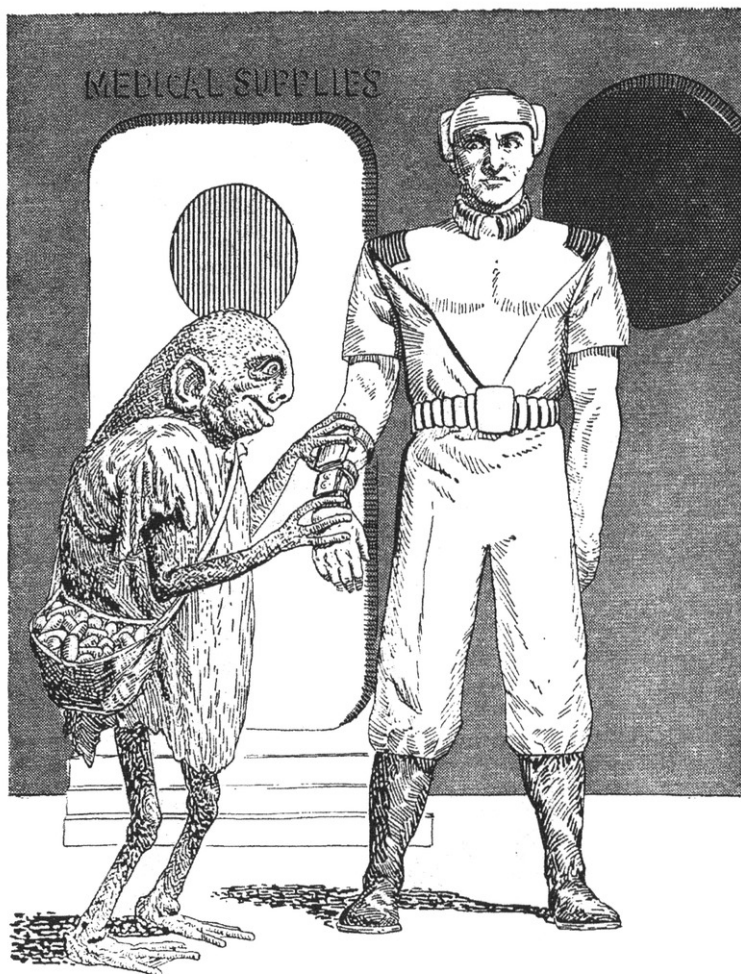
Любопытство заставило Риса развернуть инопланетянина и заглянуть в рюкзак, в то время как старик что-то в ужасе бормотал.

Overlord Of Colony Eight

by

Robert Silverberg

Reese returned to the colony expecting
a pleasant reunion; instead he found friends
ready to hunt him down like an alien beast . . .

Приоткрыв его, Рис присвистнул. Рюкзак был до краев полон ампулами *бензолютримина*, обезболивающего, из-за которого Кахли сделался наркоманом. Инопланетянин как-то вечером приполз в колонию, грудь его была вся изорвана когтями кхалек-птицы. Врач колонии дал ему обезболивающее, чтобы ослабить муки, и лишь потом обнаружил, что *бензолютримин* является для местных жителей сильным наркотиком.

– Где ты взял все это? – потребовал Рис.

– Взял. Мне нужно. Не ходите в колонию.

Ну, значит, там действительно что-то произошло. Что-то, что помогло Кахли исполнить его несбыточную мечту – он всегда был готов украсть парочку ампул наркотика, а потом прятаться какое-то время на окраинах джунглей. Рис стиснул зубы и ринулся к колонии. Он надеялся, что у Лоис все в порядке. Он не простил бы себя за то, что покинул ее, если бы с ней что-то произошло.

РИС ВОРВАЛСЯ в круг небольших куполов. Никого не было видно. Странно. Здесь всегда можно было найти несколько неработающих колонистов, отдыхающих, прежде чем продолжить рубить окружающие джунгли.

Наконец-то он разыскал Ллойда Крамера, одного из своих лучших друзей. Они с Крамером вместе летели на Дамбаллу на одном корабле.

– Ллойд! Ллойд! – Рис бросился к Крамеру, напряженно стоящему у своей хижины и глядящему куда-то вдаль. – Эй, Ллойд!

Крамер повернулся к нему.

– Я встретил старого Кахли, – сказал Рис, – который направлялся в джунгли с рюкзаком, полным *бензо*. Он сказал, что в колонии какие-то проблемы. Что у вас тут происходит? Как Лоис? С ней все в порядке?

Крамер озадаченно и хмуро поглядел на него.

– Кто вы такой? – сказал он глубоким, рокошущим голосом. – Я не узнаю вас.

– Что? Ты что, с ума сошел, Ллойд? Я Джим Рис!

– Джим... Рис? – повторил Крамер с таким выражением, словно это было иностранное имя. – Откуда вы пришли, Джим Рис?

– Я... Какого черта тут происходит, Ллойд? – Рис отступил, подозрительно глядя на него. – Так что с тобой? И где все?

– Ты не знаешь, – сказал Крамер. – Значит, тебя здесь не было, когда произошло преобразование. Поэтому я должен схватить тебя.

И он бросился вперед, взмахнув руками.

Рис увернулся, когда здоровенный Крамер понесся к нему. Он знал, на что способен Ллойд, поэтому отскочил подальше.

– Ллойд! У тебя все в порядке с головой?

– Я должен тебя захватить, – повторил Крамер.

Он развернулся и взмахнул гигантскими кулаками. Рису удалось парировать один удар, но хук справа врезался ему в живот, сбил дыхание и откинул к стволу толстого дерева-гайва. Он стоял, держась за его липкую кору, стараясь восстановить дыхание. Затем, поскольку Крамер снова пошел на него, Рис выхватил свой охотничий нож. Крамер же был безоружен.

– Ллойд, я не знаю, что на тебя нашло, но, если ты сделаешь еще один шаг, я нарежу тебя на ломти. Ты, должно быть, совсем спятил!

Крамер остановился, в замешательстве глядя на блестящее пилообразное лезвие в руке Риса. Он стоял метрах в трех от него.

– Что мне делать, доктор Терсен? – громко сказал он. – У него нож. И сам же ответил себе холодным, незнакомым голосом:

– Удержи его там любой ценой – даже ценой своей жизни, если будет необходимо. Я посылаю подмогу.

– Да, доктор Терсен, – собственным голосом сказал Крамер.

Рис нахмурился. Терсен? Он вспомнил это имя. Это ученый, и с ним был связан какой-то скандал еще там, на Земле, несколько лет назад. Но что он делает здесь, на Домбалле, и как управляет Ллойдом Крамером?

– Я должен помешать вам убежать, – категорическим тоном сказал Крамер. – Уберите нож, Джим Рис.

Рис огляделся и увидел фигуры других колонистов, направляющихся к нему. Он узнал их, хотя в их лицах было что-то незнакомое. Они двигались натянуто, неуклюже. *Точно зомби*, подумал Рис.

Пот струйками лился по его телу. Он не хотел причинять вреда Крамеру, даже такому странно одержимому Крамеру, стоящему перед ним. Быстро наклонившись, он схватил горстку мягкой, теплой грязи Дамбаллы и швырнул Крамеру в лицо. Здоровяк, ослепленный, принялся отплеиваться. Рис повернулся и побежал.

– За ним! – загрохотал Крамер. – Он уходит!

Рис услышал позади шлепанье десятков пар ног. Он ринулся обратно в джунгли, почувствовал, как слизистая лоза ударила ему по лицу, и упал в мелкое болотце, покрытое дрожащими папоротниками-чулла.

ТАМ ОН лежал пять-десять минут, слушая, как колонисты мечутся, ища его. Он чувствовал холодный озноб, несмотря на тропическую жару джунглей.

Кто же этот Терсен? И что он сделал с людьми колонии Восемь? А как тут Лоис?..

Он должен был все узнать. Так или иначе, в то время, пока его не было, Терсен захватил контроль над умами и телами его друзей и

остальных колонистов. Рис слышал их голоса, какие-то странные, звучащие так, как могли бы разговаривать роботы.

– Нашли его следы?

– Нет. Он исчез.

– Доктор Терсен накажет нас. Мы должны его найти.

– У него нож. Нам нужно быть осторожными.

– Нет. Доктор Терсен велел захватить его даже ценою наших жизней.

Рис содрогнулся. Он узнал эти голоса, по крайней мере, ему показалось, что он их узнал. Абель Лестер, Дик Фредрикс, Чак Хайланмен... Рис работал с ними и знал их много лет. И теперь они охотятся на него, словно он какой-то дикий зверь, который должен послужить едой колонистам.

Кто-то прошел в трех шагах от его укрытия и отправился дальше. Рис буквально купался в собственном поту. Если бы только он мог оставаться в укрытии, пока они не уйдут, тогда он отправится обратно в колонию и узнает, что там произошло, а также все ли в порядке с Лоис.

Игла боли пронзила его ногу. Рис с трудом удержался от вскрика.

Еще одна игла. И еще одна.

Иглочерви! Им наскучило копать в грязных глубинах болота, и они начали пробиваться через подошвы его ботинок!

Рис шепотом выругался. Эти омерзительные существа были повсюду. Он вскочил и, пригнувшись, запрыгал на месте, пытаясь избежать их острых головок, но их были здесь десятки, изголодавшихся и почувствовавших сочную пищу. Если он останется здесь, то его будут медленно есть, пока он не умрет.

Крепче сжав нож, Рис, озираясь, выбрался из своего убежища. В поле зрения не было никого. Поисковики шарились в подлеске далеко впереди.

Он на цыпочках двинулся обратно к поселению. Но внезапно его схватили сзади толстые, перевитые жилами руки Ллойда Крамера, и Рис забился в его захвате. Нож выпал у него из руки.

– Все сюда! – закричал Крамер. – Я поймал его! Возвращаемся!

ТРОЕ МУЖЧИН охраняли его, лежавшего связанным в углу Административного здания колонии. Ллойд Крамер, Абель Лестер и Марк Кэмерон – отец Лоис. Они почти пятнадцать минут молча сидели и смотрели на него. Ни один из них не произнес ни слова, даже когда Рис спросил Кэмерона, в порядке ли Лоис.

Внезапно открылась дверь и в комнату вошел высокий, аскетически худощавый человек. Рис немедленно узнал его острые черты лица, особенно глаза, которые, в отличие от глаз зомби, горели ярким фанатичным пламенем. Это был доктор Терсен.

— Можете идти, — сказал Терсен.

Трое охранников кивнули и ушли. Рис заметил, что лоб Терсена украшает обруч из блестящего металла.

Ученый взглянул на Риса сверху вниз.

— Вы член колонии? — спросил он.

— Почему я должен отвечать на ваши вопросы?

— Я повторяю. Джеймс Рис, вы член этой колонии?

— Да, — сказал Рис. — Меня не было здесь целый месяц, я охотился в дальних местах. А кто вы, черт побери?

— Меня зовут Джон Терсен, я прилетел с Земли. Возможно, вы слышали обо мне.

— Я помню, что вас вроде бы судили? — сказал Рис. — Вас обвиняли в каких-то незаконных экспериментах. И вы были высланы с Земли.

— Да. Совершенно верно. — Гримаса боли на секунду исказила худое лицо Терсена. — Меня сослали из моего родного мира. Это было шесть лет назад. И все эти шесть лет я провел один, на неисследованном астероиде, тяжело работая и готовясь. Колония Восемь на Дамбалле — мой первый лабораторный эксперимент. После этого будут остальные девять колоний, а затем — Земля. Я отплачу им за все, что они сделали мне!

— Вы что, контролируете всю колонию? — спросил Рис.

— Да. Всех, кроме вас... Но скоро вы тоже будете находиться под лучом.

А это значит, и Лоис, подумал Рис. Какой же я идиот, что ушел и оставил ее здесь одну на целый месяц!

Но затем он понял, что все сложилось удачно, потому что его здесь не было. Если бы он здесь оставался, то, вероятно, сейчас тоже был бы зомби, как и все остальные. По крайней мере, он еще был свободен, а значит, мог победить Терсена.

В руке Терсена что-то блеснуло. Тонкий металлический браслет из такого же металла, как и обруч вокруг лба ученого.

— Это для вас, — сказал Терсен. — Так как я не могу подключить вас к генератору, не потеряв контроль над всеми остальными, то подготовил для вас специальный пустячок. Позвольте мне надеть его на вас, Рис.

Терсен схватил Риса за запястье. Рис выдернул у него руку.

— Не надо скромничать, — холодно улыбнувшись, сказал Терсен.

Он пнул Риса и снова схватил его за запястье. Несмотря на отчаянное сопротивление связанного, Терсену все же удалось надеть ему на запястье браслет, который тот же щелкнул, замыкаясь.

— Вот теперь, — сказал Терсен, — вся деревня находится под моим контролем.

Рис был озадачен. Он не чувствовал в себе никаких отличий, очевидно, что-то пошло не так, как надо. Но он не намеревался позволить Терсену узнать это.

– Сегодня вечером мы пойдем на колонию Семь, – задумчиво протянул Терсен, словно разговаривая сам с собой. – Мы готовы начать завоевания.

Он перешагнул через Риса и развязал его путы. Рис встал, двигаясь натянуто и надеясь, что он представляет из себя убедительного зомби. И пошел к двери.

– Присоединяйтесь к остальным, – велел Терсен.

– Да, доктор Терсен, – замогильным голосом сказал Рис.

ОКАЗАВШИСЬ СНАРУЖИ, он огляделся и увидел неподалеку несколько колонистов. Он направился к ним, медленно, стараясь шагать неуклюже на тот случай, если доктор Терсен смотрит на него из окна.

Что-то не сработало в браслете Терсена, потому что Рис явно не находился под его контролем. Этот счастливый случай давал ему дополнительное время, чтобы понять, как именно Терсен держит своей власти колонистов. К тому же, он мог найти Лоис.

Браслет на запястье не давал Рису никакого ключа к разгадке. Это была всего лишь тонкая полоска металла без всяких украшений. По-видимому, Терсен собирался передавать через него какие-то мысленные приказы.

Ни на одном из колонистов не было подобных браслетов. Значит, у Терсена были другие средства управления ими. Он что-то говорил о «генераторе». Значит, нужно найти этот генератор, пока он остается свободным.

– Привет, землянин. Здесь проблема.

Стараясь двигаться также медленно и скованно, Рис повернулся, и увидел наркомана Кахли. Рюкзака у него уже не было.

– Зачем ты вернулся? – спросил Рис.

– Мне нужна... Нужна... – Кахли указал рукой себе за спину. – Я потерял рюкзак. Мне нужна...

Он не мог выговорить названия препарата, которого жаждал, но в колонию его привела отчаянная потребность.

Рис начал было что-то говорить, но тут же прервал себя и побежал.

– Лоис! Лоис!

По поляне, знакомой уже походкой, словно ноги ее плохо гнулись, шла девушка. У Риса бешено колотилось сердце, когда через пару секунд он догнал ее.

– Лоис, слава Богу, ты в порядке! – воскликнул он.

Девушка уставилась на него. Ее прекрасное лицо было лишено всяческого выражения, а серые, точно лесной орех, глаза смотрели на него безучастно.

– Кто вы? – спросила она таким голосом, словно была лунатиком.

– Ну... Я Джим! Тобой тоже управляет эта ужасная штука? Да-да, конечно, конечно же управляет. Я...

Она прервала его глубоким, металлическим голосом, больше похожим на голос доктора Терсена, чем на ее собственный:

– Рис почему-то не находится под контролем. Его нужно поймать и убрать отсюда. Схватите его!

Рис понял, что доктор Терсен следил за ними глазами Лоис. Человек пять колонистов уже направлялись к нему. Рис развернулся и побежал.

Колонисты растянулись большим полукругом, и Рис понял, что, если не успеет пробежать мимо них и спрятаться в джунглях, то попадет в их руки.

Он бросился к ближайшему из них, Чаку Хайланмену. Хайланмен был тощий и проворный, но теперь, под контролем Терсена, он стал медлительным и неловким. Он поднял кулаки и попытался изо всех сил ударить Риса. Рис легко уклонился и выдал Хайланмену правый хук.

Таким ударом можно было свалить даже дерево, но Хайланмен только отшатнулся и даже не упал. Рис понял, что контроль Терсена дает людям дополнительную выносливость. Он не сумеет победить, дерясь с ними. Тогда он обогнул Хайланмена и ринулся в заросли.

И застыл.

Потому что услышал сухой голос Терсена.

...Нужно попробовать на коротких волнах. Сейчас...

Голос был негромкий, но звучал у него в голове.

И внезапно Рис понял, что не способен шевельнуться.

ЭТО БЫЛ СТРАННЫЙ, нечеловеческий опыт – существовать в виде зомби. Часть сознания Риса оставалась неприкосновенной. Она знала, что Терсену все же удалось взять его под контроль через браслет на запястье, и что Рис больше не являлся хозяином своего тела. Теперь он чувствовал в своей голове чужое присутствие. Присутствие Терсена. Терсен теперь диктовал ему каждое движение.

На негнувшихся ногах – только теперь он не притворялся – Рис повернулся или был повернут, и пошел обратно к остальной группе. Появился Терсен и стоял, глядя на него ледяными глазами.

– Я сделал ошибку, не проверив вас, прежде чем отпустил, – сказал ученый. – Но думаю, теперь вы действительно под контролем. Давайте проверим.

Поднимите правую руку, внезапно прозвучала в голове мысленная команда. Рис почувствовал, как его правая рука взметнулась выше головы. Он изо всех сил пытался опустить ее, но это оказалось невозможным.

Теперь левую!

Обе руки!

Встаньте на левое колено. Теперь на оба.

По-видимому, Терсен был удовлетворен. Рис его больше не интересовал. Он отвернулся.

— Сегодня вечером мы пойдем на колонию Семь, — опять объявил Терсен.

Остальная часть дня была для Джима Риса как в тумане. Он выполнил ряд продиктованных заданий, готовясь к набегу на соседнюю колонию. Теперь он точно знал, что произошло с колонией Восемь, но ничего не мог с этим поделать.

Терсен появился неделю спустя после того, как Рис поссорился с Лоис. Он объявил, что прилетел сюда, чтобы проделать некоторые эксперименты, и попросил, чтобы колонисты позволили ему пожить здесь месяц. Колонисты согласились.

Терсену выделили купол, где он принялся собирать свой генератор. Генератор воздействовал на излучения человеческого мозга, что позволяло ему управлять сознаниями всех в радиусе доступности, когда он был включен. Никто в колонии ничего не знал в плоть до того дня, когда Терсен включил в генератор. И все стали его рабами.

Так как Риса не было, когда это произошло, генератор не мог управлять им. Но Терсен подготовил портативный генератор, экспериментальный, именно с помощью его он и пленил Риса. Хотя сначала он потерпел неудачу, поскольку умное притворство Риса обмануло Терсена. Очень быстро ученый обнаружил, что Рис не находится под контролем, и сумел внести какие-то мелкие корректировки, которые изменили ситуацию.

Все это Рис узнал, контактируя с разумом Терсена. Связь работала в обе стороны, но контроль — только в одну.

Рис и все остальные готовились к нападению на своих соседей.

Терсен планировал поставить под контроль все десять колоний на Дамбалле, а затем, построив еще больше генераторов, распространить свою власть на Землю, планету, которая сделала его изгнанником.

ЛИШЬ ОДИН обитатель колонии Восемь был лишен контроля Терсена. Он уходил и приходил, как ему вздумается.

Это был Кахли. Наркоман инопланетянин.

Позже в тот же день Рис натянуто стоял перед Медцентром колонии, когда появился Кахли, снова неся на спине рюкзак, набитый

ампулами *бензолотримина*. Инопланетянин счастливо улыбался в своем наркотическом опьянении.

Он подошел к Рису и с любопытством посмотрел на него глазами, затуманенными наркотиком.

— Землянин. Здесь много проблем. Я ухожу.

Заклоченный в собственном черепе, Рис пытался освободиться от железного контроля Терсена. Но это было невозможно. Он молча стоял, пока Кахли паялился на него.

Затем толстые губы инопланетянина раздвинулись в радостной улыбке.

— Симпатичная, — проговорил он. — Симпатичная. Я заберу.

Сердце Риса забилося от внезапной надежды.

Тусклые глаза Кахли уставились на блестящий браслет на запястье Риса!

Инопланетянин потрогал его руку, исследуя браслет и издавая бессмысленные звуки удовольствия. Рис почувствовал, как его тело покрылось потом. Только бы Терсен не заметил этого!..

Кахли принялся стаскивать браслет.

И тут Терсен все обнаружил. В голове Риса появилась его повелительная мысль: *Остановите его! Не позволяйте ему снять браслет, Рис!*

Неспособный сопротивляться, Рис медлительно поднял руку и начал опускать кулак на голову инопланетянина. Но на полпути он почувствовал, словно по телу пробежал электроток, и понял, что свободен. Инопланетянин успел снять браслет!

Рис быстро выхватил браслет из лап инопланетянина. Несмотря на протесты Кахли, Рис зашвырнул браслет как можно дальше в заросли.

Затем он усмехнулся и похлопал рыдающего инопланетянина по чешуйчатому плечу.

— Все в порядке, Кахли. Ты хороший парень, Кахли. Когда все закончится, напомни мне, чтобы я выдал тебе новый браслет.

И он побежал с сумрачной решимостью. Теперь он был снова свободен и знал, где находится Терсен со своим генератором. И он не намеревался потерпеть неудачу в третий раз.

ТЕРСЕН УСТРОИЛ свой центр управления в одном из небольших куполов возле ручья, текущего мимо колонии. Рис подбежал к куполу, сжимая в руке бластер.

У двери кто-то стоял. Не Терсен.

Лоис.

— Не ходи туда, — сказала она практически нормальным голосом.
— Там Терсен.

– Я знаю, – ответил Рис, пристально глядя на нее, но сейчас она не была похожа на зомби, в отличие от первого раза. – Отойди с дороги, – сказал он ей. – Мне нужно войти внутрь.

Лоис нежно погладила его по руке.

– Тебе туда не нужно, Джим. Отдай мне оружие. Я вырвалась из-под его контроля. Терсен еще не знает этого. Позволь мне самой пойти туда, и я застану его врасплох. Он ничего не заподозрит, и я пристрелю его.

Рис улыбнулся. Лоис явно говорила своим голосом.

– Хорошо. Прекрасная идея, любимая. Держи.

Он вручил ей свой бластер и ждал, пока она войдет в купол. Но вместо этого девушка направила бластер на него.

– Лоис! Это что – ловушка!?

Девушка снова заговорила, но теперь низким, искаженным голосом.

– Отлично проделано. Теперь убей его.

Это был голос доктора Терсена.

Палец Лоис лежал на спусковом крючке бластера, а Рис стоял, застыв от ужаса. Терсен подстроил хитрую ловушку, притворившись, что Лоис ускользнула из его власти, и тем самым заставил Риса самому отдать оружие.

И все прошло как по маслу. Вот только Лоис стояла, не шевельнувшись. Пот катился по ее лицу. Она побледнела, как смерть.

– Стреляй! – сказал Терсен ее губами. – Стреляй же в него!

– Я... Я не могу, – нерешительно сказала Лоис. – Я... люблю... его.

Бластер выпал из руки, а через секунду она сама рухнула под ноги Рису.

У Риса не было времени заниматься ей. Он схватил бластер, перешагнул через упавшее тело и ворвался в купол.

Фиолетовая вспышка энергии пронеслась по воздуху над ним и проделала дыру в успевшей закрыться двери. Рис мгновенно бросился на пол.

Его глазам открылось какое-то сложное оборудование, легонько гудящее и потрескивающее, а позади опрокинутого лабораторного стола стоял Терсен, снова целясь в него из бластера. Рис покатился по полу.

Терсен выстрелил и промахнулся. Рис нажал спусковой крючок своего бластера, и часть стола, за которым прятался Терсен, обратилась в уголь.

Рис услышал на улице шаги. Все еще находящиеся под властью Терсона колонисты спешили на помощь своему хозяину.

– Сдавайся, – сказал Терсен. – Иначе они разорвут тебя на куски.

В ответ Рис снова выстрелил. Энергетический луч пробил стену над головой Терсена. Терсен выстрел в ответ, и Рис почувствовал, как ему опалило щеку.

Колонисты были уже близко. Рис уже слышал их торопливые шаги. И выстрелил снова...

Прямо в генератор.

Мертвенно-бледный голубой луч на миг замерцал на сложном оборудовании. Затем лампы лопнули, проводники закоротило. Терсен отчаянно вскрикнул и разрядил свой бластер, поспешно, не целясь, ослепленный гневом.

Но Рис не стал стрелять в ответ. Он просто прыгнул к Терсену и сбил его на пол тяжелым ударом. Затем повернулся и трижды выстрелил в горящий генератор.

А мгновение спустя в купол ворвались колонисты — но уже не как рабы Терсена, а как его палачи. Рис уступил им дорогу.

Выйдя на улицу, он немного постоял, думая, что неприятно будет увидеть то, что останется теперь от Терсена.

— Это было ужасно, — прорыдала Лоис, бросаясь в объятия Риса. — Я знала, что он планирует, и ничем не могла помочь. Я была совсем как марионетка...

— Я знаю, на что это походило, — сказал Рис. — Я тоже какое-то время был у него под контролем — пока бедный сумасшедший Кахли не решил, что ему понравился мой сверкающий браслет. Но ты все сделала правильно... Ты же не выстрелила в меня!

— Да, — слабым голосом сказала девушка. — Я боролась изо всех сил... А затем каким-то образом победила. Я вырвалась из его захвата и потеряла сознание. А затем... Затем...

Рис улыбнулся.

— Теперь все кончено, — сказал он. — Терсен мертв, а его аппаратура разбита. У нее был один недостаток — она не могла справиться с любовью.

Лоис поглядела на него.

— Ты больше никуда не уйдешь, ведь так, Джим?

— Глупый вопрос, — ответил Рис.

Overlord of colony Eight, (Imagination, 1957 № 10), пер. Андрей Бурцев

CHILDREN OF CHAOS Mankind's Sins — Their Heritage

AMAZING

NOVEMBER 35¢

STORIES

THE LUNATIC PLANET

Does True Sanity Lie in Madness?

ПЛАНЕТА БЕЗУМЦЕВ

(под псевд. Ральф Берк)

КОЛОНИЯ ЗЕМЛЯН на Хироне была именно тем, чего желал Дейн Чандлер. Он понял это в ту же секунду, когда сошел с трапа межзвездного лайнера и ступил на четвертую планету Прочиона.

Чандлер отметил, что колония была вовсе не примитивной заставой, чего он опасался. Это было шумное, активное земное поселение. И оно сразу понравилось ему. Чандлер прилетел на Хирон в надежде найти здесь немногочисленную, сплоченную группу колонистов, в которой он мог найти себе место и где бы чувствовал себя человеком.

Он немного постоял на краю города, наблюдая за рабочими, спешащими куда-то фермерами и строителями. И внезапно в этой деятельности он почувствовал юное изобилие, растущее и расширяющееся, частью которого мог стать он сам. И в груди у него разлилась радостная теплота.

Подобную радость он уже чувствовал раньше. Когда, например, летал в космосе, или когда, в короткие промежутки, возвращался на Землю.

ЛАЙНЕР ТУТ ЖЕ улетел – Хирон был всего лишь незначительной остановкой на его маршруте, который включал в себя десяток других звезд, – и Чандлер повернулся посмотреть на трех других колонистов, которые прилетели с Земли вместе с ним. Это была симпатичная девушка, с нетерпением желавшая присоединиться к мужу-фермеру на новой планете. Низенький, коренастый фермер и невыразительный бродяга из тех, что шляются по космосу от планеты к планете. Все трое познакомились с Чандлером еще на корабле, когда узнали, что он тоже летит на Хирон, но Чандлер не был склонен завязать дружбу ни с кем из них.

Фермер Хорнади повернулся к Чандлеру и с гордостью заявил:

– Я жду, что на вокзале меня встретит брат. Он уже пять лет живет на Хироне.

– В самом деле? – рассеянно сказал Чандлер, глядя на золотисто-зеленое небо.

– Он писал мне о том, как здесь все ново и удивительно. Звал меня к себе, поэтому я решил прилететь сюда. Мы оба отклады-

THE LUNATIC PLANET

By RALPH BURKE

It has been said that only a thin line separates genius and insanity, and the idiot must certainly regard the genius as a madman. But perhaps this point is of no great importance when we consider the opposite: What does the genius really think of the idiot?

вали деньги целых два года на мой перелет, мы даже не писали друг другу, чтобы сэкономить на почте.

— Да, — сказал Чандлер.

У него самого на этот полет ушла годовая космическая пенсия. Он глубоко вздохнул. Воздух пах хорошо. И Чандлер внезапно понял, что, вероятно, впервые в жизни его легкие вдохнули действительно свежий воздух. Сначала он дышал отравой, какой являлась атмосфера Земли, затем, в течение долгих лет в космосе, пользовался очищенным, но не свежим воздухом космических кораблей. И под конец, когда его отлучили от космоса и послали на пенсию, был снова воздух Земли. Но здесь, в отличие от всего этого, воздух был свеж и прекрасен.

Невысокий и сильно загорелый человек с обветренным лицом подошел к группе только что прибывших. Чандлер поглядел на него и увидел, что, не считая шрамов, у него точно такое же простое, добродушное лицо, как и у фермера, стоявшего справа от него. *Значит, подошедший брат Хорнади*, подумал Чандлер. И оказался прав.

Оба мужчины крепко обнялись. Хорнади подхватил свой небольшой мешок с вещами и, что-то взволнованно тараторя, последовал за своим братом в город.

ЧАНДЛЕР ГЛЯДЕЛ, как они исчезают в дебрях колонии. У них были совершенно одинаковые, широкие спины. Через несколько недель Хорнади смешается с другими колонистами и его будет не отличить от них. Земной лоск — если он вообще был — исчезнет, и он будет неотличим от рядовых членов колонии. Чандлер позавидовал ему. Внезапно его тронул за локоть колонист с седыми волосами, высокий, прямой и улыбающийся.

— Я Кеннеди, — сказал он. — А вы Дейн Чандлер?

Чандлер удивленно поглядел на него.

The screaming native collapsed under the splintering blow.

— Да, — сказал он. — А вы тот человек, который должен был встретить меня?

— Совершенно верно. Рад видеть вас, Чандлер. Нам, на Хироне, нужны такие люди, как вы.

Сказав это, Кеннеди пошел в том же направлении, куда ушли братья Хорнади, и Чандлер последовал за ним.

— Я, помимо всего прочего, заведующий отделом переселенных лиц, — объяснил Кеннеди. — В мою специальность входит наблюдать, чтобы все вновь прибывшие были расселены и сориентированы. Так как вы еще никого не знаете на Хироне, я взял на себя смелость назначить вам соседа по комнате. Его зовут Джефф Берхард, он один из наших старейших колонистов — прибыл сюда со вторым кораблем шестнадцать лет назад, — и мне кажется, он сумеет помочь вам познакомиться со здешними порядками.

Они свернули на длинную, прямую улицу с небольшими домами по обе стороны хорошо мощеной дороги. Улицу окаймляли искривленные, миниатюрные деревья с красной листвой.

— Вы ведь бывший космонавт, не так ли?

— Так написано в моей заявке. Но я на пенсии. Я думал, что проведу в космосе всю свою жизнь — я не возражал иногда побыть один, — но не смог вынести постоянную пустоту и одиночество...

— Я вас понимаю, — сказал Кеннеди. — Я сам летал прежде к Юпитеру.

— Тогда вы все знаете. Два года назад я вышел на пенсию и вернулся на Землю, чтобы вести спокойную жизнь.

— Но вы недолго оставались на Земле, — заметил Кеннеди.

— Я не понравился тамошним жителям, а они не понравились мне. Так что это было взаимное чувство. Никому не нужен космонавт, который потратил полжизни вдали от главного потока событий. А проживать на Земле все равно, что жить в улье. Двадцать миллионов в одном городе, тридцать миллионов в другом, и при этом, кажется, я более-менее знал всего четырех человек. Жить в городе незнакомцев оказалось даже хуже, чем в космосе. Поэтому я прилетел сюда. Здесь небольшая, новая колония. И я надеюсь найти в ней свое место.

— Понятно, — сказал Кеннеди.

Дэйн Чандлер понадеялся, что ему действительно было понятно.

— Тогда Берхард самый подходящий для вас человек, — продолжал Кеннеди. — У него прекрасный характер. Он один из наших лучших людей.

— Я уже хочу поскорее познакомиться с ним, — сказал Чандлер. — Эй... А это что?

На улице им навстречу, смеясь и плача одновременно, шел нелепо высокий, белый, как мел, человекоподобный инопланетянин с длинными, скрюченными руками и какой-то хрупкой фигурой. Увидев Чандлера, он захлопал в ладоши и разразился хохотом, потом ринулся дальше по улице.

— Это один из местных жителей — химериан.

— Он пьян или просто глуп?

— Этот туземец такой же трезвый, как и вы, — нахмурившись, сказал Кеннеди. — Он безумен, только и всего. Как и все они. Это планета полна сумасшедших.

ЧАНДЛЕР ПОКОПАЛСЯ в памяти, пытаясь вспомнить, знали ли он что об уроженцах Хирона. Но было столько миров и столько инопланетян, что он сдался.

— Сумасшедший? Но почему?

— Никто не знает. Они вели Кочевой образ жизни, а когда мы появились здесь, то некоторые из них решили бродить вокруг колонии. Остальные же куда-то исчезли, и мы больше их не видели. — Наконец, они остановились, и Кеннеди указал на аккуратный дом с тремя комнатами. — Я выбрал для вас этот. Думаю, он вам понравится. Берхард может ответить на любые вопросы, которые у вас возникнут. Или вы всегда можете пойти ко мне, если появятся какие-нибудь проблемы. Все знают, где я живу — просто спросите любого.

Они вошли в дом. Берхард сидел, удобно вытянув ноги на мягком диванчике, и читал. Когда они вошли, он выключил проектор и поднялся, чтобы познакомиться с Чандлером.

— Я Джефф Берхард, — дружелюбно сказал он. — А вы Дэйн Чандлер, верно?

Чандлер кивнул. Берхард был почти так же высок, как и он сам — около двух метров ростом — и, очевидно, в юности был очень сильным человеком. Теперь часть мышц превратилась в жир, но он все еще, казалось, поддерживал хорошую форму. Чандлер решил, что на вид ему лет шестьдесят, отметив при этом, что волосы Берхарда преждевременно поседели.

— Рад познакомиться с вами, Чандлер. Добро пожаловать на Хирон и все такое прочее. Кеннеди, вероятно, уже оценил вас и одобрил к этому времени. Он на такое способен.

— Ну, вот вы и познакомились, — улынувшись, сказал Кеннеди и ушел.

Покончив с формальностями, оба мужчины мгновение постояли, пристально оглядывая друг друга. Чандлер решил ничего не говорить, пока не начнет Берхард. Наконец, тот снова опустился на диван и принял свободную позу.

— Вы знаете кого-либо в колонии, Чандлер? Я имею в виду, есть ли у вас здесь какие-нибудь друзья?

— Нет никого, — ответил Чандлер. — Да и нигде у меня нет друзей, о которых стоило бы упомянуть.

Берхард слегка улыбнулся, и Чандлеру показалось, что в этой улыбке сквозила жалость.

— Я имел в виду вовсе не то, — резко сказал он. — Просто у меня никогда не находилось времени, чтобы с кем-нибудь подружиться. Я всегда был один в космосе, кроме тех случаев, когда жил на Земле, а вы знаете, что такое жизнь на Земле.

— Семь миллиардов человек на планете, пригодной для трех. Конечно, я знаю. Но здесь нас всего лишь несколько тысяч. Что вы умеете делать? — спросил вдруг Берхард. — Я здесь один из организаторов работ.

— Я думаю попытаться работать строителем. Я хочу помогать строить колонию Хирона. — Он откинулся на спинку дивана, тоже вытянул ноги и приложил все усилия, чтобы на лице появилась восторженная улыбка.

Бернхард нашел ему работу в строительном проекте, и Чандлер добросовестно попытался подружиться с людьми, с которыми вместе работал, но это было бесполезно. У Дейна Чандлера возникло то же самое чувство, что и в космосе, — что между ними стоит стена, которой он отделен от остальной части мира и сближения с любым человеком на новой планете. Даже Бернхард заметил это и как-то сказал напрямик.

— Я не могу понять вас, — сказал он однажды ночью в Казино Развлечений. — Я прожил с вами три недели, но вы для меня все еще почти что незнакомец.

ЧАНДЛЕР ПОТЯГИВАЛ свой напиток и ничего не говорил.

— Например, — продолжал Бернхард, — вы пошли работать в космосе. Но вы так и не рассказали мне, где летали или где служили. Вы были одиноки, об этом вы упомянули, но весьма неопределенно. Что значит одиноки? Разве вы не задерживались в портах достаточно долго, чтобы познакомиться с женщинами...

— Перестаньте, — сказал Чандлер.

Берхард заказал себе еще одну порцию.

— Нет, мне кажется, это важно. В самом деле, почему вы оставили работу в пространстве?

— Космическая усталость, — сказал Чандлер. — Слишком много одиноких полетов.

— Понятно, — протянул Бернхард. — Вы можете подумать, что я просто любопытствую...

— Я так и подумал.

— Но я стараюсь вам помочь.

— Спасибо, — сказал Чандлер.

Он допил стакан и откинулся на спинку стула. Казино было заполнено смеющимися колонистами, и среди них, точно белые нити, пересекающие черную материю, шлялись несколько туземцев, аляповато одетых и дико выглядящих.

— Почему вы так и не познакомились с людьми, с которыми работаете, Чандлер? — настойчиво продолжал Берхард. — Могу держать пари, что вы даже не знаете их по именам. Не так ли?

Внезапно Чандлер почувствовал ненависть к Берхарду.

— Так. Я совершенно прав, — сказал Берхард. — Они для вас не люди, а просто лица. Мне кажется, именно в этом ваша проблема: вы слишком долго прожили вдали от людей, поэтому не умеете с ними общаться. Если бы вы не были все время так замкнуты, то могли бы... — Берхард внезапно прервал себя. — Поосторожней, ты, неуклюжий идиот!

К столику подошел туземец и, бесцельно махая руками в воздухе, перевернул стакан Берхарда, облив ему колени. Придя в бешенство, Берхард поднялся и одним быстрым движением уложил на пол высокую, тощую фигуру. В баре тут же немедленно стих смех, и сотни пар глаз повернулись к нему.

— Я слишком долго терпел вас, идиотов! — изо всех сил заорал Берхард. — Почему вы так и не научились избегать нас?

Он уставился на химерианина, который лежал на полу и облизывал языком губы.

Чувствуя, как в Берхарде все сильнее нарастает гнев, Чандлер встал рядом с ним, чтобы попытаться воспрепятствовать возможному взрыву.

— Сядьте, Джефф. Это бедная скотина не нарочно опрокинула ваш стакан.

— Заткнитесь, — рявкнул Берхард. — Они уже не первый раз проделывают это. — Он схватил химерианина за лацканы и поднял его с пола, голова туземца почти на тридцать сантиметров возвышалась над Берхардом. — Вы изо всех сил стараетесь разозлить меня, верно? — заорал Берхард.

— Отпустите его, Джефф, — сказал Чандлер.

— Ну ладно, я его отпущу!

И Берхард швырнул туземца через зал, тот врезался в стол и замер, сжавшись в узел, на полу, в то время как бутылки и стаканы каскадом полетели вниз, разбиваясь со звоном.

Чандлер замахнулся и ударил Берхарда по лицу. Берхард тоже упал на пол, из уголка его рта потекла струйка крови.

Спасибо, сказал кто-то.

— Всегда рад помочь, — машинально ответил Чандлер.

Но тут же он понял, что никто не нарушал тишину, окутавшую зал казино.

Спасибо. Наконец-то нас кто-то защитил от него.

Чандлер медленно повернулся, уже понимая, кто это говорит, и вопросительно посмотрел на гротескного инопланетянина. Инопланетянин поглядел на него в ответ и спокойно кивнул.

— Это ведь была телепатия, не так ли? — спросил Чандлер, когда, наконец, дотащил похожего больше на труп инопланетянина в свою комнату и бросил на диван.

Берхард холодно смотрел, как Чандлер берет хиронианина и утачивает его, но не сказал ни слова.

Хиронианина звали Оран, и был он наполовину пьян, а наполовину безумен. Он пускал слюни, смеялся, плакал и ругался, но постепенно начал утихать.

Да, это действительно телепатия, раздался в голове Чандлера тихий голос.

— Значит, я был прав, — сказал Чандлер.

Инопланетянин засмеялся. Чандлер внимательно разглядывал его нелепую фигуру, похожую, скорее, на клоуна, больше двух метров высотой, которая растянулась на диване и медленно подергивала всеми конечностями поочередно.

— Ваши люди считают мой народ сумасшедшим, — медленно, вслух сказал инопланетянин. — Но сумасшедшие — это *вы*. Ваш народ уничтожил мой народ, — без всякого выражения добавил он.

— Как это так?

— От вас постоянно исходит затаенное чувство ненависти. Наша единственная вина была в том, что мы видим ее.

Инопланетянин закрыл глаза и свернулся клубком, как эмбрион. Чандлер терпеливо ждал и, наконец, инопланетянин выпрямился.

— В те годы я не мог мыслить так логично, — продолжал хиронианин. — Мой народ — а почему вы излучаете такое любопытство? — мой народ жил здесь прежде, чем пришли вы и начали строить колонию. Мы никогда не разговаривали вслух — только мысленно, как сделал я, когда поблагодарил вас. Но вы пришли и уничтожили нас. Мы изучили ваши мысли, ничем не могли помочь им — и наши умы были взорваны ужасом ненависти, которую мы увидели в вас. Мы сошли с ума.

Чандлер опустился на стул. Хиронианин задергал ногами, пытаясь встать и уйти, но Чандлер сконцентрировал на нем свои мысли, и это помогло. Инопланетянин успокоился.

— Вы первый, кто узнал, что у нас есть чувство *сорн*. Мы жили в тесном ментальном сообществе, зная и разделяя мысли и эмоции

каждого его члена. И когда первые земляне приземлились на нашей планете и вышли приветствовать нас, мы, как обычно, расширили на них наше сознание, заглянули внутрь, и угодили в бездну грязи, лежащую на дне их умов. Но я говорю слишком много. Позвольте мне уйти, пожалуйста.

Инопланетянин снова с трудом принял сидячее положение.

— Подождите, Оран, — мысленно велел Чандлер.

— Вы слишком сильны для меня, — вслух сказал инопланетянин. Я чувствую давление вашего сознания на мое, а я недостаточно силен, чтобы сопротивляться. Все земляне подобны вам.

— Это правда — то, что произошло с вашим народом?

— Я не землянин, Чандлер. Я могу говорить только правду.

— И все они... Все были уничтожены?

Оран заколебался.

— Так да или нет? — настойчиво спросил Чандлер.

— Нет, — ответил Оран. — Некоторые бежали в пустыню и спрятались там. Ни один землянин никогда не узнает, где именно.

Внезапно инопланетянин побледнел и стал почти что ярко-белого цвета. Чандлер понял, что хиронианин принял его мысли даже раньше, чем они вышли из подсознания.

— Нет. Я не могу отвести вас туда. Не могу!

Оран отвернулся и судорожно зарыдал. Чандлер принялся расхаживать взад-вперед по комнате, а в голове начала медленно складываться картина — картина, которую, как он уже понял, инопланетянин принял задолго до того, как она заняла свое место в более грубом и незрелом уме землянина.

Во-первых: телепатия существует.

Во-вторых: туземцы неспособны выносить близость грязных, с их точки зрения, сознаний землян.

В-третьих: владеющий телепатией Дейн Чандлер наконец-то больше не будет избегать своих собратьев.

В-четвертых: если...

Мне очень жаль, что вы не оставили меня лежать на полу казино. Да, вы все поняли правильно. Люди тоже могут владеть телепатией.

Чандлер резко остановился, когда мысли инопланетянина появились у него в голове. Заключительная деталь мозаики аккуратно встала на место. Он повернулся лицом к несчастному, рыдающему хиронианину.

Вы отведете меня к прячущимся хиронианам, Оран, мысленно сказал Чандлер.

Самым сильным желанием Чандлера было сейчас уйти и жить среди другого народа, который обладал той же способностью, что и он сам. Решение было принято. И он постепенно все сильнее давил своим сознанием на беспомощное, уже ослабленное сознание инопланетянина.

Вы отведете меня туда, Оран.

Это был не вопрос, а команда.

— Вас, землян, никогда невозможно ни в чем убедить, — после долгой тишины ответил вслух Оран. — Вы уничтожили замечательную цивилизацию, а теперь идете, чтобы уничтожить ее остатки. Ладно. Я не могу защититься от ваших мыслей. Я приведу вас к своим людям. Вы заставили меня предать свою расу. Хорошо, Чандлер: собирайте вещи и идем... *землянин!*

Последнее слово Оран произнес мысленно, словно плевок, который ворвался в сознание Чандлера. Чандлер мрачно поглядел на Орана и попытался мысленно попросить у него прощения.

ХИРОНИАНСКАЯ ПУСТЫНЯ была широкой, плоской, с густыми зарослями растительности, задерживающий дюны. Оран установил беспощадный темп похода по желтым пескам, идущий за ним Чандлер шагал, ничего не говоря и пытаясь не думать. Высокая фигура инопланетянина постоянно качалась перед ним. Чандлер содрогался от мысли, что уничтожил последние остатки чувства собственного достоинства хиронианина, но он видел, что наконец-то приближается к концу своих утомительных поисков.

Вокруг, насколько видел глаз, расстилалась монотонная пустыня. Она везде была совершенно одинаковой, не считая темного участка далеко позади, который отмечал ее конец и начало зеленого края, где была расположена колония.

Когда сумерки — странные, фиолетовые сумерки Хирона пали на пустыню, Чандлер понял, что инопланетянин легко может водить его кругами, ожидая того времени, когда закончатся запасы продовольствия.

— Оран, мы идем в правильном направлении? — спросил он, нарушая тишину, которая висела над ними в течение почти двенадцать часов.

Да, землянин, появился в его голове язвительный ответ.

Ужаленный этим упреком, Чандлер отвел взгляд и начал молча разбивать лагерь на ночь. Поев, они улеглись и стали ждать ночи.

Долгие часы Чандлер лежал с открытыми глазами и мечтал о тайном городе где-то впереди, и планировал свою дальнейшую

жизнь. Оран, лежащий рядом с ним, казалось, был погружен в глубокий сон.

Наконец, Чандлер все же уснул. Сквозь сон ему показалось, что не прошло и минуты, когда он проснулся от дикого смеха.

Ему потребовалась пара секунд, чтобы сбросить с себя дремоту. Затем он устался в темноту и увидел фигуру Орана, уносящуюся в ночную темноту Хирона.

Оран, телепатически закричал Чандлер. Вернитесь!

Но инопланетянин продолжал бежать. Чандлер беспомощно глядел ему вслед. Бесплезно было пытаться преследовать этого длинноногого инопланетянина.

Я не могу встретиться со своим народом. Эта внезапная мысль достигла Чандлера, словно крик, несущийся по ветру. Оран продолжал бежать, пока не скрылся за завесой тьмы. Чандлер стоял, какое-то время пристально глядя в ночь, затем сел на песок и принялся ждать рассвета.

Когда утром на небо полез Процион, Чандлер уже обдумал свое положение. Где-то впереди был скрытый город хирониан. Позади лежала колония землян. Чандлер решил, что должен рискнуть, и отправился дальше в пустыню.

Он шел наугад по пескам, где не было ни дорог, ни тропинок и думал только о лежащем где-то впереди неизвестном месте назначения. Солнце все выше и выше поднималось на небо, и Чандлер все сильнее проклинал Орана, поскольку становилось все жарче. Частенько он оборачивался, чтобы убедиться, что земную колонию все еще видно позади. Он боялся потерять направление и блуждать много дней лишь за тем, чтобы, как идиот, вернуться к колонии, ничего не найдя.

Большая зеленая птица соскользнула с куста, точно с трамплина, и, издавая сердитые, пронзительные крики, полетела в направлении солнца. Чандлер шел весь день, иногда останавливаясь, чтобы высыпать из ботинок песок.

В сотый раз он обернулся, чтобы поглядеть на колонию землян, казавшуюся теперь крохотным пятнышком на горизонте, затем двинулся дальше. Солнце немилосердно палило, по спине текли струйки пота. В поле зрения не появлялось ничего, кроме овальных дюн и низких кустов. Тишина была ему по ушам.

Чандлер почувствовал, что Оран обманул его и, в конце концов, оставил умирать в пустыне. Ну, теперь Чандлер уже не мог вернуться, поэтому он двинулся дальше.

Стоп. Дальше ни шагу. Остановись и возвращайся.

Эти мысли ударили его по лбу, точно дубинка, и внезапно ноги Чандлера ослабели от страха.

– Кто это сказал? – громко произнес он вслух.

Затем провел рукой по лбу, смахивая пот, и услышал возникший в своей голове ответ.

Не ходите дальше, Дейн Чандлер. Мы не можем выносить ваше присутствие.

– Кто вы? – спросил Чандлер.

Не притворяйтесь, Чандлер. Вы прекрасно знаете, кто мы. Мы знали о вас с самого начала, как только вы встретились с Ораном.

– Тогда вы знаете, чего я хочу, не так ли?

Чувство сорн не для землян, Чандлер. Возвращайтесь и носите свою скорбь самостоятельно.

– Это решать мне самому, – заявил Чандлер.

Он осторожно шагнул вперед. Никакого сопротивления не было. Слабое подозрение появилось у него в голове.

Да, тут же последовало подтверждение. Мы не можем воспрепятствовать вашему приближению. Мы просто просим, чтобы вы, как цивилизованное существо, вернулись и избавили нас от своих мыслей.

Чандлер, шаг за шагом, продолжал идти вперед. Он чувствовал, как мысленный голос инопланетян становился все более отчаянным.

– Вы знаете, чего я хочу, – повторил он.

Вы действительно хотите, чтобы мы помогли вам развить телепатические способности, Чандлер? Вы действительно хотите суметь проникнуть в свой собственный разум? Мы уже видели ваши мысли. И мы знаем то, что лежит под поверхностью вашего сознания.

Чандлер устался на блестящий под солнцем песок.

– Да, я хочу именно этого. И я мирно покину вас, когда вы сделаете то, чего я хочу.

Он сделал еще один шаг вперед.

У нас нет выбора, раздался в его голове тихий голос, и в нем звучала боль. Мы не можем выносить близость вашего сознания. Мы научим вас понять ваши скрытые, непознаваемые способности, а затем вы оставите нас в покое.

Чандлер почувствовал, что дрожит.

– Я готов, – сказал он.

Тогда откройте нам ваше сознание.

Чандлер расслабился, прикрыв глаза, и впустил в свою голову поток их мыслей, чувствуя, как они вздымаются и опадают в астроп-

номической симфонии прекрасной гармонии. Сознания инопланетян окутали его, исследовали его разум, разбили его на части. Чандлер упал на колени в песок.

И внезапно новое восприятие распахнулось перед ним, словно порыв ветра раздвинул занавески на его глазах. Их разум открылся для него.

Это был один большой разум, состоявший из отдельных участников, смешанных и слившихся, формирующих единство. На Чандлера нахлынул, заставив его затаить дыхание, настоящий смысл этого единения.

Затем все закончилось. Закончилось так же внезапно, как и началась. Их разум закрылся для него.

Мы сдержали свое обещание, Чандлер. А теперь возвращайтесь и живите со своими братьями.

— Разве я не могу остаться здесь, с вами? — спросил, наконец, Чандлер.

Это уничтожило бы нас. У вас теперь есть ихват, которого вы хотели. Уходите.

Чандлер кивнул невидимым инопланетянам, прячущимся где-то впереди в пустыне. Ему пришла в голову мысль о колонии и об ее населении.

— Вы правы. Я ухожу.

В голове его пульсировала боль, когда Чандлер развернулся и пустился в обратный путь. Пятнышко, каким теперь казалась колония землян, было скрыто тенью второй половины дня, но Чандлер даже на таком расстоянии чувствовал сознание землян, и хотел поскорее пройти пустыню, чтобы присоединиться к ним и предложить им подарок, который нес в себе.

Пока он приближался к колонии, неопределенное беспокойство появилось у него в голове, оно росло медленно, пока не превратилось в страх. Колония внезапно возникла перед ним, и Чандлер шагнул к ней, собирая в кулак всю свою смелость.

ПЕРВЫМ, С КЕМ он столкнулся, был Кеннеди, седой начальник отдела перемещенных лиц. Увидев Чандлера, Кеннеди улыбнулся и помахал рукой. Чандлер, как мог, сдерживал свои новые способности, ожидая подходящего момента, чтобы выпустить их наружу.

— Я искал вас, Дейн, — сказал Кеннеди. — Джефф Берхард рассказал мне, что у вас произошла какая-то стычка, я все хочу все уладить, если смогу. Нам не нужны разногласия в этом мире. Мы пытаемся здесь избегать всяческих неприятности, Дейн.

Чандлер изо всех сил пытался сдержать свое сознание замороженным.

– Я отсутствовал, – сказал он, игнорируя слова Кеннеди. – Со мной кое-что произошло.

Затем он разжал свою хватку и открыл сознание, окутав Кеннеди и все другие разумы, оказавшиеся в пределах его досягаемости. Наступил миг единения, затем Чандлер упал на землю, корчась в муках.

– Что случилось?

Кеннеди торопливо нагнулся над ним, чтобы смотреть. Чандлер уткнулся лицом в землю и прикрыл руками затылок, чтобы закрыть мысли, врывающиеся в его голову. Кеннеди осторожно обнял Чандлера за плечи и поднял на ноги, словно тот был ребенком.

Чандлер взгляделся в глубь разума Кеннеди, и позволил собственному уму увидеть сквозь окна-глаза окружающих их мысли и стремления. Затем он завопил, вырвался из рук Кеннеди и бросился в пустыню.

Отбежав достаточно далеко от колонии, Чандлер бросился ничком на дюну и попытался взять себя в руки.

Сознание Кеннеди походило на помойную яму, полную червей. На поверхности Кеннеди был уважаемым членом общества, лидером, справедливым и честным человеком. Но под тонкой коркой этих достоинств лежало гнездо ненависти, страхов, воспоминаний о боли, искаженных желаний и стремлений, которые извивались, сплетаясь и сплетаясь, точно ядовитые гадюки, пытающиеся вырваться на свободу.

А ведь Кеннеди все считали хорошим человеком.

Только теперь Чандлер понял, каким его воспринимал Оран, и почему оставшиеся хирониане отступили в пустыню. Независимо от того, чем казались люди, в глубине их сознания лежало то, что нельзя рассматривать безопасно для себя.

И теперь Чандлер ясно увидел свою судьбу: он должен удалиться от человечества...

ВЫ САМИ этого захотели, – раздался у него в голове голос. – Чувство сорн было самым вашим большим желанием. Теперь вы довольны?

– Разрешите мне прийти жить с вами, – умоляюще воскликнул Чандлер. – Вы же сами сделали это со мной.

Но за все отвечаете вы. Вы так захотели, теперь живите с этим.

Чендлер схватил горсть песка и бросил его вверх.

Но, таким образом, я совершил величайшую ошибку в своей жизни! Теперь я ни человек, ни хиронианин. Разрешите мне прийти к вам.

Мы бы разрешили, если бы смогли, Чандлер, — ответил хиронианин. — Мы не мстительны. Но безопасность для нас важнее вашей судьбы. Ваше сознание несет нам смертельную угрозу.

Чандлер внезапно вскочил и, спотыкаясь, побрел в пустыню по направлению к скрытому городу.

Остановитесь.

— Нет!

Теперь, когда у вас есть чувство сорн, мы имеем над вами власть, которой не имели прежде. Мы просим вас не приближаться к нам. Вы несете чуму в наше сознание.

— Вы не сможете остановить меня! — крикнул Чандлер. — Вы не сумеете просто так взять и не позволить мне прийти к вам.

Теперь сумеем.

Эта мысль ударила у него в голове, точно молния, заставив Чандлера упасть на колени. Чувствуя, как кружится голова, он пытался противостоять ей, потерпел неудачу и упал на песок.

Теперь ваш разум открыт для нас. Мы можем стереть из него все, сделать его чистым листом и устранить опасность для своего существования.

— Нет, — пробормотал Чандлер.

Побежденный, он ошеломленно сидел, потирая лоб, потом медленно пополз обратно по песку. Мощный разум хирониан постепенно снижал давление, удалялся, пока Чандлер не остался совершенно один.

Он поднялся на ноги и некоторое время стоял в пустыне, мучительно размышляя. Хирониане отказались от него, вынесли его за стену и бросили одного. Они не могли и не хотели вступать с ним в какие-либо отношения.

А как быть с землянами?

Чандлер осторожно позволил своему разуму потянуться из пустыни к колонии и почувствовал лишь умеренное отвращение, но не ужас, произведенный близкими контактами. Тогда он принялся осторожно исследовать мысли землян, примерно так же, как мог бы исследовать пойманного скорпиона. Нет, и речи не могло идти ни о каком возвращении.

Всю ночь он провел в пустыне, исследуя колонию своим разумом, и, несмотря на все, в душе ликовал от своей способности проектировать себя на многие километры расстояния в сознание других людей. Пустота пустыни напевала ему песни.

Затем он ощутил незнакомый мысленный голос. Потом еще один. И еще два. Он рассмотрел их немного глубже и обнаружил, что это новые колонисты, прилетевшие на Хирон вместе с ним. Чандлер изучил их по отдельности. Молодая жена, фермер и его брат, и у всех в глубине их сознаний крылось мрачное гниение.

Чандлер получил самую большую власть, известную человеческому разуму. Но это навсегда отрезало его от Человечества. Сердито он зачерпнул горсть песка.

Возможно, подумал он, где-нибудь на Хироне и есть разум, которого я мог бы коснуться и не отскочить с ужасом и отвращением.

Должен быть такой разум, подумал он.

Нет ни единого, прибьш ответ. Да и быть не может.

Я думал, что вы больше не слушаете меня, мысленно сказал Чандлер. Я думал, что вы покинули меня.

Твоя мысль прорвалась сквозь наш барьер.

Есть такой разум, — сказал Чандлер. — Должен же быть кто-то, сознание которого я могу понять и вынести.

Тогда ищите его, заявили хирониане и удалились.

— Я буду жить в пустыне, — вслух сказал Чандлер и подумал о Земле с ее миллиардами населения, а также о пустоте космоса. — Один за другим я исследую их сознания, проникну в сокровенные мысли, и в то, что кроется еще глубже. Должен быть подходящий мне разум. Если не сейчас, то позже я все равно найду его.

Он расширил свое сознание, вошел в разум Джеффа Берхарда, отскочил, нашел разум фермера Хорнади и снова отскочил. Все это было не то.

Зачем краешком глаза Чандлер заметил, как кто-то идет к нему по пустыне, махая рукой. Это был Кеннеди. Чандлер отвернулся, игнорируя его, и пошел еще глубже в пустыню, чтобы нести свою одинокую, бессменную вахту. Он исследовал и отвергал, исследовал и отвергал, и так длилось бесконечно, пока он направлялся в самое сердце пустыни.

Когда-нибудь, где-нибудь он должен найти ответ. Чандлер знал, что будет искать его, пока жив.

Но до того времени Чандлер будет один-одинешенек со своей ужасающей способностью.

Более одинокий, чем когда-либо прежде.

The lunatic planet, (Amazing Stories, 1957 № 11), пер. Андрей Бурцев

PDC

IMAGINATION

SCIENCE FICTION

DECEMBER, 1957
35¢

**FUGITIVE
OF THE STARS**

by
Edmond Hamilton

СПАСАТЕЛЬНАЯ МИССИЯ

КОРАБЛЬ РИКА Мейсона был все еще высоко над Мордаргой и шел на посадку, когда в динамике прозвучал крик о помощи.

Рик нахмурился и потянулся к пульту управления, чтобы прибавить громкость... А затем понял, что голос доносится не из динамиков. Он раздавался у него в голове. *Помогите! Рик, они поймали меня!* В этом мысленном крике звучало отчаяние. Мейсон немедленно оценил ситуацию.

На помощь звал его партнер, Клон Дарр, венерианин – вторая половина телепатически связанной разведывательной команды Солнечной системы. Клон Дарр был в беде!

Мейсон сосредоточился и ответил: *Слышу тебя, Клон Дарр. Что случилось?*

Ответ был неясным и спутанным, словно венерианин передавал свои мысли с большим напряжением.

Я приземлился по графику. И тут же попал в руки... правителя. Я в тюрьме. Они хотят пытать меня!

Мейсон изо всех сил пытался управлять посадкой своего корабля, при этом не теряя исчезающей телепатический голос венерианина.

Продолжай, Клон Дарр. Я слышу тебя.

Они хотят подвергнуть меня пыткам. Помогите мне, Мейсон. На помощь!

Где ты? – спросил Мейсон.

В темнице главного дворца, в Мордарга-Сити. Поспеши, Рик. У меня мало времени!

Мейсон включил передний видеозэкран, и пятнистая серо-голубая поверхность Мордарги появилась во всей красе. Планета Мордарга было одной из потенциальных горячих точек Вселенной. Поэтому правительство Солнечной системы и послало туда команду своих разведчиков.

Но они планировали неторопливую, подробную разведку планеты, намереваясь вернуться на главную базу с полным отчетом о слабых местах Мордарги и ее будущих милитаристских планах. Теперь все должно быть изменено. Клон Дарр должен быть немедленно спасен. Мордаргиане, вероятно, к настоящему времени уже поняли, что Солнечная система раскрыла их воинственные планы.

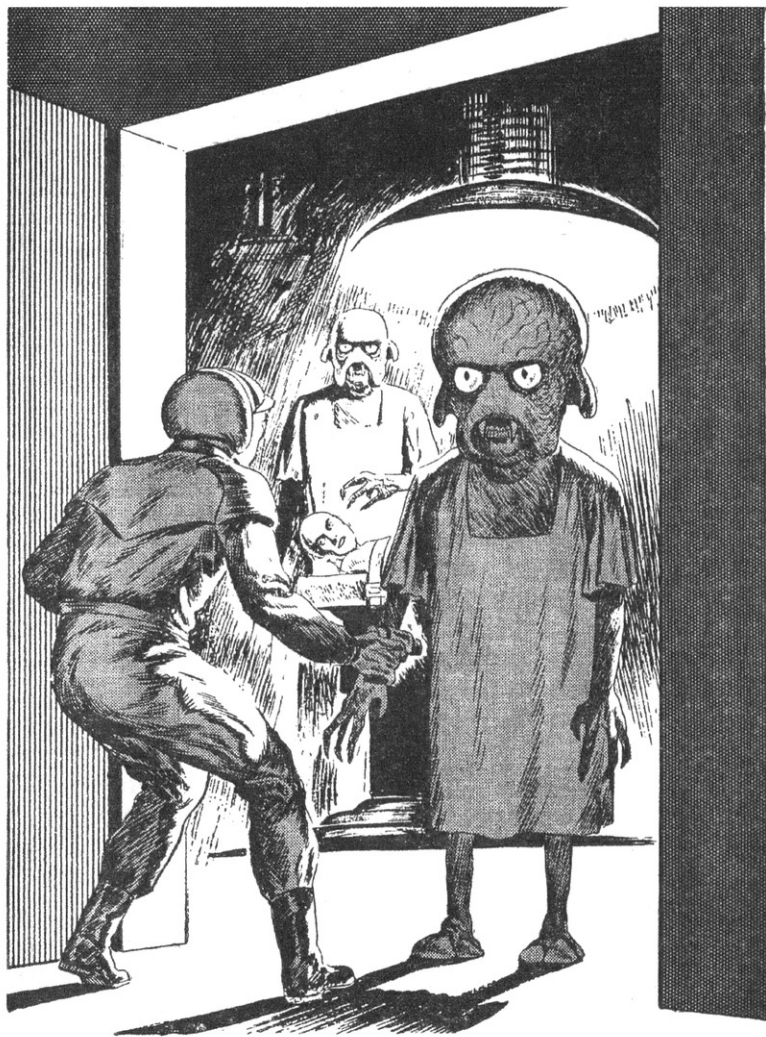
Рик повел корабль по посадочной орбите. Крошечное двухместное суденышко резко пошло вниз, пока его умелые пальцы бежали по пульту управления. На экране планета Мордарга росла на глазах.

RESCUE MISSION

by

Robert Silverberg

Snaring both Earthmen in a mind-web was easy for the mutant telepath. But once you've caught your prey—how do you get rid of them?

МОРДАРГА НАХОДИЛАСЬ в системе Сириуса, большая, ужасная планета, населенная крупными, уродливыми гуманоидами. Мейсон приземлился в пустынном месте на северном континенте планеты, в узкой долине между двумя высокими горами.

Вокруг один угловатые деревья с синими листьями, воздух был наполнен голосами и шепотками дикой инопланетной природы. Мейсон пристегнул к поясу комплект безопасности и щелкнул выключателем. Аппаратура должна будет привести его обратно к кораблю. После этого он вышел наружу и ступил на почву чужой планеты.

Если его расчеты были верны, Мордарга-Сити лежала в трех километрах на западе. Мейсон сконцентрировал свои мысли, надеясь получить известия от венерианина, но Клон Дарр молчал.

Вдвоем они составляли хорошую команду, Мейсон и венерианин. Двое землян никогда не были бы такими эффективными при разведке чужих планет. У зеленокожего венерианина были особые способности, которые отсутствовали у Мейсона, и наоборот. Вместе они являлись почти идеальной разведывательной командой. Познание будущих намерений Мордарги было важно для безопасности Солнечной системы.

Внезапно в его голове прозвучал голос Клона Дарра.

Мейсон, ты уже приземлился?

Да. Я направляюсь к тебе. С тобой все в порядке?

Они все еще не знают, зачем я появился на Мордарге. Они схватили меня просто из подозрения. Если сможешь, то заberi меня отсюда, прежде чем они все узнают.

Я в трех километрах от Мордарга-Сити. Ты можешь продержаться еще полчаса? – спросил Мейсон.

Мгновение стояла тишина.

Наверное, могу, наконец, сказал венерианин. До сих пор они только пробовали простые пытки. Не детские, но со мной пока что все в порядке.

Мейсон усмехнулся. Порог боли у венерианина был фантастически высок. Мордаргиане могли подвергать пыткам Клона Дарра в течение многих дней, не получая от него никакой существенной информации. Однако существовали другие методы.

Они послали за телепатами, сказал Клон Дарр. Как только они проникнут в мой разум, то узнают, зачем мы здесь. Тогда мы оба пропали.

Не волнуйся ты так, протелепатировал ему Мейсон. Я скоро найду тебя.

Он уже видел разрозненные здания. Впереди лежала главная часть Мордарга-Сити, беспорядочно растянутая, запутанная, точно лабиринт. Мордаргиане, несмотря на опрятную точность их разума, мало заботились об архитектуре городов.

Мейсон уже видел отдельных мордаргиан – хриплых скотов под два метра ростом, с хорошей выправкой и здоровенными мускулами. У них была серая кожа, сверкающие белые глаза и острые, точно у хищников, клыки. Они также резко отличались от обычного образца гуманоидов парой толстых, коротких антенн, растущих у них на тяжелых, выдающихся лбах.

Эти антенны управляли дополнительными способностями мордаргиан – чувством равновесия, перспективы и расстояния. Это делало их смертельно опасными в рукопашной схватке.

Несколько мордаргиан посмотрели на него с подозрением, но без откровенного антагонизма. Земля и Мордарга, по крайней мере, теоретически, находились в состоянии мира, так что земляне жили на Мордарге, хоть и не были распространены, но, по крайней мере, не являлись совершенно неизвестными местным жителям.

Уткнув взгляд в землю, Мейсон быстро шел мимо мордаргиан. Они были неприветливой, непредсказуемой расой, и он не хотел сейчас с ними никаких проблем.

Вместо этого он попытался снова связаться с Клон Даррой.

Эй, венерианин! Как дела?

Телепат должен прибыть через час, Рик. Где ты сейчас?

В предместьях, вхожу в город. Я приду за тобой в нужное время.

Главный дворец уже можно было увидеть, он находился в центре города, на расстоянии около километра. Мейсон ускорил шаг. Он, конечно, появится вовремя, но очень уж впритирку.

Он хотел пройти между парой пьяных мордаргиан, которые, шатаясь, толкали друг друга на узкой улице. Внезапно один из них повернулся и сказал:

– Эй, ты, землянин. Иди сюда, землянин. Выпьешь с нами?

ОНИ ШАТАЛИСЬ, едва держась на ногах. Мейсон затаил дыхание. У него было очень мало времени, чтобы вовремя добраться до Клон Дарра. Мейсон прикинул скорость, с которой могли бежать мордаргиане, и подумал о том, сумеет ли обогнать их.

– Извините, – бросил он. – Я слишком занят, чтобы сейчас пить.

Он опустил голову и побежал. Мордаргиане что-то удивленно заворчали, а потом бросились следом за ним. Он услышал их тяжелые шаги по тротуару. И выругался. Вероятно, они просто хотели пообщаться, вот только сейчас у него не было на это времени.

– Эй, землянин! Ты быстро бегаешь, но у тебя слишком короткие ноги!

Мейсон оглянулся. Они уже практически догнали его. Впереди показалась путаница каких-то построек, и Мейсон притормозил, пытаясь понять, куда надо бежать.

Тут же чья-то грубая рука схватила его за загривок и заставила остановиться. Мейсон обернулся и принялся действовать, не вступая в разговор.

Его кулак врезался в живот ближайшего мордаргианина, и тот отлетел к своему товарищу. Мейсон снова ударил его, и он начал оседать. Его тяжелое тело грохнулось на тротуар.

Но второй мордаргианин был более трезвым. Он переступил через потерявшего сознание компаньона и обхватил могучими руками Мейсона вокруг пояса.

Землянин задохнулся, его лицо сделалось фиолетовым. Он изо всех сил молотил кулаками инопланетянина, но без толку.

– Ну как, землянин, достаточно?

– Вы задушите меня! Отпустите!

– Когда мордаргиане приглашают тебя выпить с ними, ты соглашаешься и пьешь!

Инопланетян еще сильнее стиснул объятия, и Мейсон почувствовал, как вселенная плывет у него перед глазами. Он почти ничего не видел, в глазах расплывались красные круги. У него не было никаких шансов против местного жителя, который весил, по крайней мере, килограммов сто пятьдесят.

Внезапно мордаргианин отпустил его. Мейсон сделал несколько неверных шагов, дыша очень часто и мелко. Медвежья хватка инопланетянина почти что прикончила его.

Здоровенный мордаргианин радостно захохотал.

– Землянин, ты даже не знаешь, насколько близко был сейчас от смерти!

– Ну, это-то я знаю! – ответил Мейсон, ощупывая свою грудь.

Во всяком случае, казалось, у него не было никаких сломанных костей. Но он впустую тратил бесценное время.

– Куда ты так спешишь, землянин?

– Я... У меня есть срочные дела, – сказал Мейсон.

Он понял бесполезность попытки снова убежать. В кармане у него был бластер, но вряд ли можно было расстрелять местного жителя на улице, прямо посреди белого дня.

– Я не могу остаться, – сказал Мейсон.

– Не можешь? Тогда мы поможем тебе.

МОРДАРГИАНСКИЙ эквивалент бара оказался длинным, слабо освещенным помещением с низким потолком. Атмосфера была насыщена странными парами алкоголя и какими-то другими, незнакомыми запахами. Мейсон увидел лежащих тут и там обессиленных мордаргиан, одни были уже без памяти, другие довольно сосали свои тубы.

Не было никакого способа убежать от упрямого инопланетянина, который притащил его сюда. Единственная надежда Мейсона состояла в том, чтобы побыстрее уйти, как только мордаргианин решит, что землянин достаточно насосался.

— Что будешь пить, землянин?

— Выбирайте сами, — сказал Мейсон. — Мне подойдет любая выпивка, если платить будете вы.

— Хватит болтовни. Начнем с *грууна*. Хорошо?

— Почему бы и нет?

— Два кубка *грууна*, — проревел инопланетянин.

Заказ тут же принесли. Кубки были наполнены темным, каким-то слизистым веществом, которое слабо шипело и испускало кисловатый аромат. Мейсон с несчастным видом уставился на свой кубок.

— Пей, землянин! — Мордаргианин схватил свой кубок здоровенный пальцами и поднес к зубастой пасти.

Он осушил его одним большим глотком. Мейсен, в душе содрогаясь, взял собственный кубок.

Он осторожно его попробовал. Содержимое кубка походило, скорее, на расплавленный уран, только вдвое мощнее. Оно прорезало ему кишки и приземлилось в желудке. Мейсон мельком подумал о том, уж не выпускает ли этот напиток альфа-частицы, настолько он был горячим.

Что только не приходится делать человеку ради Разведывательной службы Солнечной системы, подумал он.

Затем Мейсон подумал о том, что делают сейчас с венерианином. И его охватило нетерпение. Он должен уйти и добраться до темницы, прежде чем мордаргиане сумеют допросить Клона Дарра при помощи телепата.

Рик! Где ты? — Тут же возник в его голове тревожный телепатический вопрос. *Телепат прибыл. Скоро они начнут допрос...*

Я пытаюсь добраться до тебя, протелепатировал в ответ Мейсон. — *Но возникли затруднения. Держись, пока можешь.*

— Готов ко второму кубку, землянин? — весело спросил мордаргианин.

Мейсон содрогнулся.

— Только не этой штуки, — сказал он.

— Тянешь время, а? Допивай быстрее!

Мейсон покорно поднес кубок губам, сделал еще один маленький глоток и вздрогнул, когда ужасное вещество прокатилось по его пищеводу. Возможно, *грууна* было вроде шампанского для этих зловонных тварей, но совершенно не подходило землянам.

А в тюрьму уже прибыл в телепат. В ближайшее время мордаргиане все узнают и...

Он мельком глянул над краем кубка, глядя на здорового мордаргианина. *Грууна крепкий напиток*, подумал он. *Какой будет эффект, если выплеснуть бокал прямо в глаза мордаргианина?*

Попытаться стоило. Одним быстрым движением он опустил кубок, потом резко выплеснул его содержимое в лицо инопланетянина, вскочил и бросился к двери. Позади он услышал рев боли и гнева.

Внезапно дверь захлопнулась прямо перед его лицом.

Он не рассчитывал на это. Вероятно, бармен мог управлять дверью вручную из-за стойки, и в тот момент, когда Мейсон побежал, он что-то там нажал, и дверь закрылась.

Мейсон развернулся. Инопланетянин с топотом бежал к нему, вытирая глаза и ревя от гнева. Мейсон сунул руку в карман за бластером, но достать не успел. Гигант врзался в него.

Мейсон храбро сопротивлялся, но мордаргианин был сантиметров на сорок выше него и килограммов на восемьдесят тяжелее, поэтому у Мейсона не было никаких шансов. Удары посыпались на его живот и грудь. Мейсон с трудом блокировал их, почти ничего не видя в полумраке бара.

Рик! Рик! Где ты? — раздался телепатический голос венерианина.

Но ответить он не мог. Могучие удары пробili его защиту, Мейсон развернулся, чтобы сохранить равновесие, и сложился пополам. Он еще успел услышать слова Клона Дарра: *Телепат идет ко мне*. Затем его голова врзалась в стену, и он потерял сознание. Последнее, что он слышал, это удивленный смех мордаргиан.

ОЧНУЛСЯ МЕЙСОН спустя много времени. Казалось, прошли часы, дни, недели, или даже несколько лет. Мейсон чувствовал себя высохшим, точно мумия.

Его голова болела, глаза не могли сфокусироваться, во рту был резкий, тошнотворный привкус *грууна*.

Но, кроме боли, кроме физических страданий, Мейсон чувствовал моральную боль от своей неудачи. Он был агентом Разведывательной службы Солнечной системы, членом самой гордой и самой жестокой организацией в Галактике... И не спас своего напарника.

К настоящему времени телепат, вероятно, уже пробился через психические барьеры Клона Дарра до его тайн и узнал, что есть еще разведчик, свободно передвигающийся по Мордаргу, что Земля подзревает эту планету во враждебных намерениях, а кроме того...

Все было закончено. Команду Клона Дарра и Рика Мейсона считали лучшей в разведке, но теперь они потерпели полный провал. Венерианин попал в ловушку прямо после приземления, а Мейсон не сумел спасти его. Вместо этого он где-то сейчас валяется — кстати, где именно? — страдая от похмелья и головной боли.

Мейсон огляделся. Он лежал в переулке и, судя по запахам, это был переулок на задворках бара. Вероятно, его просто выкинули сюда после того, как мордаргиане закончили с ним забавляться.

Высоко в небе сверкал яркий Сириус. Значит, было утро, даже, скорее всего, время подходило к полудню. К полудню следующего дня.

Мейсон? Ты меня слышишь?

Мягкий телепатический шепот встряхнул его, точно взрыв сверхновой. Мейсон уже не надеялся услышать голос венерианина.

Что там у тебя?

Я все еще в тюрьме, сказал венерианин. Сегодня днем меня будут снова допрашивать. Почему ты не пришел сюда вчера вечером?

Мейсон покраснел от стыда.

У меня были проблемы. Мне очень жаль, Клон Дарр. Чертовски жаль.

Сейчас нет времени виниться и каяться, послышалась мысль Клона Дарра. Рви со мной телепатическую связь и немедленно улетай с Мордарга.

И оставить тебя здесь?

Это уже не имеет значения. Они знают, что ты здесь, Рик. Улетай немедленно, пока еще можешь. Они разослали приказ найти тебя и привезти сюда. Улетай же!

Мейсон упрямо покачал головой, хотя прекрасно знал, что венерианин не мог видеть этот жест. Затем поднялся на ноги, прислонился к стене и потер пульсирующий болью лоб. *Я не оставлю тебя здесь, Клон Дарр. Я буду через час. И на этот раз действительно буду.*

Он пошел по переулку, неуверенно держась за стену, чтобы удержаться на ногах.

Силы постепенно возвращались к нему. И у него была цель.

Вчера вечером он оказался слишком неуклюж, теперь же должен наверстать упущенное.

ГЛАВНЫЙ ДВОРЕЦ был высоким, каким-то кривым зданием, построенным из крупнозернистого камня, похожего на гранит. Солнечные косы ударили в плиты, которые странно искрились. Рик Мейсон остановился у этого здания и связался с венерианином.

Клон Дарр?

Да?

Я уже стою у дворца.

Мне казалось, я велел тебе немедленно покинуть Мордаргу.

К черту все это, нетерпеливо протелепатировал Мейсон. Я уже здесь. Веди меня.

Хорошо. Я нахожусь в камере на третьем уровне дворца. Если сумеешь добраться туда, я направлю тебя точнее.

Охранник мордаргианин, держа нос по ветру, стоял у главной аллеи, ведущей к дворцу. Мейсон прошел мимо него, подобострастно кивнув, и продолжил идти. Охранник даже не потрудился обратить на него внимание.

Да он и не должен быть. Он был просто внешней декорацией дворца. Но охранник за внутренней стены подозрительно нахмурился и спросил:

– Куда ты идешь, землянин?

– Внутрь, – пьяным голосом заявил Мейсон. – Я хочу посмотреть дворец.

– А у тебя есть пропуск?

– Конечно. Он уже у меня в руке.

Миниатюрный бластер в его ладони изрыгнул молниеносный лучик энергии, устремившийся к громоздкому мордаргианину. Мейсон метнулся вперед, подхватил охранника, когда он уже начал падать, и осторожно посадил его на скамью.

Глаза инопланетянина остекленели. Выстрел был смертельным.

– Подожди меня здесь, никуда не уходи, – сказал Мейсон мертвому мордаргианину. – Я быстренько.

Он поднялся по широким каменным ступеням дворцовой лестницы, оказался в пустом коридоре и бросился к внутренней лестнице. Никто не остановил его, когда он побежал по этой винтовой лестнице вниз, в глубину дворца.

Оказавшись на третьем нижнем уровне, он послал пленному венерианину еще одну телепатическую мысль.

Я здесь, Клон Дарра!

Ты сумасшедший ублюдок, но я рад, что ты пришел, – услышал Мейсон в ответ. Пройди по левому коридору метров сто и сверни направо. Там есть ниша и лесенка, спускающаяся еще метра на четыре. Я нахожусь в помещении у основания этой лесенки. Тебе все понятно?

Можешь держать пари. Буду у тебя во мгновение ока – и мы пулей вылетим отсюда.

Следуя инструкциям венерианина, Мейсон на цыпочках прошел по странно тихому коридору, ища нишу и лесенку.

Он их нашел.

Охранника у двери не было. Взяв наизготовку бластер, Мейсон спокойно спустился по лесенке и нащупал ручку двери.

Когда он уже открывал дверь, в его голове завопил телепатический голос венерианина:

Назад, это ловушка!

Но было слишком поздно. На Мейсона накатила чья-то недобрая сила, и он застыл, как замороженный.

В КОМНАТЕ НАХОДИЛОСЬ трое. Одним из них был Клон Дарра, лежащий на столе, с руками и ногами, пристегнутыми металлическими обручами.

Двое других были мордаргиане. Один высокий, с жестокой внешностью и яркими белесыми глазами, властно сияющими на его сером лице. Другой же был маленький – не выше землянина – с непропорционально большой, гротескно раздутой головой. Кожа на голове было голубого, а не обычно серого цвета, покрытая выступающими, пульсирующими венами. Это и был телепат. Телепат неотрывно глядел на Мейсона, сковывая его движения.

– Вот теперь у нас оба шпиона, – грохочущим голосом заявил крупный мордаргианин. – Отличная работа, Сенибро. В самом деле, все очень хорошо сделано.

Мейсон изо всех сил пытался шевельнуться, хотя бы поднять бластер, который все еще держал в руке. Но, несмотря на его усилия, от которых по лицу градом покатился пот, не мог шевельнуть ни единой мышцей, а стоял, застывший, словно статую.

Крупный мордаргианин подошел и небрежно вынул из его руки бластер, а затем обыскал в поисках другого оружия. Мейсон бесильно впился в него взглядом.

– Отлично, – сказал здоровенный мордаргианин телепату. – Можешь теперь его отпустить. Он безоружен.

Мейсон пошатнулся и чуть было не упал, когда телепат отпустил его.

– Что тут происходит, черт побери? – сказал он. – Кто вы такие и по какому праву держите здесь в заключении гражданина Солнечной системы?

Здоровенный мордаргианин усмехнулся.

– Меня зовут Леврон Кларго. Вы должны знать меня, я – глава безопасности Мордарга-Сити. Я задержал этого венирианина, а также и вас, властью, данной мне правительством. Венерианина арестовали по подозрению в шпионаже два дня назад. Мы допросили его и узнали, что у него на Мордарге есть напарник. Было гораздо проще хитростью заставить вас прийти сюда самому, чем отправиться на поиски.

– Хитростью? Но...

Леврон Кларго холодно улыбнулся.

– Мы завладели разумом вашего помощника-венерианина, когда Сенибро допросил его вчера вечером.

Мейсон был ошеломлен. Сегодняшнее сообщение от Клон Дарра, его самоотверженная просьба, которую Мейсон, разумеется, проигнорировал...

И все это обман. Уловка. Ловушка.

Они использовали тонкий психологический прием, сыграв на характере землянина и зная, что, если ему сказали улетать, то он непременно сначала попытается спасти своего напарника.

И теперь у них в лапах были оба разведчика. Мейсон почувствовал себя четырежды идиотом.

– Сенибро, теперь мы можем допросить их обоих. Но будь очень осторожен. Я хочу изучить механизм телепатической связи между ними. Это было бы очень полезно знать.

Мейсон напрягся, когда мутант-телепат подошел к нему. Он отвел взгляд, избегая проникающих глаз Сенибра. Поглядел на лежащего на столе Клон Дарра – Клон Дарра, разум которого, вероятно, беспомощно наблюдал, как эта парочка заманивает в ловушку Мейсона.

– Погляди на меня, – велел телепат.

У Мейсона в голове возник план действий. Он решил броситься на телепата и убить его, если получится. Леврон Кларго, разумеется, убьет его потом, но это уже не имело значения. Мейсон понял, что, если инопланетяне изучат тайну телепатической связи, это будет иметь катастрофические последствия для Земли.

– Глади мне в глаза, – велел инопланетянин.

Мейсон подготовился к броску.

Не делай этого, прошептал у него в голове голос Клон Дарра.

Это ты, Клон?

Да. Мутант расслабился и отпустил меня. Не бросайся на него, как ты собираешься сделать. Пусть он начнет исследовать тебя.

Зачем? – спросил Мейсон.

Он был полон подозрений: телепатический голос Клон Дарра уже однажды одурачил его.

Два связанных между собой разума сильнее, чем один, Рик. А мы связаны.

Мейсон все понял. Он медленно поднял голову и уставился в гипнотические глаза инопланетянина-телепата.

Он почувствовал, как разум телепата начинает проникать ему в голову. Станные усики-мысли зашевелились в его черепе. Он задержал дыхание, ожидая и теперь понимая, что Клон Дарра сказал правду.

– Нашел что-нибудь? – спросил глава безопасности.

– Еще немного, – ответил телепат. – Он все еще немного сопротивляется. Я...

И тут Мейсон нанес удар.

Его разум, поддержанный силой Клон Дарра, злобно набросился на разум мутанта. Телепатический кулак нанес удар по барьеру телепата. Мордаргианин отшатнулся, взмахнув руками.

Бей его снова! Торжествующе протелепортировал Мейсон Клон Дарру, и венерианин ответил.

Вдвоем они напали на разум телепата.

– Что происходит, Сенибро? – спросил глава безопасности.

– Я... Я... – пробормотал телепат.

Затем он зашатался, теряя равновесие.

Агенты Солнечной системы нанесли ему еще один, заключительный телепатический удар, сжигая чувствительный разум мутанта.

– Сенибро! Сенибро! – взревел глава безопасности, и его рука метнулась к бластеру.

Но Мейсон легко блокировал его неуклюжее движение. Скорость мысли бесконечна. Мейсон и венерианин, действуя совместно, легко остановили мордаргианина.

Бластер упал на пол.

– Обращайся с ним бережно, – вслух сказал Мейсон своему партнеру. – Он еще понадобится нам, чтобы выйти из дворца.

– Ты прав.

Они вдвоем сковали инопланетянина гимнастическими путами – он должен вывести их обоих из дворца. Затем Мейсон любопытства ради исследовал память мордаргианина.

Урожай оказался богатым. В голове главы безопасности хранились все секретные военные планы Мордарга. Мейсон старательно запомнил их.

Затем он расстегнул венерианина. Клон Дарра благодарно улыбнулся.

– Я боялся, что ты никогда не доберешься до меня, – сказал он.

– После того, как меня поймали, я думал, что с нами обоими покончено. Но мы одурачили их.

Мейсон кивнул.

– Мы по-прежнему отличная команда, Клон Дарра. Время от времени ведем себя немного небрежно, но кто будет возражать, пока мы приносим домой то, ради чего нас послали сюда. – И он повернулся к оцепенело стоящему мордаргианину. – Пошли, Леврон Кларго.

Когда корабль вылетел с Мордарга, они послали сообщение по субрадио.

Миссия завершена успешно!

Rescue mission, ((Imagination, 1957 № 12), пер. Андрей Бурцев

if

WORLDS OF
SCIENCE FICTION

DECEMBER 35 CENTS

IN THIS ISSUE! A thrilling new short novel by

ROBERT SILVERBERG

An unusual science-espionage story by

FRANK RILEY

И РУШАТСЯ СТЕНЫ...

НА СЦЕНЕ «Трансконтинентального Телевидео» за пять минут до начала репетиции, как всегда, царил хаос. Взад-вперед носился технический персонал, дико размахивая в воздухе листками с условными обозначениями и выкрикивая друг другу загадочные инструкции. Раскатывали тележки с камерами для пробного прогона. Напряженные, взволнованные актеры собрались в центре павильона звукозаписи, судорожно бормоча свои реплики и думая о том, достаточно ли они вкладывают в эти слова душу.

Лишь один человек был спокоен. Джон Эмори спокойно стоял в левом конце студии, прислонившись к стреле камеры и держа сценарий, нелепо свисающий из его руки. Возле него стоял режиссерский стул, хрупкий, плетеный, обтянутый красной тканью, на которой было аккуратно вышито желтым «мистер Джон Эмори», но Эмори предпочел стоять. Это был высокий, широкоплечий человек тридцати четырех лет, с ранней сединой, глубоко посаженными, серьезными, темными глазами и смелыми, выдающимися чертами лица. Он был лучшим режиссером, который когда-либо работал на «Трансконтинентальном Телевидео», и сейчас холодно и спокойно наблюдал за творившимся вокруг него хаосом, ненавидя все это, но скрывая свою ненависть.

Затем он взглянул на часы. Пять минут до начала, подумал он, затем два часа, чтобы превратить этот спектакль во что-то достаточно скверное, чтобы его можно было выпустить на кабельное, а затем домой, к отдыху и забвению. Он жил текущим сценарием – «Дымка желания», так он назывался, – и требовалась еще неделя для завершения работы над ним, точнее, восемь дней, считая нынешний. Слишком долго.

Кто-то коснулся его плеча. Он медленно повернулся и глянул сверху вниз на маленького, сухонького человека, который смотрел на него с усмешкой.

– Что вы здесь делаете? – спросил Эмори. – Пришли посмотреть, как мы убиваем ваш сценарий, Ли?

– Это не *мой* сценарий, и вы чертовски хорошо знаете об этом, – спокойно ответил Ли Ноерс. – Восемь недель назад я пришел сюда с пачкой машинописных листов и получил за них жирный чек, а затем Кавана и его сценарный отдел приняли за работу. От моего сценария не осталось ничего, кроме имени на титульном листе, я удивлен, что они оставили хотя бы его.

– *Три минуты, мистер Эмори,* – крикнул кто-то со сцены.

Illustrated by Ed Emsh

AND THE WALLS CAME TUMBLING DOWN

BY ROBERT SILVERBERG

Эмори кивнул, а Ноерсу сказал:

– Это один из лучших сценариев, с каким я когда-либо работал, Ли. Время от времени он почти достигает высшего уровня идиотизма. Надеюсь, Кавана не сделал его слишком сложным для аудитории.

– Он знает свое дело, – сказал Ноерс. – Не волнуйтесь: Великий Американский Кретин полюбит его. Хороший состав исполнителей, великий режиссер, отличные сенсорные эффекты...

– И писатель высокого уровня, написавший первоначальный текст, прежде чем его начали изменять.

– Спасибо, Джон.

– *Две минуты, мистер Эмори!*

– Все готово, можно начинать, – крикнул в ответ Эмори. – Вы действительно собираетесь смотреть репетицию? – спросил он Ноерса.

Тот застенчиво улыбнулся.

– Едва ли. Я уже обналечил деньги, можете проверить. На этом и кончается мой интерес к данному сценарию. Я приехал, чтобы пригласить вас на показ фильма.

Эмори немедленно прояснился.

– Где? Когда?

– У Теда Беккета, сегодня в десять вечера. Это работа английского производства, ее контрабандой провезли через Канаду. Я думаю, она может оказаться прекрасной. Примите обычные меры предосторожности, пока будете ехать туда.

– *Одна минута, мистер Эмори!*

– Спасибо за приглашение, – сказал Эмори, мрачно улыбнулся и добавил: – Я приложу все усилия на работу с вашим сценарием.

– Я знаю это, – с горечью сказал Ноерс.

Эмори смотрел, как Ноерс выходит из студии, а затем глянул на часы и со сценарием в руке вышел вперед, на подиум режиссера. Сценарий был ему не нужен, он выучил его наизусть от корки до корки за последние недели работы. К тому же, он верил исполнителям, но, тем не менее, держал текст под рукой.

– Все готовы? – спросил Эмори, говоря спокойно, но с такой властью, что взгляды всех присутствующих обратились к нему. – Это заключительная репетиция для завтрашнего производства драмы Ли Ноерса «Дымка желания». Джимми, у вас все настроено?

– Абсолютно все, мистер Эмори, – ответил специалист по сенсорным эффектам.

Сенсорные эффекты были записаны заранее для генеральной репетиции, все ароматы, текстура и так далее. Техническому пер-

соналу потребовался целый день, чтобы подготовить эти эффекты для телевизионной передачи.

— Тогда начинаем. Акт первый.

Он посмотрел на своих актеров, стараясь не выглядеть несчастным. Он отобрал лучших актеров страны, но лишь один из всей группы хоть как-то разбирался в искусстве игры, остальные были просто компетентными *запоминателями*. Ну, что ж, подумал он, *общественность все равно не сможет увидеть разницу*.

Вспыхнул сигнал «Тихо!»

— Давайте сразу в полную силу, народ, — сказал Эмори. — *Начали!*

На сцене появились двое актеров и начали громкими, театральными голосами произносить друг другу свои реплики. Эмори целых полминуты слушал их.

— Стоп! Послушайте, Кэл, у нас будет восемь минут громкой рекламы, прежде чем вы начнете произносить свои слова. Черт побери, так говорите же их *тихо*. С чувством. Именно так аудитория сможет понять, что произошел некий переход между рекламой и пьесой.

Он прошел эту сцену пять раз, но актеры не сразу уловили, чего от них хотят. Потребовалось еще пять проходов, прежде чем Эмори не был удовлетворен. Затем он позволил пьесе идти дальше почти десять минут до того, как вмешался, чтобы продемонстрировать, с каким выражением нужно читать эти реплики.

Пьеса была совершенной чушью, типичным продуктом сценарного отдела Дэйва Каваны. Для Эмори так и осталось тайной, зачем вообще нужно было нанимать такого талантливового писателя, как Ли Ноерс. Любой сценарист мог километрами гнать такую халтуру о Настоящих людях и их Настоящих проблемах в Современном Море. Чушь, чепуха, бессмысленный набор слов, чтобы удержать девяносто миллионов зрителей перед экранами, которые будут глядеть кусочки этой пьесы между длиннющими рекламными вставками.

Для этого было все тщательно разработано. Центральный кульминационный момент пьесы возник после часы игры, примерно за четыре минуты до центральной вставки рекламы, которая разорвала его пополам. Общая идея была такова, что внимание зрителей будет все еще сосредоточено на экранах, когда уже пойдет реклама.

Эмори хмуро глядел, как единственный настоящий актер произносил свой текст с подлинным чувством, а в ответ ему торопливо, отрывисто подавали встречные реплики, которые отодвигали его игру на задний план. Эмори остановил это и стал разбирать диалоги. В результате все равно еще было далеко до симфонического воздействия голосов, но стало хотя бы немного удобоваримо. А разницы никто не заметит.

Это вообще было главная его мысль: *разницы никто не заметит. Пиплы все схавают.*

Заказчика интересует только коммерческий успех, драматурга вообще ничего не интересует, кроме наличных, а зрители, — да прости их Господи! — не критически принимают все, что угодно, были бы только света ясны и свежи, а сенсорные эффекты чередовались достаточно быстро. Никто, обладающий вкусом и разборчивостью, не станет смотреть ни один коммерческий видеофильм в благословенном 2021 году.

Постановка достигла кульминационного момента, а далее потянулась медленно и лениво, психологически подготавливая зрителя к финалу. Эмори даже не стал пытаться что-то исправить в этом месте. Он расслабился, позволяя актерам делать все, что им хочется. Если он не сделает постановку яркой и интересной, то может лишиться работы, если при просмотре продукта заказчика Рейтинг Интенсивности понизится из-за этого на три пункта на следующей неделе.

Последняя сцена первого действия показалась слабой и Эмори сделал десятиминутный перерыв. Сойдя со своего возвышения, он огляделся и увидел зрителей, вошедших с дальнего конца студии: Кавану, главу сценарного отдела, Ван Грабена, вице-президента редакции, отвечающего за драматические представления, и еще нескольких человек, включая пухленького коротышку в клетчатой рубашке и сверкающих красных брюках, в котором Эмори признал представителя Заказчика. Он подошел к ним.

— Ну, как, господа? Какое у вас мнение?

— Блестяще, Джон, просто блестяще, — немедленно сказал Ван Грабен. — Это пьеса действительно захватила меня. Когда Лоис произнесла это свое: *«Давай, останемся просто друзьями... навсегда, Мартин»*, я прямо-таки задрожал, Джон. Я действительно задрожал!

— Рад, что вам понравилось, — сказал Эмори, он тоже задрожал от этой реплики, но совершенно по другой причине. — Но давайте же отдадим должное Дэйву и великолепной работе его отдела сценариев.

Такие разговоры даются мне легко, неприязненно подумал при этом он. *Я должен был стать актером, а не режиссером.*

Дэйв Кавана был невысоким, крепко сложенным, напряженным человеком с коротко стриженными черными волосами и грубым, покрытым прыщами лицом. Он холодно улыбнулся.

— Я должен буду передать ваши слова парням из моего отдела, Джон. Но вы — единственный человек во всей этой студии, который действительно отвечает за все. Чуть ли не десяток человек работало над сценарием, который сейчас вы воплощаете на экране. —

Его голос понизился до конфиденциального шепота. — Могу вам сказать, что мы работали, как волы. Какого же мерзкого типа написал этот Норрис!

— Ноерс, — машинально поправил его Эмори.

Он почувствовал, что его тошнит. *Десять тысяч в неделю*, механически подумал он. *Вот и все, что держит меня здесь. Я продаю свою душу, но только если получаю за нее чертовски хорошую цену.*

Грабен, вице-президент редакции, тепло улыбнулся представителю Заказчика.

— Мы еще не слышали ваше мнение, мистер Джаберсон. Надеюсь, вы наслаждались этой пьесой, хи-хи?

— Мне понравилось, — просто сказал Джаберсон.

Мне понравилось. Вот и все поздравления, подумал Эмори.

— А теперь простите меня, — сказал он. — Сейчас начнется второй акт.

Второй акт тянулся еще медленнее. Эмори так и не решился сократить его. Он пытался как можно лучше проработать сценарий для нетребовательных зрителей. Это был единственный способ сохранить остатки самоуважения, удержаться от того, чтобы полностью соскользнуть в навоз коммерциализации, что было американским развлечением в разнообразных средствах массовой информации. *Интересно*, подумал он, а каковы эти развлечения в других странах мира?

Вероятно, почти такие же, пришло ему в голову. *Люди ведь везде почти одинаковые, несмотря на искусственные политические барьеры, которыми любая властная сфера отгораживается от остальных. И Телевидео СССР или в Объединенной Империи Латинской Америки, или в Восточной Народной Республике, вероятно, имеет очень много общего с нашим.*

Он вел своих актеров через пьесу, удовлетворяясь хотя бы тем, если они понимали одно его слово из десяти, и наконец, все было закончено. Он дал знак техникам, что закончил. И беспощадные огни, сосредоточившиеся на актерах, полупритухли и смягчились.

— Вы все отлично поработали, — заставил себя сказать Эмори. — Мы устроим наши рейтинги. Вы все таланты. Станиславский гордился бы вами.

Он смахнул пот со лба, аккуратно сложил сценарий и бросил его на красную ткань режиссерского кресла. Теперь пусть им займются уборщицы. Он покончил с «Дымкой желания». Завтра вечером спектакль выйдет на зрителей, испорченный и сырой, как всегда, и зрителям он понравится, а критики будут приветствовать его, Эмори, как самого великого режиссера эпохи, а Заказчик и рекламное агентство посчитают свои денежки и тоже будут радоваться. А

в четверг будет уже новый сценарий, судя по намекам Каваны из сценарного отдела, полный восторженных примечаний на полях от разных вице-президентов и прочего начальства, которые, как всегда боялся Эмори, запросто могли бы упустить суть пьесы...

Камеры исчезли в своих тайных убежищах, персонал бросился к раздевалкам. Эмори посмотрел на часы. Ого, уже девять часов пять минут вечера! Через час он должен быть у Теда Беккета, среди настоящих людей. Людей, которые разделяли его отвращение к средствам массовой информации, хотя некоторые из них, как и он, были двуличными и могли зарабатывать большие деньги на видео, а тошнить их будет потом, тайком, после работы.

Небольшая группа в дальней части студии уже ушла. Эмори был свободен хотя бы от нее. Он вспомнил, что как-то раз Ван Грабен пригласил его выпить пива после репетиции, и он чуть было не сболтнул: «Простите, Ван, Я занят. Я хочу посетить ведущего подпрыгивающую деятельность Теда Беккета, который показывает сегодня вечером авангардистские фильмы. Мы собираемся там, будем сидеть и бездельничать, проклиная вас и всю вашу грязную породу».

Если бы он действительно сказал так, то на следующий день нашел бы в своем почтовом ящике небольшую записку от Главы редакции, наряду с выходным месячным пособием.

Эмори улыбнулся в душе, думая о том, была ли такая судьба хуже смерти или нет. Беккет и остальные частенько уговаривали его бросить свою профессию, прежде чем станет слишком поздно, прежде чем его вкус и ум поглотит всепожирающая коммерция. «Ну, это совсем не обязательно», говорил им Эмори, думая о том, что еще пять лет такой работы, и он станет действительно богатым человеком. Он понял, что просто боится подать в отставку – потому что эта работа, отвратительная, ужасная, единственная давала ему контакты с бессмысленным большинством людей вокруг, контакты, которые он боялся утратить.

Да, он всегда мог бросить эту работу и жить в подвале, как Беккет, никогда не зная, когда его соседи устанут от наличия общепризнанного умника на районе и придут, чтобы сжечь его книги и уничтожить ленты и кинопроектор. А, кроме того, у Эмори был статус в обществе: Джон Эмори, известный видеорежиссер. Никто при этом не спрашивал о его личных чувствах. Его высокое положение в видеопроизводстве маскировало его внутреннее недовольство.

И он не спешил потерять эту маску.

Эмори прокладывал путь через студию, используя свой рост и вес, чтобы раздвигать толпу техников. Затем кто-то остановил его и пробормотал прямо в лицо:

– Сегодня вечером большое шоу, Джон.

— Спасибо, — сказал Эмори и пошел дальше, отметив, что этот человек занимает какой-то высокий пост в редакции канала, и, вероятно, теперь кипятится из-за надменного поведения Эмори. Ну, да ладно, он все равно забудет это к утру. Редакционным крысам давно испортила мозги их работа, в которую они искренне верили. Они не помнили оскорбления достаточно долго, чтобы успеть затаить злобу.

Так он добрался до лифта, поехал вниз и вышел в ночь. Стоял теплый апрельский вечер, безлунный, немного пасмурный. На улице не было никаких пешеходов, хотя тихое гудение подсказало ему, что на шоссе в тридцати метрах над улицей полно автомобилей, едущих из Нью-Йорка в отдаленные пригороды. Это последние работники направлялись в свои дома в Коннектикуте, Нью-Джерси и трущобы Лонг-Айленда.

Его внимание привлекла вспыхивающая реклама вокруг светящейся хромированной башни здания Хэнли. Он терпеливо просмотрел бейсбольные очки четырех лиг и прослушал прогноз погоды: в два тридцать намечался пятнадцатиминутный ливень. Как всегда по утрам, ничего новенького. Он мельком подумал, как люди жили в былые времена, когда газеты были полны новостями о напряженных международных отношениях, слухами о войне и всем таком.

Теперь все было спокойно благодаря барьерам. Россия была так далека, что могла бы находиться на другой планете. Даже Южная Америка была теперь как другая планета. *Стоило ли спокойствие такой цены?* — подумал Эмори.

Затем он покачал головой. Удивление было дурной привычкой, оно вело к озабоченности, это было уже опасно. Он вздохнул и огляделся в поисках такси. Ему хотелось добраться до Логова Беккета пораньше.

БЕККЕТ ЖИЛ на 255-ой стрит, далеко на севере, в районе арендуемых квартир, который когда-то назывался Ривердейлом. Хуже, чем проживание в подвальной квартире Ривердейла было только жилье в кроличьей норе Левиттауна или любом другом, набитом, как сельди в банке, городе Острова, представляющем собой бесконечную массу трущобных зданий, чуть ли не каждое из которых, тем не менее, напряженно поддерживало свою древнюю идентичность.

Эмори поймал такси и помчался по уровню ста пятидесяти километров в час. Он откинулся на спинку сидения, насколько позволял ремень безопасности, и расслабился, уверенный, что водитель, управляющий машиной при помощи дистанционного управления с главной транспортной диспетчерской, знает свое дело и доставит его к месту назначения быстро и безопасно.

В Йонкерсе он остановил такси, расплатился, подождал сдачи и вышел. Ближайший лифт быстро спустил его на пешеходный уровень. На небе низко летели облака, пешеходы быстро, не задерживаясь, разбегались по домам. Несмотря на контроль за атмосферой, в воздухе было что-то несвежее и неприятное, в ноздри ему бил аромат гниющего мусора, когда он шел обратно в Ривердейл. Вероятно, какие-то местные жители побили мусорщика накануне, и в качестве мести отходы сегодня остались не убранными. Такое происходило частенько.

Эмори прошел по окольному пути, оказался на задворках Ривердейл-Авеню, и вышел на окольную дорожку, ведущую к логову Беккета. Наверху он дважды нажал кнопку звонка, чувствуя, как всегда, что участвует в чем-то запрещенном, и направился вниз, в квартиру Беккета.

У двери его встретил сам Беккет. Худой, устало выглядящий маленький человечек с увядшими голубовато-зелеными глазами и высоким лбом, когда-то он был автором сценариев для видео-каналов, но так и не смог понять путь к успеху, который заключался в отказе от индивидуальности, и через некоторое время был уволен. За время работы ему удалось сэкономить несколько сотен тысяч из зарплаты, даже после уплаты налогов, и теперь, безработный одинокий, он жил за счет своих накоплений.

— Рад увидеть вас снова, Джон. Пойдемте, все уже собрались.

Эмори последовал за ним в тускло освещенную квартиру, ремонт в которой проводился в последний раз на рубеже веков. Он увидел три-четыре небольшие группки спорящих людей, один из которых размахивал стаканом, чтобы акцентировать свои слова, то и дело отхлебывая из него. Среди них он узнал Ноерса, Мэтта Виглана из Лиги авторов, члена директорского совета из Голливуда Херша Каймэна и еще нескольких бывших и нынешних сотрудников средств массовой информации.

Он усмехнулся Ноерсу, который тут же отделился от группы и подошел к нему, ведя на буксире какого-то высокого, сутулого молодого человека, которого Эмори никогда не видел прежде.

— Как прошел спектакль? — спросил Ноерс.

— Прискорбно. Но толпе он понравится. Кавана вывихнул руку, хлопая себя по спине.

— Зато мой чек уже в банке, — сказал Ноерс. — Джон, я хочу познакомиться тебя с Джиллом Хэдфилдом. Он эспер.

При последнем слове Эмори искоса поглядел на высокого молодого человека. *Ему, по крайней мере, лет шестнадцать*, подумал Эмори, *но он выше меня уже сантиметров на пять*. Глаза у него были мягко-зеленые и чем-то омраченные, а, может, просто

отстраненные, словно он одновременно был здесь и контактировал с кем-то на противоположной стороне Луны. Одежда на нем была изрядно поношена.

— Джилл, Это Джон Эмори, известный видеорежиссер. Но вы ведь не смотрите видео фильмы, не так ли?

— Нет, — ответил Хэдэфилд невозможно нежным голосом, настолько нежным, что он казался даже пушистым. — Это плохо для ума и души. Но я слышал ваше имя, мистер Эмори. Слышал часто.

— Не могу тоже самое сказать о вас. Эсперы никогда не обретают широкую известность.

— Мы и не ищем ее, — сказал Хэдэфилд, и нервно помялся с ноги на ногу. — Может, это покажется Вам противоречием, поскольку я отвечу на ваш следующий вопрос, прежде чем вы его зададите, но нет, я не читаю ваши мысли. Я не умею этого. Я связист на дальние расстояния, а не чтец мыслей. Просто этот вопрос задает любой, с кем меня знакомят.

— Конечно, — хмыкнул Эмори.

Он чувствовал себя неудобно в присутствии эспера и слегка сердился на Ноерса за то, что тот начал эту неловкую беседу. В качестве оправдания он показал свой опустевший стакан и направился в кухню.

Там он нашел баночку пива, открыл и ее и сделал большой глоток. Рядом лежала открытая коробка с коллекционными винами. Очевидно, кто-то покрыл расходы на напитки на эту вечеринку, так как не было ни единой причины, зачем бы Беккету влезать в такие расходы, но в действительности, хотя никто не упоминал об этом открыто, коробка была куплена для самого Беккета. Эмори тайком сунул в коробку стодолларовую купюру. Беккет шел на большой риск, доставая эти фильмы, так что было справедливо поддерживать его материально.

Затем Эмори вернулся в комнату. Из динамика на стене неслись звуки Четвертого квартета Бартока, и Эмори с радостью узнал не отредактированную запись 1999 года, которая была лишь чуть очищена и к ней добавлены несколько виолончелей. Очевидно, Беккет где-то нашел эту запись и сунул в свой синтезатор.

Эмори почувствовала внутри тепло и свободу. Обычно он был нелюдимым и отчужденным человеком, но здесь, в темном подвале Беккета, он находился среди друзей, среди людей, вкусы и интересы которых он разделял, и приятно было знать, что вы не единственный, кто мог слушать не осовремененную музыку двадцатого века, при этом не засыпая, также утешительно было видеть, что еще находятся люди, восхищающиеся копиями картин Пикассо на стенах, и невероятно редкими собраниями сочинений Джайса

и Кафки на книжных полках. То, что Беккет выставил их напоказ, было комплиментом его гостям. Обычные люди не могли понять смысл этих книг, но хорошо знали об их ценности и могли бы почувствовать желание украсть их.

Эмори присоединился к обсуждению темы, которая представляла для него интерес: место драмы среди остальных искусств. Коренастый, серьезного вида человек, который весь день писал рекламные объявления, как раз говорил:

— В некотором смысле драма — более чистое искусство, чем роман. Она менее дидактична. У романиста всегда есть возможность прервать свою историю и начать морализировать, комментировать происходящее, драматург же этого лишен, он дает вам лишь действия и слова, показывает самих людей. Любое морализаторство спрятано в структуру пьесы. И понять его не так уж легко.

— Я мог бы и согласиться с этим, — сказал одетый в ярко-синий костюм человек с ястребиным лицом. — Но что тогда делать с театром Брехта, например. Смешивание...

— Это не чистая драма. Брехт погубил себя сам.

— Эстетическое варварство, — добавил кто-то еще. — Но оно оказывает эффект, несмотря на мешанину методов. А что думаете вы, Джон? Вы среди нас единственный работающий режиссер.

Эмори слегка нахмурился, хотя ему было приятно.

— Я бы хотел, чтобы вы не напоминали мне о том хламе, которым я зарабатываю на свой ежедневный хлеб с икрой. Тот мусор, который я создаю... Да в девятнадцатом веке меня бы за него просто распяли! Но обычно я согласен...

Он говорил уверенно и с энтузиазмом, зная, что владеет своим предметом, а также зная, что тут единственная аудитория, которую он может отыскать для своих теорий. Обсуждение продолжалось еще несколько минут, затем Беккет потребовал внимания, и попросил, чтобы все заняли места для начала фильма.

Эмори почувствовал, что Ноерс стоит рядом. Жилистый драматург поглядел на баночку Эмори и спросил:

— Что вы пьете?

— Пиво. Что же еще?

— Вы должны попробовать вот это. Это настоящее немецкое вино, которое какой-то друг Беккета перевозит тайком через пролив Гаттераса. Его очень мало, чтобы предлагать всем собравшимся, но Беккет хочет, чтобы несколько человек попробовали его.

Эмори взглянул на стакан, который Ноерс протягивал ему. Он взял стакан и попробовал белое вино. Оно было сухое и чуть горчило. Допив стакан, он почувствовал внезапное головокружение,

которое тут же прошло. Все-таки, смесь пива и вина никому еще не шла на пользу.

Ноерс искренне глядел на него.

— Ну как, хорошо?

— Прекрасное вино, — сказал Эмори. — Просто превосходное. Но нам нужно идти занимать места.

Они нашли два стула в дальнем конце комнаты.

Беккет развернул блестящий призматический экран и удалился в темную будочку позади комнаты.

— Выключите свет, — попросил он.

Свет выключили. И Беккет включил проектор.

Фильм назывался «Широкий океан». Он был английского производства, с низким качеством изображения, которое мерцало и временами то тут, то там желтело. Эмори, как зачарованный, смотрел фильм.

Мельком он подумал о лозунге своей драмы: Настоящие люди и их Настоящие проблемы в Современном Мире. Звучало это прекрасно, но на практике сводилось к пустопорожней болтовне каких-то усредненных людей, и имело такой счастливый конец, какой на десятки световых лет был удален от любой действительности, которую знал Эмори.

Этот же фильм был совершенно иным. Он был сделан больше честно, чем умело, больше искренне, чем профессионально. Но история, которая разворачивалась в нем, была *реальна* в самом истинном смысле этого слова. И Эмори обнаружил, что его разум и эмоции полностью поглощены фильмом. Он был очарован им почти так же, как иностранным акцентом речи актеров. Атлантика была, как пропасть между планетами, в наши дни, когда была строго запрещена международная торговля и любые связи. Языки англичан и американцев всегда отличались, и Эмори уже представлял то время, когда любой фильм из Англии нужно было снабжать субтитрами, точно так же, как тогда, когда Беккет показывал французские или итальянские фильмы.

Но через некоторое время он забыл обо всем: о тесном логове Беккета, о вонии мусора снаружи, о криках банд, доносившихся с улицы, даже о людях, сидящих возле него, и о слабом жужжании проектора. Единственная действительность была на экране.

Вот то, что мы утратили, подумал он. Где-то во время бурного развития Великой Американской Истории искра таланта оригинального художника была похоронена под потоком реклам и формул. Люди *не были* созданы равными, и каждый настоящий фильм, каждая пьеса была направлена на то, чтобы сгладить и уменьшить разницу между ними.

Эмори почувствовал какую-то невольную горечь, хотя и признавал, что она портит ему удовольствие от фильма. Он попытался бороться с ней, но без всякого успеха.

И внезапно на него снова накатила волна головокружения.

Это все вино, подумал он. Не стоило мне мешать...

Перед глазами у него все плыло. Изображение на экране дрожало, плавилось и сливалось в разноцветную мозаику. Глаза заливал пот, и Эмори больше ничего не мог видеть.

Что со мной происходит? – подумал он.

Он рассердился на себя, на то, что заболел посреди такого прекрасного фильма, потому что у него никогда не будет возможности снова увидеть его. Затем гнев исчез и сменился страхом. Он всегда был здоровым, сильным человеком. Никогда прежде его не поражали такие внезапные болезни.

Он неуверенно поднялся на ноги. Нужно пойти в туалет, нужно выпить воды, умыться холодной водой, чтобы лицо перестало гореть. Позади раздалось бормотание, и Эмори понял, что, вероятно, закрывает экран. Он пригнулся, надеясь, что больше не перекрывает луч проектора.

Странно, но он испытал затруднение при перемещении ног по полу. Они упрямо плыли где-то позади, по крайней мере, так казалось ему. Он сделал три неверных шага, затем начал плавно падать вперед, ниц, и приземлился не так уж мягко, ударившись подбородком о холодную доску пола. Боль ударом плети пронзила его. Но тут же ушла. Еще ничего не понимая, он проскользнул в бессознательную темноту.

ОЧНУВШИСЬ, ЭМОРИ приходил в себя медленно, практически, по частям. Сначала пробудился первый слой сознания, та часть, которая была направлена на просмотр фильма, и Эмори завертел головой, но не увидел никакого экрана. После этого он понял, что больше не находится в квартире Беккета, а еще через какое-то время осознал, что он очутился где-то в другом месте, и, вполне вероятно, что его специально опоили и перевезли сюда.

Опоили? Но кто бы стал...

Эмори поморгал и осмотрелся, принялся озираясь. Было вполне ясно, что он вообще не в Ривердейле. Об этом говорила ему чистая свежесть комнаты с высоким потолком. Это была большая комната с дверью-сфинктером в дальнем конце. Он лежал, вытянувшись во весь рост, на каком-то голом поддоне, рядом на стуле кто-то аккуратно повесил его куртку и галстук. На полу возле стула стояла обувь.

Следующее, что он увидел, это стол возле окна, заваленный какими-то бумагами, возможно, документами. Стены были нежно-зеленого цвета, пол покрывала желтая пена. Эмори сел и для пробы покачал головой. Но все было в порядке, голова не кружилась, чувствовал он себя весьма сносно.

Он нашарил обувь и сунул в нее ноги. Потом встал. Покрывавшая пол пена оказалась мягкой и эластичной, когда он пошел по ней. Сначала он подошел к окну, но стекло матово светилось, и он не увидел никакого пульта управления поляризации. Он видел лишь матовую серость. Так что он мог быть почти где угодно.

Быстро, чувствуя первую дрожь тревоги, он побежал к двери-сфинктеру, но рядом с ней тоже не было ни кнопок, ни других средств управления. Он провел руками по прохладной металлической поверхности двери, надеясь найти какой-то способ открыть ее, но безуспешно.

— Он проснулся, — внезапно пробормотал чей-то голос.

И второй голос, более глубокий и резонирующий, произнес:

— Пожалуйста, не расстраивайтесь, мистер Эмори. Вам не причинят никакого вреда.

Эмори резко повернулся и огляделся.

— Кто здесь?

— Мы контролируем вас снаружи, — сказал тот же голос, и Эмори увидел динамик, установленный на потолке, из которого и раздавался этот голос.

— Что это еще за шуточки? — хрипло спросил Эмори. — Наказание за похищение...

— Мы знаем, очень строгое. Но мне кажется, что вы будете готовы сотрудничать с нами. Пожалуйста, не делайте никаких суждений, прежде чем все узнаете, мистер Эмори.

Он заставил себя оставаться спокойным. *Я здесь практически в голой комнате, меня оповили и похитили, Так что не остается ничего другого, как разговаривать со своим невидимым похитителем*, подумал он.

Сценарный отдел Каваны безжалостно бы вычеркнул такую ситуацию из любого сценария. Такие вещи не происходят с Настоящими людьми в Современном Мире. *Исключая те случаи, когда они происходят на самом деле*, подумал Эмори.

— Выключите монитор, — услышал он, как первый голос сказал едва разборчиво, явно не ему. — Пойдите и поговорите с ним.

Эмори схватил куртку со стула, надел ее и, сев, стал ждать. Через несколько секунд сфинктер двери начал открываться. Он мельком увидел за ней ярко освещенный коридор и несколько стоящих в нем фигур. Кто-то вошел, и сфинктер закрылся.

— Я должен принести извинения за тот метод, каким вас доставили сюда, мистер Эмори. Вам дали очень высокие рекомендации, но человек, который рекомендовал вас, предложил, чтобы вас привезли сюда без вашего ведома, иначе вы бы могли не захотеть приехать вообще. Если очень коротко, то мы собираемся пробыть на Земле весьма недолго, и на то время, пока мы находимся здесь, мы хотели бы нанять вас.

Эмори ничего не сказал, он уставился на говорящего, думая о том, что же было подмешено в вино, которое дал ему Ноерс. Эмори прищурился и облизнул губы. Вошедший был высокий, возможно, даже немного более высокий, чем обычно бывают люди. На нем была облегающая, эластичная на вид одежда, которая обрисовала в общих чертах твердое, мускулистое тело. Там, где были обнажены участки кожи, они оказались темно-синего цвета.

У него не было волос. Голова его была усеяна короткими выступами, два-три сантиметра высотой и на расстоянии в сантиметр друг от друга. Бровей у него тоже не было. А между двумя холодными, пронзительными глазами, чуть выше их, был третий глаз, немигающий, но такой же холодный и пронзительный.

Существо улыбнулось, обнажив глянцево блестящие черные зубы.

— Откуда вы? — беззвучным полупшепотом спросил Эмори.

— Со звезд, — сказал незнакомец таким спокойным тоном, который подразумевал, что в его заявлении не было ничего экстраординарного.

ЭМОРИ ВОСПРИНЯЛ эти слова как шутку. Как какой-то розыгрыш.

— Звезды, — тихим, спокойным голосом сказал он. — Знаете ли, это очень забавно?

Но уже говоря, Эмори не был уверен, что это так уж забавно. Внутри него рос холодный, ледяной страх.

— Так откуда же вы? — спросил он, внимательно рассматривая странного незнакомца.

— Я сказал вам правду. Это так трудно понять, мистер Эмори?

— Ну, это просто весьма неожиданно. Ладно, временно я признаю, что вы прилетели из Крабовидной Туманности или откуда хотите. Ну, что вам нужно от меня?

— Ваша помощь. Ваше руководство. — Чужак коснулся одной рукой — рукой со сросшими пальцами, как только теперь заметил Эмори, — к своему скальпу. — Вы ведь знаток искусств, не так ли? Любитель книг, поэзии, живописи и драмы. Особенно драмы.

— И что, если так? — осторожно спросил Эмори.

— Это, знаете ли, делает вас весьма необычным человеком. Мы находимся на Земле уже некоторое время, поэтому немного осмотрелись. Мы выбрали вас в качестве специалиста, который, скорее всего, может помочь нам. Короче говоря, мы ищем гида по миру культуры Земли, кого-то, кто скажет нам, что считается хорошим, а что плохим, кого-то, кто отделит злаки от плевел, чистое от отбросов, искусство от *китча*. Это правильное слово? Мы хотели бы забрать лучшие образцы культуры Земли в наш родной мир. Дубликаты, разумеется. У нас есть оборудование для репродуцирования.

Внезапно Эмори стало интересно.

— Вы хотите, чтобы я вам сказал взять Моцарта, но не музыкальный фильм, взять Шоу, но не Сардоу, взять Бертрана Рассела, но не Герберта Спенсера. Что-то вроде этого?

— Что-то вроде этого. Мы хотим сделать выборку произведений искусства и философии — тщательную, профессионально отобранную выборку. Например, мы хотели бы взять Спенсера, поскольку он оказывал влияние и был важен в свое время. Вам понятно?

— Вроде бы, да.

— И мы решили, что нам будете нужны вы.

— Но, тем не менее, зачем вам вообще нужен местный гид? — спросил Эмори. — Разве вы не можете сами найти все это?

— Может — да, а может — нет. Но у нас мало времени. Несколько месяцев, возможно, год, затем мы должны будем улететь. Нам предстоит посетить еще столько миров. Столько чужих миров, мистер Эмори, сколько вы и представить себе не можете.

Внезапно Эмори покраснел.

— Вы ведь своего рода антрополог, не так ли? Собираете экспонаты примитивных культур? Вы возьмете самые прекрасные образцы нашего искусства, поместите их в музей и прикрепите под ними табличку, например, такую: «Тотемная маска с Аляски». А рядом: «Улыбка Джоконды». Я прав?

На лице инопланетянина осталась приветливая улыбка, но три его темных глаза помрачнели еще больше.

— Вы можете думать о нашей миссии, как вам будет угодно. С любой планеты мы хотим увести самые счастливые и радостные представления о ней. Земля — весьма необычный мир, и мы хотим сделать щедрую подборку ее самых прекрасных творений. За работу с нами вы получите хорошее вознаграждение, как материальное, так и иное. Но я не хочу, чтобы вы немедленно принимали решение. Я оставляю вас в покое, чтобы вы какое-то время поразмышляли об этом. Когда же вы примете решение, то можете предупредить меня, нажав на эту кнопку на краю стола... О-о!.. — Инопланетянин быстро замигал, как будто впервые увидел на столе кучу бумаг, бы-

стро прошел по комнате, собрал документы в пачку, взял их и пробормотал: — Это не важные документы, но какая неаккуратность — оставлять их валяющимися тут.

Один желто-зеленый листок бумаги выскользнул из пачки в руках инопланетянина и, спланировав позади него, скользнул под сверкающий пластмассой стол. Эмори заметил это краешком глаза, но ничего не сказал. Инопланетянин направился к сфинктеру двери, держа остальные бумаги.

— Да, мне потребуется кое-какое время на размышление, — сказал Эмори и облизнул губы. — Я предупрежу, когда буду готов.

— Очень хорошо.

Сфинктер открылся и через долю секунды закрылся, а в этом интервале инопланетянин проворно вышел из двери, снова оставив Эмори одного. Первая сильная волна пострефлексивного шока прошла дрожью через тело Эмори, но он тут же взял себя в руки.

Некоторое время он глядел на матовое, точно восковое, светящееся окно, в котором было его собственное тусклое отражение. Теперь он был готов принять все: то, что среди нас были инопланетяне, что существо, с которым он только что разговаривал, действительно прилетело с какой-то другой звезды, что они заняты чем-то вроде культурного турне по сбору материалов на Земле. Несмотря на мелодраматические обстоятельства, при которых они вступили с ним в контакт, он готов был поверить тому, что только что увидел и услышал.

То, что Земля является просто дорожной станцией в небе, где космические коллекционеры артефактов могут останавливаться примерно на год по пути к Артуру VII или Проциону X, встряхнуло его, уничтожив внутреннее спокойствие. Но все же, в каком-то смысле, он предвидел нечто подобное, поэтому ничего не изменилось в его личной философии, которая явно не основывалась на том, что человечество является самой высокой формой разумной жизни. У него было достаточно контактов с человечеством, чтобы узнать недостатки последнего.

А ранняя мечта Эмори была все еще не исполнена. Он мечтал увидеть, как человек доберется до Луны, планет и звезд. Сейчас они сказали, что это теоретически возможно, но из этого не было никаких последствий. Может, если бы восемьдесят лет назад произошла война, вместо того, чтобы отдельные частицы человечества заперлись в своей крепости, космические полеты уже вовсю развивались бы. Но война не произошла, а холодная война превратилась в вечно застывший мир, где каждая властная сфера заперлась в своих границах, обрезав все коммуникации с внешним миром.

Таким образом, они прилетели к нам первые, подумал он.

Он тяжело вздохнул и прошел к яркому столу с пластиковой крышкой. *Им нужна моя помощь*, подумал он. Это было, конечно, лестно. Естественно, они потребуют, чтобы он молчал об их присутствии на Земле, пока они не улетят, а, возможно, даже и после этого. Это легко было понять. Эмори не стал возражать против таких ограничений. Он никогда не был преисполнен любви к человечеству, по крайней мере, не к тому шумному, грязному человечеству, которое затопило города Америки так, что они трещали по швам, к этой расе врожденных идиотов, которая плодилась и размножалась, и которая ненавидела подобных Эмори так же, как он ненавидел их. Он не чувствовал в себе обязательство рассказать миру о присутствии на земле инопланетян. Он мог бы даже наслаждаться своими тайными знаниями.

Его рука поползла к эмалированной кнопке сбоку стола. Одно быстрое движение, и он вызвал бы инопланетянина.

Но Эмори сделал паузу, и во время этой паузы его глаз поймал край желто-зеленого листка, который упустил инопланетянин, и который теперь высовывался сантиметров на пять из-под стола, куда спланировал, поэтому он решил отложить вызов инопланетянина на пару минут. Он уже хотел было поднять бумагу, но тут сообразил, что, скорее всего, за ним следят, поэтому выбрал другой путь. Он застонал, словно раздираемый глубоким внутренним конфликтом, закрыл лицо руками, и резко упав на стул, скорчился в тягостных размышлениях.

Крышка стола была прозрачной. С большой осторожностью он дотянулся носком штиблета до листка бумаги и подтащил его по полу прямо напротив своего лица. Потом посмотрел на него сквозь крышку стола.

И его лицо медленно побледнело. Документ был на английском, хотя напечатан странным шрифтом, какой Эмори никогда еще не видел. Но слова были легко различимы.

На листке было написано:

«К: Каргу

ОТ: Кресса

ВРЕМЯ: 8:42 по местному времени.

Ваш отчет получен и зарегистрирован. До сих пор все идет хорошо, за что мы весьма благодарны, так как были некоторые сомнения в разумности Руководства относительно законности земной экспедиции.

Получение вашего отчета вызвало благодарные комментарии в высших сферах, и оттуда пришло общее одобрение вашей политики. Мы все согласны, что умно будет собрать как можно больше культурных предметов Земли до начала вторжения. Тогда

мы можем управлять общественным мнением, показывая, что начали работать, как совершенно гражданская миссия, но в ходе работ сочли необходимым ради мира во всей Галактики зачистить Землю от ее населения. Даже несмотря на любые благоприятные впечатления, которые могут оказать собранные произведения искусств. Помимо того, было бы беспечно позволить этой культуре исчезнуть бесследно, не оставив от нее несколько сувениров на память.

В понедельник мы получили отчеты о психике Джона Эмори и Филимона Григореску, и согласны с вашими предварительными предположениям, что они были бы идеальными кандидатурами. Румын особенно показывает нужные качества, которые мы могли бы использовать.

Мы все еще ждем геологического отчета о планете. Фактически, вторжение по-прежнему находится в предварительной разработке, но, разумеется, мы будем стремиться избежать любых реальных убытков самому миру, чтобы он не потерял свою стоимость».

Сообщение явно было оборвано, словно продолжалось на втором листе, который инопланетянин унес с собой. Но Эмори уже увидел достаточно.

Он дважды внимательно прочитал этот текст, пока знакомые слова не врезались в его память так же глубоко, как монологи Шекспира, при этом он по-прежнему не поднимал лежащую на руках голову. На лбу у него выступил пот, в животе началась тупая боль и поползла вверх, через сердце и легкие, к горлу. Он чувствовал, как его тошнит.

«...необходимым ради мира во всей Галактики зачистить Землю от ее населения...»

Холодные фразы прыгали у него перед глазами. *Так, значит, они первыми добрались до нас,* подумал он. *И еще как добрались!*

Через какое-то время он все же успокоился – скорее, оцепенел. Паническая реакция прекрасна в определенных случаях, но только не сейчас. Он единственный имеет сведения о гигантском заговоре, и все же может найти выход, если будет действовать достаточно проницательно.

Он подтолкнул ногой листок подальше под стол.

Это авангард вторжения, тупо проносилось в голове. Мусорчики, появившиеся, чтобы заграбастать все, до чего дотянутся, прежде чем уничтожат Землю.

Так или иначе, но я хорошо во все это влип.

Эмори медленно поднял голову. Он повернулся, словно был режиссером на подиуме и одновременно актером под беспощадными

огнями софитов, который должен просто сидеть, надев на лицо маску внешнего спокойствия, и постарался вернуть щекам первоначальный цвет. Он всегда чувствовал, что только великие актеры могли по-настоящему, физически контролировать свое тело во время игры, но только великий режиссер мог выявить скрытое величие почти в любом из них.

И теперь он должен пройти настоящую проверку. Эмори глубоко вздохнул, на время выкинул из головы свои новые знания и отчаянно нажал на кнопку сигнала.

Тут же вошел инопланетянин. У него на лице все еще была приятная улыбка, но три холодных глаза смотрели еще более пристально и пронизательно. Эмори понял, что должен одурачить его с самого начала и показать, будто считает, что присутствие инопланетян на Земле пойдет людям только на благо.

Он должен играть свою роль с большой осторожностью. Если инопланетяне поймут, что он знает их истинные побуждения, они тут же избавятся от него. Что бы они там ни планировали, это для них более важно, чем жизнь Джона Эмори.

— Я обдумал ваше предложение, — сказал Эмори, — но даже не знаю, нравится ли оно мне.

Инопланетянин выглядел огорченным.

— Тогда каковы ваши возражения?

— В первую очередь, — нахмурившись, сказал Эмори, — что это даст мне? Мне лично?

— Все, что вы хотите. Богатство. Копии книг, которые вы подберете для нас. Мы можем быть очень уступчивыми.

— Это звучит хорошо, — кивнул Эмори. — Но во-вторых: откуда я знаю, что вы поступите добросовестно?

— Что вы подразумеваете под этим?

— Ну, предположим, вы планируете уничтожить наши бесценные шедевры, на которые я вам укажу. Или, предположим, вы планируете забрать с собой не дубликаты, а оригиналы? В таком случае, я не хотел бы быть тем, кто работает на вас.

— Я могу дать вам слово, что у нас нет таких намерений. Это убедит вас?

Много же значит ваше слово, с горечью подумал Эмори, но вслух сказал:

— Нет, не убедит, но я вынужден принять его.

— Есть еще возражения?

— Еще немного. С одной стороны, я даже не знаю ваше имя или откуда вы родом. Я не очень-то хочу работать на анонимных призраков. И, наконец, я хочу, чтобы вы поняли, что у меня уже есть работа, и она должна быть всегда на первом месте. Сколько бы

времени я не посвятил этому... э-э... вашему проекту, я буду заниматься им только в свободное время.

— Очень хорошо. Мы ожидали таких условий и согласны на них. Что касается того, откуда мы прилетели, могу только сказать, что это одна из звезд в Малом Магеллановом Облаке. Не думаю, что вы знаете там хотя бы одну звезду, поэтому нет смысла открывать вам ее координаты. Я прав?

— Наверное, — пожал плечами Эмори. — Наверное, у вас какой-то мгновенный супер двигатель, иначе вы не стали бы тратить двадцать-тридцать тысяч лет на полет в космосе, чтобы собрать несколько симфоний и картин.

— У нас есть такой мгновенный двигатель, — спокойно сказал инопланетянин.

— Вы еще не назвали мне свое имя, — заметил Эмори.

— Мое имя? Простите, забыл! Можете звать меня Карг, если хотите. Просто Карг, и больше ничего. Теперь все улажено?

Эмори принял задумчивую позу, словно все еще взвешивал возможные альтернативы и возражения, а не выбрал план действий еще до того, как инопланетянин вторично вошел в комнату.

— Хорошо, — сказал он. — Я в вашем распоряжении. Когда начинать?

Улыбка Карга стала немного теплее.

— Как только скажете. У нас не очень много времени, но пока что его хватает. Я думаю, что первым делом вы хотели бы узнать, где вы находитесь.

— Был бы вам признателен, — сказал Эмори.

Инопланетянин провел перепончатой рукой вдоль стены возле окна, и пластиковая крышка отодвинулась, открывая пульт управления. Карг нажал кнопку, и окно внезапно стало прозрачным.

Из него струился яркий утренний солнечный свет.

— Узнаете эти места?

Эмори присмотрелся. Даже на рассвете Манхэттен был заполнен народом. Первая смена уже ехала по Быстрым Путям вниз на работу, словно непрекращающийся поток ярких слезинок, текущий из пригорода в город. Воздух еще выглядел чистым и свежим, но как только наступит день, он станет гораздо грязнее.

Через дорогу высилась блестящая колонна Здания Хэнли, а возле него была хромированная, яркая игла башни «Трансвидео». Они находились в самом сердце Манхэттена.

— Да будь я проклят, — невольно воскликнул Эмори. — Только в Нью-Йорке могло произойти что-то подобное. Я стою здесь у окна рядом с инопланетянином, и никто нас не замечает, никого это не волнует. Прямо здесь, посреди Манхэттена.

Карг по-прежнему улыбался.

— Кажется, вы неподалеку от своего места работы. Вам будет удобно прибыть сюда после того, как вы закончите свою работу над видеопьесами. Запомните, девяносто третий этаж Садов Хаксли. Мы арендовали весь этот этаж.

— Да будь я проклят, — повторил Эмори.

Теперь он не играл роль. Он действительно был удивлен.

Нажатием кнопки Карг сделал окно матовым.

— Нам не нравится ваш солнечный свет, — пояснил он. — А, кроме того, мы ценим уединение.

— Конечно.

— Насколько я понимаю, сегодня у вас выходной, — продолжал инопланетянин. — Мы не хотели бы прерывать его и дальше. Мы свяжемся с вами завтра, как только сделаем дальнейшие приготовления. Если вы пойдете в том направлении... — продолжал Карг, проведя его по коридору мимо другого сфинктера и через главный зал. — Дальше я не могу идти, — сказал он. — Мы не рискуем проходить мимо той двери. Но за ней вы найдете ведущий вниз лифт.

— Спасибо, — сказал Эмори.

Он шагнул через диафрагму сфинктера и махнул исчезающему Каргу. Аккуратная надпись на верхней оболочке сфинктера гласила: «Карг и Ко».

И больше ничего.

Ни единого намека, что за этим ярким металлическим овалом находился авангард инопланетных сил вторжения. Эмори нажал нижнюю кнопку, и пол лифта почти неуловимо вздрогнул. *Интересно, подумал Эмори, когда инопланетяне обнаружат, что случайно оставили важный документ, поймут ли они, что он прочитал его?*

ДВАДЦАТЬ МИНУТ спустя Эмори добрался до своего дома в модном Форт-Ли в Джерси на берегу Гудзона, взяв такси на Сто десятой стрит и проехав через реку по Кэтедрэл-Авеню и туннелю. Там у него была скромная трехкомнатная квартира с полной изоляцией на тридцать девятом этаже многоэтажного дома. Она стоила ему тысячу долларов в месяц, и он считал, что это весьма недорого.

Квартира было красиво обставлена. Кроме того, имелись кое-какие способы обходить налоги, и он каждую неделю утаивал по десять тысяч долларов от налоговой проверки, достаточно долго, чтобы к настоящему времени стать богатым человеком. Пол покрывали пышные ковры, в углу стояла аудиосистема, три стены от пола до потолка занимали псевдодеревянные книжные шкафы и видеоэкран, настроенный на Восточные каналы, неправдоподобно редкий, так как Народная республика приняла закон об Изоляции и

отключила всю Азию от контакта с ненавистным ей западом. Словом, Эмори жил хорошо.

Он опустился на кресло из пены, стоящее перед личным баром, который купил три года назад, и набрал на пульте управления напиток: бурбон, чистый. Первая порция была всего лишь началом. Он осушил ее одним глотком и тут же набрал вторую. *Инопланетяне*, подумал он. *Силы вторжения*.

У него было много времени, но в голове уже формировался определенный план. Во-первых, он должен узнать кое-что.

Он взял пульт телефона и набрал номер Теда Беккета. Прошло гудков шесть-семь, прежде чем экран прояснился, и на нем появилось взволнованное лицо Беккета, глядевшего куда-то в сторону.

– Привет, Тед, – сказал Эмори. – Я разбудил вас?

– Я уже не спал. Теперь вы чувствуете себя лучше, Джон?

Эмори улыбнулся.

– Вот поэтому я и звоню. Мне нужна кое-какая информация. Последнее, что я помню, это как я смотрел у вас фильм. А затем внезапно проснулся в своей постели. Я хочу знать, черт побери, где я был в промежутке, и что случилось со мной вчера вечером.

– Так вы не помните? – спросил Беккет.

– Ни малейшего проблеска.

– Вам стало плохо прямо посреди фильма. Вы встали с места и пошли по комнате с каким-то перекошенным лицом. Мы не могли позволить вам уйти в таком состоянии, Джон.

– Ну, и дальше?

– Таким образом, Ли Ноерс отвез вас домой и вызвал врача, это последнее, что я знаю, пока вы не позвонили. Разве вам не оставили записки или чего-то подобного?

– Ничего мне не оставили. Кто-то уложил меня в постель, но это все, что я знаю.

– Тогда вам лучше позвонить Ноерсу, – сказал Беккет. – Он расскажет вам, что произошло после того, как вы вместе уехали отсюда. А я действительно ничего не знаю.

Беккет подозрительно закусил губу. Эмори, профессиональный квалифицированный переводчик с таких жестов, легко понял, что Беккет лжет, но ему нечем было нажать на него.

– Прежде чем я закончу, – небрежно спросил Эмори, – вы можете дать мне номер того эспера, который был у вас на вечеринке? Джилл Хэдэфилд его зовут. Я хочу поговорить с ним.

Беккет снова пожевал губу.

– Лучше спросите об этом у Ноерса, он знает этого парня, а я – нет.

– Понятно. Ну, спасибо, Тед. В любом случае, спасибо.

Он прервал контакт и смотрел, как измученное лицо Беккета исчезает с экрана. Его пальцы, нависшие над клавиатурой, уже были готовы набрать номер Ли Ноерса, когда внезапно унылое бульканье пневмопочты подсказало ему, что пришло какое-то послание.

Он поднялся, открыл дверцу и взял большой конверт из оберточной бумаги. В нем был видео сценарий, с примечанием от Дэйва Каваны, который написал просто: *«Это сценарий для спектакля на следующей неделе»*.

Эмори глянул на него. На титульном листе было напечатано «Безумие и фортуна», драма в двух действиях, Мэтью Виглан. А ниже стояла небольшая печать, означающая одобрение отдела сценариев. Он бросил сценарий на стол, подумав при этом, что от Виглана в нем осталось примерно столько же, сколько оставалось от Ли Ноерса в «Дымке желания». Сценарный отдел был способен уничтожить любой стиль любого писателя.

Но сейчас ему было трудно думать о таких вещах, как видеосценарий.

Он набрал номер Ли Ноерса и попал на его жену, белокурую женщину с напряженным лицом и пронзительным голосом.

— Ли нет дома! — почти что закричала она на него.

— Тогда где я могу его найти? Я Джон Эмори.

— Кто?

— Эмори. Я был режиссером его последней драмы «Дымка желания». — Эмори прилагал все усилия, чтобы его в его голосе не слышалось раздражения.

— А-а!.. — сказала она. — Ну, так он в своей студии, мистер Эмори. Ему не нравится, когда мешают, пока он работает. Даже не знаю, могу ли я дать вам номер...

— Все в порядке, миссис Ноерс, — спокойно сказал Эмори. — У меня есть этот номер. — Он прервал связь и набрал другой номер, глядя на пустой экран.

Ноерс долго не брал трубку. Эмори переключил аппарат на повторные звонки, зная, что писатель, рано или поздно, все равно возьмет трубку, и после десятого или одиннадцатого звонка он, наконец, ответил.

— Алло? — сердито проворчал он, и, увидев Эмори, тут же смягчился. — Как вы чувствуете себя сегодня, Джон?

— Озадаченным, — сказал Эмори. — Я только что разговаривал с Беккетом, но он ничего не мог мне сказать. Какого черта произошло со мной вчера вечером у него?

Ноерс замаялся.

— Должно быть, во всем виновато вино, Джон, — наконец, сказал он. — Вы сломались посреди фильма. К счастью, на вечеринке был

врач, он осмотрел вас и сказал, что ничего серьезного, просто нервная реакция – больше ничего. Поэтому меня выбрали отвезти вас домой и уложить спать. Я собирался позвонить вам после полудня, чтобы узнать как вы, но, думаю, что теперь это уже не нужно.

Очень интересно, подумал Эмори. Беккет ничего не сказал о врачах на вечеринке. Он уже обнаружил противоречие в этой истории и подозревал, что их будет еще больше. Слабое подергивание левого века Ноерса пробудило его подозрения.

– Со мной теперь все хорошо, – сказал Эмори. – Я уже не так молод, как прежде. Скажите, вы знаете эспера Хэдэфилда, который был с вами вчера вечером?

– Н-ну, да, – сказал Ноерс.

– Я бы хотел поговорить с ним. Как вы думаете, Вы можете дать мне его номер?

Ноерс покачал головой.

– У него нет телефона. Его вообще сложно найти.

– И как мне это сделать? – с усмешкой спросил Эмори. – При помощи доски для спиритических сеансов?

– Нет, есть кое-что получше. Послушайте, вы очень сильно хотите его увидеть, Джон?

– *Очень-очень* сильно. Я хочу, чтобы он сделал для меня удаленный контакт. С Румынией.

Левое веко Ноерса снова неудержимо задергалось. Но голос писателя был совершенно обычным, когда он сказал:

– Думаю, он может это устроить. Когда вы хотите увидеть его?

– К концу недели. Дайте подумать, так... сегодня среда. Что скажете о воскресенье?

– Я попытаюсь, – пообещал Ноерс. – Позвоните мне в субботу, ладно?

– Позвоню, – сказал Эмори и прервал связь.

Следующий час он потратил на чтение «Безумия и фортуны», нового сценария, который он читал с таким видом, с каким мог читать неизвестную и недавно обнаруженную комедию Шоу. Сценарий Виглана был стандартным и совершенно неотличимым от последнего сценария Ноерса. Персонажи, главный конфликт, даже стиль – все было совершенно идентичным, что и следовало ожидать от любого сценария, вышедшего из сценарного отдела.

Эмори читал его тщательно. Тайна его успеха крылась в том, что он даже к мусору относился так, словно это было настоящее произведение искусства, не позволяя себя думать ни о чем другом. Инопланетяне с Магеллановых Облаков вторглись на Землю, но, тем не менее, сценарий должен быть прочитан. Он мрачно прочитал примечание Ван Грабена на одиннадцать странице «*Тут нужно*

побольше остроты. Приложите все усилия, Джон». Какая любезность поначалу возмущала его, теперь же он едва обратил внимание на этот комментарий.

Он еще не закончил первое прочтение сценария, когда зазвонил телефон. Он нажал кнопку, но вместо того, чтобы на экране появилось лицо посетителя, на нем возникли просто красные и синие завитушки.

— Мы звоним по закрытой связи мистеру Эмори, тет-а-тет, — слышался яркий, но обезличенный голос. — Если мистер Эмори дома, не может ли он назвать свой код идентичности?

Такое требование было необычным, даже учитывая предыдущие события. Нахмурившись и терзаясь любопытством, Эмори набрал специальный код, которые знали только он и телефонная компания. После паузы пришло подтверждение оператора *«идентичность установлена»*, и завитушки на экране разлетелись в разные стороны, преобразовавшись в лицо инопланетянина.

— Добрый день, мистер Эмори. Говорит Карг.

— Чем могу быть вам полезен? — машинально сказал Эмори, глядя в лицо чужака, чтобы понять, нет ли на нем чего-либо подозрительного.

Но темно-синее лицо инопланетянина было совершенно непроницаемым.

— Я бы хотел назначить время нашей первой встречи, — сказал Карг. — Свободны ли вы завтра?

— Завтра я начинаю работу над новой пьесой. Как насчет пятницы?

— Вечер пятницы?

— День пятницы, — сказал Эмори. — Я мог бы добраться до вашего места в час — час тридцать дня. А еще я буду свободен большую часть субботы.

— Очень хорошо, — сказал Карг. — Значит, мы ждем вас днем в пятницу? Между часом и часом тридцатью.

— Я буду.

Больше инопланетянин не произнес ничего. Экран погас. Эмори оказался не способен ничего прочесть по его лицу, но ему не показалось, что отношение Карга как-то изменилось с прошлого их разговора. Они все еще не знали, что Эмори увидел документ.

Если, конечно, они не готовят ловушку.

Эмори погрузился в работу, вникая в проблемы «Безумия и фортуны», словно это могло избавить его от мыслей о Карге и меморандуме, который Эмори случайно удалось прочитать.

Эмори также беспокоила роль, которую в этом деле играли Ноерс и Беккет. Очевидно, они не говорили ему всю правду, или что-то подобное всей правде, о том, что с ним произошло на вечеринке.

Его сознательно опоили и передали инопланетянам... Вот только кто это сделал?

Внезапно он почувствовал пробежавший по спине холодок. А что, если все они – Ноерс, Беккет, Виглан и даже эспер – были в апартаментах инопланетян или находились под их влиянием? Тут явно был заговор с целью передать его в руки Карга. Вот только как узнать, кто стоит за этим заговором? Недовольные интеллектуалы, настолько уставшие от мира, что готовы передать его, Эмори, не спросив предварительного разрешения, инопланетянам?

Возможно. Все возможно. Тед Беккет и Ли Ноерс точно были озлобленными, несчастными людьми. Эмори легко мог представить, что они делают нечто подобное в качестве мести миру, которому не понравились их таланты.

Он покачал головой и снова вернулся к сценарию, и немедленно мысли об интригах и мести испарились из его головы. Пока он читал, в его сознании происходил какой-то любопытный процесс по превращению по-детски простенького сценария в пылающую страстями жизнь, пока каждый персонаж не занял определенную нишу в его голове, четко обрисованный, яркий, индивидуальный, в то время как Беккет и все прочие стали для него не больше, чем картонными фигурками в голливудском мультике. Эмори интенсивно работал на этом уровне, пока гудок автоповара не подсказал, что настало время обеда. Он механически прожевал стейк из хло-реллы с протеиновым сиропом, выпил чашку кофейного напитка, небрежно бросил тарелки в посудомоечную машину и вернулся к чтению, переполненный энтузиазмом реальным и совершенно не фальшивым, который испытывал по поводу будущей пьесы.

Он закончил работать в восемь тридцать. В голове у него уже сложилась четкая структура пьесы, он точно знал, в каком ритме она должна проходить, где и что нужно подчеркнуть, а где затенить. Такая работа была настоящим талантом Эмори, и он знал, что один может оценить все нюансы, которые встраивал в каждое свое произведение, и это лишь увеличивало его энтузиазм по поводу качества работы.

Тем не менее, он даже не подумает включить сегодня видеоэкран, несмотря на то, что нынче вечером покажут общественности «Дымку желаний». Эмори было совершенно неинтересно смотреть пьесу, с которой он уже покончил. Его привлекало лишь оригинальное творческое безумие, а не конечный продукт, который, как правило, был безнадежно неутешительным. Вечером в среду он никогда не включал свой экран, а, в качестве уже устоявшейся ритуала, слушал вместо этого старые оперные записи.

Сегодня вечером он выбрал «Воццека»*. Пьеса была на немецком языке, который он знал весьма хорошо, и Эмори слушал, прикрыв глаза и думая о Германии и других, теперь уже полузабытых странах по другую сторону Атлантики. Вот интересно, подумал он, для нынешнего поколения мир ограничивался Канадой на севере, Объединенной Империей Латинской Америки на юге, и океанами на востоке и западе. Германия была сказочной страной где-то в Европе, а где-то в другом месте Европы была Румыния, и там жил некто Филимон Григореску, второй агент инопланетян. Эмори попытался вспомнить карту Европы и Румынию относительно Германии, но память подвела. Он был уже весьма стар, а географию проходил еще в школе и изрядно забыл большую часть того, что знал тогда. «Воцтек» следовал своим капризным курсом. Он закончился одновременно с часом драмы, Эмори выключил аудиосистему и набрал номер студии.

Это была еще одна традиция. Ван Грабен, конечно же, был там, и Кавана там был, они оба, казалось, жили в Башне «Трансвидео». Эмори попросил любого из них, и к экрану подошел Грабен.

— Ну и как вам пьеса? — сразу же с ходу спросил Грабен.

— Великолепно, — солгал Эмори. — Отчеты уже поступили?

— Еще не все. Разумеется, пока что рано предвосхищать, но все выглядит просто великолепно. Интенсивность покупки продукта поднялась на четыре процента по сравнению с двумя на прежних выборках. Джаберсон вне себя от радости.

Вот вечно так и идет, подумал Эмори. Пара отметок в графике, и пьеса имеет успех.

— Как конкуренты? — спросил он.

— Мы еще почти ничего не получили от Хинки, но студия сама сделала анализ, и мы нашли любопытное наблюдение, что «Юниверсал» понизилась с девятого на десятое место. Они, вероятно, перерезают сейчас себе глотки. Так что вряд ли их пьеса была лучше. — Грабен улыбнулся, показав ровные, белые зубы, слишком одинаковые, чтобы быть естественными. — Ну, теперь мне нужно бежать. Меня уже зовут снизу. Еще раз поздравляю вас, Джон. А вот и Кавана.

Глава сценарного отдела выглядел менее восторженно, на его широком, рябом лице не было ничего от почти что истеричного счастья Грабена.

— Мне кажется, что мы все испортили, Джон, — сказал он.

* «Воцтек» - Опера в трех действиях Альбана Берга на либретто (по-немецки) самого композитора, основанное на одноименной драме Георга Бюхнера (прим. перев.)

— Что? Да Грабен вопит от радости. Вы всегда видите все в мрачном свете, Дэйв?

Это тоже было традиционным. Кавана упрямо продолжал:

— Грабен успокоится, когда сегодня вечером повидает Манди-Ричардсона. Вы помните то место, где герой штурмует жилище героини, что-то бормоча себе под нос?

— Разумеется, я помню его. И что там не так? — спросил Эмори.

— Сотрудники Манди-Ричардсона провели идеологическую проверку и оказалось, что каждый пятнадцатый человек уверен, что услышал слова «бар». *Бар*, Джон? Какой жалкий подтекст! Даже не знаю, как мы могли так промахнуться. Вероятно, нам придется уволить Ноерса за подобные трюки.

Ну, конечно, подумал Эмори. Только бы не обвинять себя в двусмысленности сцены, разумеется, сценарный отдел не мог ничего испортить, во всем винить нужно писателя. Вы нанимаете его лишь за тем, чтобы он служил козлом отпущения в подобных случаях, и за это платите ему весьма прилично.

— Ноерс хороший человек, — осторожно сказал Эмори. — Лучше подумайте пару раз, прежде чем сделать какой-либо серьезный шаг.

— Мы *никогда ничего* не делаем, не подумав, Джон, — сказал Кавана с какой-то внезапной подозрительностью. — Жалкий Манди-Ричардсон доставит нам проблем с клиентом. У нас не должно быть такого, Джон.

— Конечно же, нет.

Кавана пробормотал что-то о том, что его зовут, и прервал связь. Сердито нахмурившись, Эмори отвернулся от экрана. Кавана мог отыскать ошибки в чем угодно, а завтра начнется работа над новой пьесой нового писателя.

Видеофон зазвонил снова. Эмори прикрыл глаза, глубоко вздохнул и ответил. Это оказался Ли Ноерс, и выглядел он взволнованным. Прежде чем он успел что-то сказать, Эмори спросил:

— Вы видели пьесу сегодня вечером?

Ноерс нетерпеливо поморщился.

— Конечно же, нет. Да черт с ней, с пьесой! Послушайте...

— Это вы послушайте. Что-то пошло не так с рейтингом Манди-Ричардсона, и Кавана злится. Грабен еще не знает, что произошло, но лучше будьте на связи, когда он узнает. Уже ходят разговоры о том, чтобы сделать из вас козла отпущения, когда канал захочет выпустить пар.

— Да черт с ними, — огрызнулся Ноерс. — Как я могу волноваться о какой-то проклятой видеопьесе, когда страдает друг?

— О ком вы говорите? — с внезапной тревогой спросил Эмори.

— О Беккете. Полчаса назад к нему в квартиру ворвалась группа хулиганов и все там разнесла вдребезги. Они называли себя «Налетчиками Ривердейла» Вы слышали о таких? Они избили Беккета и включили воду в ванной. Он очнулся в воде почти в метр глубиной.

Эмори пробормотал короткое, резкое проклятие, затем спросил:

— Кто-нибудь поехал к нему?

— Виглан уже едет. Я тоже выезжаю, как только кончу с вами говорить.

— Может, мне тоже приехать?

— Пока что не надо, — ответил Ноерс. — Он сейчас в плохой форме, и мы не хотим переутомлять его. Но я решил сообщить вам, что произошло.

— Спасибо, — сказал Эмори.

Он холодно уставился на погасший экран. *«Налетчики Ривердейла»*, подумал он и сердито фыркнул. *Должно быть, они здорово повеселились со старым, беспомощным Беккетом.*

Теперь он понимал, что могло убедить таких людей, как Ноерс, буквально больных от бессмысленной жестокости и кипящей внутри ненависти, что человечество нужно стереть с лица планеты, а саму планету передать пришельцам. И Эмори с горечью понял, что мог бы сделать то же самое, если бы по нему ударили чуть-чуть сильнее. *«Налетчики Ривердейла»*, снова подумал он и выругался.

ПЕРВУЮ РЕПЕТИЦИЮ «Безумия и фортуны» назначили на следующий день, на восемь вечера. Работники шоу-бизнеса предпочитали работать после наступления темноты. Днем Манхэттен был забит народом, который слегка рассеивался с девяти до семнадцати часов рабочего дня. В восемь пополудни толпа в основном рассасывалась, и на работу заступал ночной народ.

Эмори работал над сценарием почти за шесть, с перерывами на обед, затем оделся и поехал. До прибытия в студию ему еще нужно было кое-куда заехать.

Было почти семь вечера к тому времени, как он добрался до подвальной квартиры Теда Беккета в Ривердейле. Беккет был у себя в изношенном сером халате, его сопровождал Мэтт Виглан.

Квартира выглядела местом катастрофы. На полу еще кое-где лежали несобранные тряпкой лужи, стены, очевидно, поливали из шланга, так как прилипшая серая бумага на них указывала места, где висели у Беккета копии картин Пикассо. В луже у самых ног Эмори плавала книга. Эмори увидел ее название: «Замок». Корочка была оторвана, и страницы свободно болтались на поверхности воды.

— Привет, Джон, — тихим, усталым голосом сказал Беккет.

На голове у него, как тюрбан, была толстая повязка, нижняя губа раздута, правый глаз подбит. Эмори увидел, что киноэкран, висевший позади него, стал в три раза короче.

— Почему это произошло? — спросил Эмори.

Беккет пожал плечами.

— Это давно уже должно было случиться. Живущие по соседству сидят, прижимая уши к стенам и подслушивая всякий раз, когда у меня идет показ фильма. Они, должно быть, и уведомили местный комитет линчевателей, что люди собираются здесь думать. Разумеется, они не могли допустить, чтобы такое продолжалось, поэтому... — Беккет пожал плечами, кивнув на разгром. — Они появились вчера вечером. Человек семь-восемь, в масках. Они прошли мимо меня и начали сваливать книги с полок. — Беккет задумчиво поглядел на мокрую кучу, которая была его библиотекой, и добавил: — Я рад, что они вырубili меня. Не хотел бы я быть в сознании, пока они творили все это.

Эмори стиснул кулаки.

— Полиция знает?

— Разумеется, знает, — сказал Виглан. — Я вызвал их, когда добрался сюда. Они прибыли, помогли ликвидировать воду, потом уехали. Вот и все.

— Разве они не будут проводить какое-нибудь расследование?

— Расследование? Не будьте так наивны, Джон.

Эмори резко поглядел на Беккета.

— Вы же знали, что это готовится, Тед. Вы могли бы уйти. Вы могли бы попросить нас приехать сюда. Вы даже могли бы попросить, чтобы мы наняли вам охрану. Но вы ничего не сделали. Почему?

— А какой в этом прок? — спокойно спросил Беккет. — Конечно, я знал, что это когда-нибудь случится. Я не пытался бороться с этим. Но и сдаваться я не хотел. Я никогда не позволю запугать меня и отказаться от того, чем я наслаждаюсь. Поэтому, в некотором смысле, я победил, хотя они здесь все разгромили. Понимаете, Джон?

Эмори кивнул.

— Понимаю.

До студии он добрался в десять минут девятого. Все уже были там, во главе с Грабенем и Каваной. Ни техников, ни операторов не было. Они появятся только через неделю, после того, как Эмори разработает черновой план пьесы. Сегодня вечером намечалось только прослушивание, поскольку Эмори лишь один раз прочитал сценарий и еще не принимался полировать то, что покажут в следующую среду.

Кавана поднял взгляд, когда он вошел.

– Добрый вечер, Джон.
– Привет, Дэйв. И Ван. Мы уже оправляемся от катастрофы прошлой ночи? Доходы уже начали поступать?

И у Грабена, и у Каваны были невинные лица.

– Что, черт побери, вы имеете в виду, Джон? – сказал Грабен.
– Мы поднялись на пять пунктов на П-И, и Хинки хватил удар. «Юниверсал» стонет. Вы что, шутите или как?

– Я имел в виду Манди-Ричардсон, – сказал Эмори.

– У него также все хорошо, – нахмурившись, сказал Грабен, искусственная улыбка главы редакции на секунду слетела с его лица, чтобы показать неудовольствие, потом, как обычно, вернулась обратно. – Что вас грызет, Эмори?

– Прошлая ночь, – терпеливо сказал Эмори. – Я позвонил вам, и Дэйв сказал, что мы потерпели поражение у Манди-Ричардсона, и это будет иметь немалые последствия. Разве он не сказал это вам?

Грабен повернул голову к Каване.

– Что?

Кавана неопределенно пожал плечами.

– Я теперь уже и не помню. Очевидно, это были ранние подсчеты или что-то вроде того. График выровнялся к полуночи, когда закончился подсчет на Побережье. Вчера вечером мы увидели великолепную работу, Джон, просто великолепную.

Эмори почувствовал тошноту. Эти теледеятели были ловкачами и пустышками, живущими лишь текущей минутой. Кавана уже забыл недавний кризис прошлой ночи.

– Вы слышали, что произошло с Тедом Беккетом? – спросил Эмори.

Грабен кивнул.

– Виглан позвонил и сказал, что его не будет здесь нынче вечером, он будет... э-э... ухаживать за больной тетей. Но он нам все рассказал.

– Я знал, что Беккет был неправ самого начала, – сказал Кавана.
– Я всегда это знаю заранее. Я уволил его, потому что он вечно отступал от положенных норм, знаете ли.

– Да, я помню это, – натянуто сказал Эмори.

– Ну, вот, теперь суд общественного мнения подтвердил это. Чем бы он ни занимался, он получил, что заслужил. И я вам говорю, что в ближайшие месяцы Ли Ноерс пойдет тем же путем. Еще один идеологический неверный сценарий, и...

Эмори закашлялся, прервав его.

– Я думаю, пора начинать репетицию, – сказал он и ушел, оставив Кавану с открытым ртом и очень желая плюнуть в этот рот.

Причем не слюной, а ядом.

— Все по местам! — рявкнул он. — Первая репетиция «Безумия и фортуны!»

Эмори сдерживался весь первый акт, потом, когда закрылся занавес, разразился горячей пятнадцатиминутной речью. К его облегчению, второй акт прошел немного получше. Эмори подумал о «больной тете Мэта Виглана» и о том, что бы сказали Грабен и Кавана, узнай они, что автор нынешнего звездного сценария солгал им и на самом деле в этот момент был у Теодора Беккета, ведущего подрывную деятельность и вообще уклониста. И что он сам, репетирующий ныне звездный сценарий, только что приехал от Беккета.

Разумеется, покатились бы головы, если использовать любимую фразу Каваны.

И тут Эмори вспомнил другую фразу из тайком прочитанного меморандума: «...необходимым ради мира во всей Галактике зачистить Землю от ее населения...».

Рэй подходит слева, говорила в это время какая-то часть его сознания, наблюдая за репетицией, а Пит справа, и они пытаются одновременно пройти в дверь. Понятно?

Зачистить Землю? А почему бы и нет? Зачем бороться, чтобы спасти Землю от пришельцев, зачем бороться, чтобы спасти жизни Грабена, Каваны, спасти Настоящих людей и их Настоящие проблемы в Современном Мире, а также тех семерых или восьмерых «Налетчиков Ривердейла», которые разгромили квартиру Теда Беккета?

Покачав головой, Эмори заставил себя обратить внимание на сцену. Сознательным усилием он загнал резко поднимающийся пессимизм вглубь сознания и сосредоточился на проблемах пьесы.

Финал «Безумия и Фортуны» прошел совсем уж вяло, и Эмори постоянно прерывал актеров, хватаясь за свой кнут. В одиннадцать пятнадцать вечера он, наконец, был удовлетворен и заявил, что репетиция окончена.

— Будьте здесь завтра в восемь вечера, — велел он. — И если вы не выучите свои реплики, то потрудитесь не показывать это.

Он отвернулся и сошел со своего подиума, мельком услышав комментарии Грабена насчет пьесы, и слова Каваны о прекрасной работе, которую провел его отдел, очистив пьесу от ошибок Виглана.

Пессимистическое настроение Эмори как рукой сняло. Возможно, древний совет Аристотеля был все еще в силе: пьеса, какой бы слабой она ни была, все равно каким-то образом очистила его от жалости к себе и страха. И теперь у него был ответ на мрачный вопрос, который он задал себе полчаса назад.

Возможно, Человечество действительно нужно зачистить с лица Земли. Но, подумал он, эту чистку должен проделать сам человек, а не трезвомыслящие существа с других звезд.

ОН ПРИШЕЛ на встречу с Каргом. Ровно в час двадцать следующего дня он стоял у зеркально яркого сфинктера двери, на котором висела табличка: «Карг и Ко. Только по записи».

Ну, ладно, можно считать, что он был записан. Эмори осторожно прикоснулся к поверхности сфинктера.

– Секундочку, мистер Эмори, – раздался голос их скрытого динамика.

Сфинктер открылся.

Эмори прошел по коридору до внутреннего сфинктера, который уже был открыт. Карг сам встретил его и провел через зал в комнату, где Эмори проснулся в среду. Вокруг было странно тихо.

– Здесь что, никого больше нет? – спросил Эмори. – Я имею в виду, вы же не единственный представитель своего рода на Земле, не так ли?

– Конечно, нет. Есть и другие. Другие есть здесь, в Манхэттене, несколько в Европе. Мы знаем, что на вашей планете между континентами почти нет связи, и выражаем надежду, что мы все же соберем максимально полную коллекцию.

Разумеется, подумал Эмори. Он заметил, что стол был свободен на этот раз от бумаг, а листок, который он задвинул ногой, уже подобрали.

Карг жестом указал на бирюзовое глубокое кресло из пены, стоявшее перед столом, и Эмори расположился в нем. При этом Эмори подумал, было ли это прелюдией к ловушке или сотрудничеству. Карг выглядел спокойным, темно-синие черты его лица были неподвижны, а твердые, яркие глаза смотрели в потолок. Казалось, он не спешил начинать беседу.

Карг сам сел позади стола, вытащил откуда-то табличку и стилус и сказал:

– Вы эксперт по драмам, мистер Эмори. Верно?

– Мне нравится так думать, – сказал Эмори полунасмешливо и полусмирно.

– Мы уже собрали хорошую библиотеку пьес, – сказал Карг. – Я прочитаю вам названия. При этом я хочу, чтобы вы оценивали пьесы по абсолютной шкале по снижающейся, самые ценные оценивайте единицей, потом идет двойка, и так далее вниз, до десяти. Вы можете это сделать?

– Наверное, могу, – сказал Эмори.

Абсолютная шкала ценностей, подумал он. Как будто такое может существовать в литературе. Но это образ мышления рас, которые летают по космосу и могут зачищать планеты от других разумных существ.

Он приложил все усилия, чтобы не рассмеяться. Карг безучастно улыбнулся ему и произнес первое название:

– «Гедда Габлер». Ибсен.

– Тройка, – тут же ответил Эмори. – Даже ближе к четверке.

– «Трагедия мстителя» Тернера.

– Двойка.

– «Кориолан» Шекспира.

– Я бы посоветовал взять всего Шекспира, – сказал Эмори.

– Мы составляем сейчас рейтинг отдельных вещей, – холодно ответил Карг.

– Тогда двойка.

– «Странствующий торговец» Бюсси д'Амбуаза.

– Пять.

Так продолжалось больше часа. Эмори энергично и ликующе делал поспешные суждения, высказывая с такой же скоростью, с какой инопланетянин читал названия пьес. Так он оценил «Доктора Фаустуса» ниже «Во имя любви», но это мало что значило для него. Невозможно сделать подряд полтысячи аттестации, а абсолютная шкала, какой требовал Карг, просто не существовала.

– Большое спасибо, – сказал, наконец, Карг. – Вы были чрезвычайно полезны. Теперь перейдем к музыке...

Прошел еще один утомительный час, Пока Эмори аттестовал композиторов, расставляя их по разрядам. Бах, Моцарт, Бетховен, Барток, Монтеверди он занес в первый разряд. Вагнера поставил слишком низко, а Корелли слишком высоко, но не потрудился исправлять свои рейтинги, когда сообразил это. Ситуация была той же самой, с какой он столкнулся, делая видеопьесы: люди, извлекающие выгоду из его таланта, просто не знали различия между хорошим и плохим, таким образом, было правильным все, чтобы он ни сказал.

– Я понимаю, что будут трудности при расположении всех этих работ, – сказал Карг, закончив свой список. Мы пока что собрали лишь несколько записей. Я надеюсь, вы поможете нам в этом.

– Я тоже надеюсь на это, – согласился Эмори, откашлялся и добавил: – От разговоров у меня пересохло в горле. Может, вы сможете...

– Конечно, – сказал Карг, нажал кнопку сбоку стола, и почти немедленно вошел второй инопланетянин, неся поднос. К своему

удивлению, Эмори увидел, что вновь прибывший во всех отношениях совершенно походил на Карга.

Эмори взял напиток – немного резкий, светлый, зеленовато-желтый.

Он медленно потягивал его, понимая, что это будет единственным отдыхом, пока не закончена беседа. И только тогда, когда он допил и поставил стакан на мерцающий поднос, он вспомнил, что все его проблемы начались со стакана очень похожего на это вина.

– Что это за напиток? – спросил Эмори.

Карг вежливо улыбнулся.

– Это немецкое вино. Его послали нам наши европейские агенты. Вам оно понравилось?

– Очень.

– При случае мы пошлем его вам домой. Считайте это частью оплаты от нас. А теперь вернемся к искусству...

Эмори прекратил консультацию в четыре тридцать, сказав, что должен подготовиться к вечерней репетиции. Он чувствовал усталость как физическую, так и умственную от выстраивания критических соображений и формирования скоропалительных мнений, а также глубокого напряжения по маскировке его истинных чувств от инопланетянина.

– Вы так скоро должны уходить? – спросил Карг.

– Боюсь, что так.

Эмори выбрался из кресла, и инопланетянин провел его по извилистому коридору к лифту и проводил, пробормотав выражение благодарности. Через полминуты Эмори уже оказался на улице.

Было около пяти, людские толпы вытекали из офисных зданий, собираясь уезжать домой. Какой-то нищий пошел по широкому проспекту прямо к Эмори, хромая на ярком хромированном протезе, его левая нога заканчивалась аккурат выше колена.

– Не дадите немного денег для нуждающегося человека, доктор?

Нищий глядел Эмори прямо в глаза. Над их головами со свистом проносились машины, развозя по домам жителей пригородов. Голос нищего был глубоким и резонирующий, Эмори понравился его тембр.

– Раньше я был актером, – сказал нищий. – Я играл в пьесах. Я потерял ногу в тюрьме, где сидел за отклонение от правил. Мои сокамерники устроили мне розыгрыш, который удался лучше, чем они рассчитывали. Так вы можете дать мне доллар, доктор?

– А Вы не боитесь показывать всем, что вы *девиационист*? – сказал Эмори. – Из-за этого можете потерять и вторую ногу.

– Я не говорю это всем подряд. Но вы другое дело. Я могу это определить по глазам. Так у вас найдется для меня доллар?

Эмори улыбнулся, достал бумажник и вынул из него пять свежих пластиковых банкнот.

— Вот, держите, — сказал он. — Милость от «Трансконтинентального Телевидео».

— Но ведь это *двадцать* долларов, мистер! Целых *двадцать* долларов!

— Я знаю, — сказал Эмори и пошел по гудящей, оживленной улице, ища местечко, где бы поесть и провести три часа, оставшиеся до репетиции.

Оглянувшись, он увидел, что нищий улыбается ему вслед, сжимая в руке банкноты Эмори.

Вы можете купить душу человека, подумал Эмори, *за пригоршню двадцатидолларовых бумажек*.

Усталый и удрученный, он увидел на углу терминал, снял с карточки наличные и с отвращением в ближайшем кафе поужинал блинами из морских водорослей, которые оказались несвежими и недоваренными, запивая их чуть-чуть теплым кофейным напитком из грязной чашки. Когда он сваливал грязную посуду на конвейер, то мельком увидел лицо, отражающееся в металлическом столбе, лицо, бледное и блестящее от пота.

СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ был субботой. Эмори, мучаясь от своей черствости, позвонил Ноерсу после полудня. Писатель оказался дома. Он смотрел с экрана на Эмори со слабой улыбкой, кривившей его губы, как будто он был самодовольно удовлетворен чем-то, о чем Эмори понятия не имел.

— Вы знаете, почему я звоню, не так ли? — сказал Эмори.

— Вы хотели увидеть эспера. Ок, Джон, я устрою вам встречу на завтра в три тридцать. Хэдэфилд будет вас ждать у себя дома.

— Где это?

— На острове, — сказал Ноерс. — Лучше возьмите оружие. Я встречу вас на Острове на станции возле автострады. Ровно в два тридцать.

Ноерс, как всегда, пришел точно в срок. Эмори добрался до изогнутого гласситового пузыря, который и был станцией Острова, в два двадцать девять, если верить горящим на главной башне радиочасам, А Ноерс был уже там, его худощавое лицо нервно подергивалось, он, ссутулившись в зале ожидания, постукивал ногой по полу.

— На Уровне Четыре нас ждет такси, — сказал Ноерс. — Он отвезет вас до Левитиауна. Хэдэфилд живет немного дальше, но это по другую сторону путей, и машина туда не пройдет. Вы вооружены?

Эмори кивнул на выпуклость под мышкой.

— У меня эта штука уже много лет, но я никогда ей не пользовался и надеюсь, сегодня ничего не изменится.

— Никогда не знаешь заранее, — сказал Ноерс.

На Уровне Четыре их действительно ждало такси, как и сказал Ноерс, турбоэлектрический двигатель машины нетерпеливо пульсировал. Такси, разумеется, было без водителя. Водитель сидел в удобном кресле в помещении с кондиционированием воздуха ниже по реке Гудзон, готовый вести машину при помощи дистанционного управления. Транспортные средства, управляемые человеком напрямую, были объявлены вне закона еще тридцать лет назад, как потенциально небезопасные.

Первый в машину сел Ноерс, за ним Эмори, и они тоже пристегнулись ремнями безопасности. Дверца закрылась, щелкнул замок. Теперь она не откроется, пока проезд не будет оплачен.

— Ладно, водитель, — сказал Ноерс в сетку приемо-передатчика над его головой. — Давайте поедем.

Машина тихо покатила по дороге, ведущей от станции к главному шоссе. Двигатель гудел все громче, и когда они доехали до шоссе, то передвигались уже километров девяносто в час. Такси легко влилось в транспортный поток, и понеслось по яркому шоссе, ведущему в мрачные трущобы Лонг-Айленд, на скорости сто пятьдесят километров в час.

Эмори молчал. Он смотрел, как проносится мимо пейзаж — кучи старых гниющих зданий, среди которых то тут, то там мелькали недавно построенные яркие башни проекта восстановления. Район за районом летели мимо отделенные, едва ли акром зелени, еще незастроенные земли. Эмори начало казаться, что три четверти из девятнадцати миллионов жителей Нью-Йорка жили здесь, на Острове, хотя он и знал, что это не так.

— Левиттаун, — сказал, наконец, водитель.

На счетчике было три доллара двадцать шесть центов. Эмори достал пять долларов, сунул банкноту в приемное отверстие и стал ждать чека и сдачу. Такси остановилось, только когда уже съехало с шоссе. Из отверстия вылезла сдача. Дверцы такси открылись сами собой.

Эмори и Ноерс поехали на эскалаторе вниз, на уровень земли. Эта часть шоссе была слишком старой, не оборудованной лифтами, поэтому им и пришлось ползти на эскалаторе.

Совершенно одинаковые здания ряд за рядом уходили на километры вниз от шоссе. Точнее, одинаковыми они были первоначально, но за много лет с ними произошла странная метаморфоза: каждый домовладелец или съемщик квартиры стремился сделать свое жилье непохожим на другие. Так что здания представляли со-

бой пестрое зрелище, они были окрашены во все цвета радуги без всякого плана и гармонии. Правда, краска на большинстве из них уже облупилась, что лишь увеличило количество пегих пятен. К домам, в дальнейших попытках отличаться от соседей, были при-собачены странные декоративные балкончики, дымоходы и другие подобные нарысты.

А еще грязь. Эмори по лодыжку утонул в глубоких кучах мусора, лежащих прямо на пешеходных дорожках. Ни у одного из зданий не было тепловых аннигиляторов мусора, а сборка его здесь была сомнительна и явно нерегулярна. По дороге Эмори подумал, что Ривердейл, конечно, грязен, но квартира Беккета выглядела практически антисептической по сравнению с тем, что он видел здесь.

— Сейчас на этот холм, потом на Улицу Красных Кленов, а затем направо. И держите ушки на макушке, — посоветовал Ноерс.

Эмори с улыбкой кивнул. Они пошли по указанному маршруту.

Тело они нашли на углу улицы Красных кленов, возле нужного поворота. Точнее, его нашел Эмори, практически споткнувшись о труп (он смотрел во все стороны, только не вниз), и издал приглушенный вздох, когда увидел его.

Это был труп человека, умершего дня три назад. Возможно, даже больше. Его горло пересекал аккуратный разрез, начинающийся под левым ухом и ведущий к кончику правой челюстной кости, карманы его брюк были вывернуты наизнанку и лишены своего содержимого. Грязное лицо трупа выглядело странно спокойным.

— Идемте, идемте, — проворчал Ноерс. — Вам что, нужны проблемы? Не хватало еще связаться с полицией.

— Мы просто уйдем и оставим этого человека валяться здесь?

Ноерс пожал плечами.

— Он ведь уже мертв, не так ли? Теперь вы ему не можете помочь. А вдруг тот, кто его убил, прячется вон за той горой мусора? Если вы будете продолжать пялиться на этот труп, местные подумают, что вы родственник, пришедший сюда, чтобы начать вендетту. Лучше пойдемте отсюда, Джон.

— Но...

Эмори замолчал, поняв, что сказать было нечего. Он постарался сдерживать дрожь отвращения, когда они свернули за угол. Маленький, очень грязный мальчик лет трех, практически голый, уставился на них, когда они проходили мимо. Женщина лет двадцати, — вероятно, его мать, — быстро схватила его когтистой рукой и утащила обратно в дом.

— Они держатся здесь подальше от улиц, не так ли?

— Как правило, да. Так вы проживете немного дольше. — Ноерс криво усмехнулся и добавил: — Если бы кто-то его купил, я написал

бы роман в этом месте. Этот район, похож на ад, а рядом солнечное шоссе, точно символ замечательных успехов Человечества. И всего лишь в сорока минутах езды от Манхэттена. А вот мы и пришли, — спокойно добавил он, когда они свернули на дорожку, ведущую к небольшому, обшарпанному дому, некрашенные стены которого делали его очень заметным на фоне бунта всех цветов радуги вокруг.

На почтовом ящике было написано имя *Крисли*. Ниже, более мелкими буквами, стояли имена: Брайан, Воррджек, Левин, Хэдэфи́лд.

— Эсперы склонны держаться вместе, — объяснил Ноерс, нажимая кнопку звонка.

Дверь открылась почти немедленно, без обычного интервала для того, чтобы хозяин дома успел посмотреть в глазок, кто пришел. Конечно, подумал Эмори, *зачем эсперам вообще смотреть в какие-то там глазки?*

Эмори увидел практически нежное внимание, написанное на округлом лице с тонкими чертами.

— Привет, мистер Эмори, — сказал Джилл Хэдэфи́лд.

ПСИОНИЧЕСКИЙ КОНТАКТ был совершенно новым опытом для Эмори. Он спокойно лежал на рваном диване в голой комнате Хэдэфи́лда, глядя на неподвижную фигуру эспера на полу, а иногда переводя взгляд на Ноерса, который с напряженным лицом расположился в самом темном углу комнаты. Хэдэфи́лд корчился так, словно испытывал муки. Странно спокойная улыбка пробегала по его лицу, чередуясь с гримасами настоящей боли. Эмори ждал.

Филимон Григореску, думал он. Просто имя на меморандуме, адресованном Каргу, на котором еще было написано относительно предстоящей зачистки жизни на планете Земля в системе Соль. И какую странную роль я играю вместе с этим Филимоном Григореску из Румынии? — подумал Эмори, наблюдая, как Хэдэфи́лд весь трясется в усилиях установить контакт.

Любопытно, подумал Эмори, что полный разрыв межконтинентальных коммуникаций совпал с внезапным и резким подъемом пси-способностей людей, словно блокада Европы и конфискация любительского радиооборудования заставили природу найти новые средства для связи. Эмори допускал, что многие, называющие себя эсперами, были либо мошенниками, либо несчастными, имевшими очень слабые силы, проявляющиеся внезапно и бесконтрольно. Но Хэдэфи́лд был иным. Он, казалось, испытывал мучение, корчась на полу, но это было восторженное мучение подлинного мистика, странная боль связи на каком-то глубоком уровне.

Внезапно он сел. Лицо его было белым, от него отлила вся кровь, но в глазах не было ни малейшего признака напряжения.

— Контакт достигнут, — прошептал он. — Будет задержка на минуту-другую. Дайте мне руку, Эмори.

— Вы уверены, что это будет абсолютно конфиденциально? — с тревогой спросил Эмори.

Хэдэфилд пожал плечами.

— Я уже говорил вам, что работаю, как коротковолновое радио. Ни одно ваше сообщение не останется у меня в памяти, все это пройдет через меня в Румынию, к вашему Григореску. И даже если бы я и мог настроить себя так, чтобы запомнить ваше сообщение, — чего я, уверяю вас, не могу, — то все равно хранил бы его в строгой тайне. — Внезапно он застонал. — Григореску найден. Теперь держите меня крепко. Когда вы отпустите мою руку, я вынужден буду прервать контакт.

Рука Хэдэфилда была холодной и мягкой. Эмори крепко стиснул ее и закрыл глаза. *Филимон Григореску, я хочу поговорить с вами. Филимон Григореску...* Внезапно в его голове возникло странное изображение: темно-фиолетовый коридор, затем целая сеть пересекающихся коридоров, сложных, запутанных, сходящихся и снова расходящихся, протянувшуюся чуть ли не на полмира...

И в темноте появился свет. Яркое, твердое желтое пятно света, которое устремилось вперед, точно пылающая звезда, судорожно сверкающая...

— *Я Филимон Григореску*, — раздался тихий голос.

И тут же Григореску возник перед его мысленным взором целиком: низенький, коренастый человек, очевидно, большой физической силы, с глубоко посаженными глазами и тяжелым, мясистым носом, конец которого почти касался верхней губы. Эмори видел его так же ясно, словно стоял перед ним в затемненной комнате. А Григореску терпеливо глядел на Эмори, удивляясь, очевидно, зачем его вызвали. Внезапно Эмори понял, что это человек верующий и цельностный.

— *Кто вы?*

— *Меня зовут Джон Эмори. Я американец. Вы знаете, что такое Америка, и где она находится?*

— *Разумеется. Что вы хотите от меня?*

Вместо ответа Эмори передал четкий мысленный образ Карга. Это подействовало. Григореску, казалось, отпрянул.

— *Вы знаете, кто это такой?*

— *Это Карг. А откуда вы знаете его?*

Значит, инопланетянин назвался Григореску тем же самым именем, который знал Эмори. От румына поступило такое же яркое изображение чужака.

— Я... Ну, помогаю Каргу здесь, в Америке, — сказал Эмори. — Подбираю для него произведения искусства, которые он хочет забрать в свой мир.

— И я тоже. Сначала я был изумлен, когда они появились у меня, но я преодолел свое изумление и страх, и теперь помогаю им.

Эмори вздохнул, чувствуя, как металлические пружины дивана впиваются ему спину.

— А вы знаете, зачем Карг и его друзья находятся на Земле?

— Учатся. Собирают знания. Хотят узнать нас.

— Нет, — резко сказал Эмори.

— Нет?

— Послушайте меня, — сказал Эмори и передал визуальный образ листка, который видел четыре дня назад, во время первой встречи с Каргом.

Образ был отчетлив и ясен, поскольку Эмори хорошо сосредоточился.

Долгий момент на другой стороне стояла абсолютная тишина, и Эмори уже было подумал, что контакт прерван. Но когда он так решил, Григореску внезапно заговорил с гневом и негодованием, сила которых буквально ударила по Эмори.

— Ведь при таком контакте невозможно лгать, правда? — спросил Григореску. — То, что вы мне показали мне, существует на самом деле?

— Да, — ответил Эмори.

— Тогда меня обманули. Все мы преданы. Значит, — я Иуда, предатель, предатель...

— Вы ничего не знали. Это не ваша вина.

— Что же теперь нам делать?

Хэдэфилд пошевелился, и Эмори понял, что у него осталось очень мало времени.

— Ничего не делайте, продолжайте работать с пришельцем, и, что бы ни случилось, не позволяйте ему понять, что мы знаем их реальные цели. Я сумею снова вступить с вами в контакт, а тем временем просто храните тайну. Я разрабатываю план против них.

В ответ от румына на Эмори хлынула волна благодарности. Хэдэфилд снова пошевелился. Затем образ Григореску дрогнул, пошел пятнами и внезапно лопнул, точно проколотый воздушный шарик.

Шок от разрыва контакта и возвращения к действительности на секунду ошеломил Эмори. Он понял, что с ужасной силой стискивает руку Хэдэфилда, выпустил ее и увидел отпечатки своих пальцев на бледной коже эспера.

Он сел и огляделся. Хэдэфилд неподвижно лежал на полу, будто внезапно уснул. Ноерс откинулся на спинку стула, небрежно перекрестив ноги.

– Все закончилось? – спросил Ноерс.

– Да, – сказал Эмори, удивленный тем, что его голос прозвучал каким-то хриплым шепотом. – Я вступал в контакт. Разве вы ничего не слышали?

– Вы оба все это время были в трансе. Я ничего не мог слышать.

Ноерс наклонился и осторожно потряс Хэдэфилда. Залитое потом лицо эспера было все еще словно каменным от сосредоточенности, затем он медленно открыл глаза.

– Удовлетворительным ли был контакт? – спросил он.

– Даже очень, – ответил Эмори. – Но скажите, вы помните что-нибудь из всего того, что было сказано?

Хэдэфилд покачал головой.

– Нет. Ни слова.

Эмори мрачно улыбнулся.

– Надеюсь, что вы говорите правду. Но если вы подслушивали, то держите все это в тайне. Ли, давайте, поедem домой. Я очень устал.

Хэдэфилд проводил их до двери. Эмори последний раз взглянул на худощавое, с большим носом лицо эспера, с любопытством глядящее на него, а затем дверь закрылась. Обратно до эскалатора, поднимающегося на шоссе, они шли молча, и проделали этот путь без всяких происшествий.

СИДЯ НАПРОТИВ него, Ноерс уставился на экран Восточных каналов на стене квартиры Эмори.

– А как бы вы отреагировали, если бы я вам сказал, что мир находится в ужасной опасности? – спросил Эмори.

Ноерс медленно и очень невесело улыбнулся.

– Понятия не имею. А он в опасности?

– Вы знаете больше, чем показываете, – ответил Эмори. – Но мы пока что оставим это. Предположим, я вам скажу, что будущее человечества зависит от восстановления контактов между странами мира и уничтожения этих барьеров связи, которые имеют место уже целых тридцать лет? Если я скажу, что либо мы объединимся против общего врага, либо нам конец?

Ноерс сделал большой глоток из стакана, который держал в руке, его веко чуть подергивалось, пока он смотрел на Эмори.

– Почти целый век между полушариями длилась вражда, – тихим голосом сказал Ноерс. – Она никогда не перерастала в настоящую войну, я имею в виду стрельбу, захват территорий и тому подобное. Но эта вражда переросла в пропагандистскую войну. А теперь Аме-

рика, Россия, Латинская Америка и Азия спрятались в свои защитные пузыри, и, если бы не эсперы, между ними не было бы вообще никакой связи. Еще несколько поколений, и никто в Америке даже знать не будет, что в мире существуют и другие страны. А затем какой-то парень из двадцать пятого века, этакий Колумб наоборот, внезапно откроет Европу и...

— Не будет никакого двадцать пятого века, — сказал Эмори. — Мы не доживем до этого времени, если в течение ближайшего года барьеры не уничтожат. Земля будет завоевана.

— Кто же ее завоеует?

Эмори красноречиво поднял взгляд к потолку.

— Вы можете этому не верить. Но пришельцы уже на Земле и готовятся к вторжению.

За этими словами последовала тишина, которая, казалось, длилась вечность. Ноерс застыл, уставившись на Эмори так, словно смотрел *сквозь* него.

— Джон, вы пересмотрели «Детский час ужасов» Марка Белфорта. А, может, вы сами режиссировали его?

— Я же сказал, что Вы не должны верить этому. Я сам едва верю. Но возьмем в качестве гипотетического случая в следующее: учитывая инопланетных захватчиков, как вы предлагаете спасти Землю?

Века Ноерса судорожно задержалось.

— Разумеется, вы не можете просто рассказывать всем об инопланетянах направо и налево. Никто вам не поверит.

— А если я создам пришельца?

— Это была бы ваша последняя работа. Но все равно, сначала необходимо восстановить контакты между странами. Вот когда это сделаете, тогда можете создавать своего пришельца и показывать всем общую угрозу. — Ноерс сокрушенно покачал головой. — Но не простая эта работа — восстанавливать контакты. Три поколения американцев научились ненавидеть Европу, как рассадник чумы. Молодежь сейчас едва знает, что такое Европа вообще. Благодаря нашим чудесным средствам массовой информации была проделана прекрасная пропагандистская работа.

— Пропаганда работает в обе стороны, — сказал Эмори. — А видеоаудитория у нее в плену. Не менее пятидесяти миллионов телезрителей в нашей стране лучше отрежут себе руку, чем выключат вечером телевизоры.

— К чему вы клоните?

— Предположим — всего лишь предположим — что несколько человек приступили к изменению национальной точки зрения, сдвигая ее подальше от изоляционизма. Намек здесь, газетная статья там... Это ведь можно сделать, не так ли?

— Каким же образом? Я могу вставить какие-нибудь подобные рассуждения в сценарии, но отдел Дэйва Каваны все равно выкинет их из него, тогда зачем вообще стараться? Видео слишком уж подвергается цензуре.

— Кавана не имеет никакого контроля над фактическим производством. Мы заставим несколько актеров выучить наизусть ваши оригинальные реплики. Ночь работы — и наши активы укрепятся печатными листовками. — Эмори секунду стиснул руки и добавил: — Мы могли бы заставить прийти на помощь дикторов. А также народные гитаристы могут добавлять нужные нам намеки в свои песенки. Мы будем продолжать работать в этом направлении целый год, и в общественном мнении постепенно вырастет понятие, что в мире существуют и другие страны, что они нам не враги, и что мы можем жить с ними мирно. Затем мы складываемся деньгами, покупаем девяносто минут времени видеоэкрана и устраиваем захватывающее реалистическое шоу, которое решает исход дела. Никто не может подвергнуть его цензуре перед выходом, так как *мы сами* и будем спонсорами?

— Они могут отключить нас от эфира, — заметил Ноерс.

— Конечно, могут. Но это всего лишь сильнее возбудит общественность. Мы забросим крючок в первой части шоу, и, если нас отключат, аудитория захочет узнать, почему. Это будет нелегко, но я думаю, что нам удастся такое повернуть. А затем, наконец, мы уберем из законодательства закон о барьерах и...

— Вы говорите так, словно это можно сделать за один год, — сказал Ноерс. — Но вы ошибаетесь. Три, пять, возможно, десять лет, но не год. Потребуется уйма времени, чтобы снова соединить разрозненный мир.

Эмори встал.

— У нас есть только год, Ли. Я не придумал этих инопланетян. Они здесь и готовы уничтожить всех нас.

— Джон...

— Хорошо, — рявкнул Эмори. — Не верьте мне. Давайте просто рассматривать это, как интеллектуальную игру: сможем ли мы, будучи влиятельными руководителями самой большой массовой среды Америки, управлять общественным мнением таким образом, что сможем вызвать возрождение интернационализма? Назовем это просто Проектом. И установим для него крайний срок в год.

— Но это же подрывные действия. Это *девиация*!

— Разумеется. Так вы можете?

Ноерс тепло улыбнулся.

— Помогу, — сказал он. — Мне неважно, есть пришельцы или никаких пришельцев не существует.

СЛЕДУЮЩИЕ НЕСКОЛЬКО дней были у Эмори очень занятыми. Он проводил ночные репетиции «Безумия и фортуны», которая в середине недели претерпела изменения и стала «Плотью и безумием». Изменение названия пришло из отдела Дэйва Каваны, который объяснил, что, согласно общим правилам, дающие деньги спонсоры и их продукты теперь должны быть исключены из названия драмы. Оказалось, что это пришло от Манди-Ричардсона, исследователи общественного мнения которого придумали, будто многие зрители подсознательно негодуют на таких спонсоров, и нужно избегать вставлять в пьесу название продукта клиента, чтобы не будоражить аудиторию.

Внимательный наблюдатель, возможно, мог бы заметить, что Эмори не уделял все свои силы повторно переименованной пьесе, вот только не было никаких внимательных наблюдателей. Эмори следил, чтобы работа, которую он проделывает, текла сама собой, и ему не приходилось бы прилагать дополнительных усилий, чтобы вдохновлять состав исполнителей. Силы Эмори были нужны совершенно в другом месте.

Ежедневно по три часа в день он встречался с Каргом, и они с пришельцем быстро шли по спискам произведений искусств землян и их культуре. В основном, работа Эмори теперь состояла из создания таких списков. Он подготавливал длинные каталоги самых прекрасных картин в мире, и, как заверил его Карг, будут почти немедленно сделаны копии этих картин. Как пришельцы планировали получить доступ к ним, Эмори не знал, и это его не заботило. Возможно, у них была целая международная сеть людей-сотрудников, готовых для них посещать музеи.

После встречи с Каргом он возвращался домой, совершенно истощенный, с полным упадком сил и бледным лицом. Его утомляло бесконечное создание списков, а также усилия, которые он прилагал, чтобы в любом случае носить свою маску. Карг, казалось, вообще никогда не уставал. И никогда не говорил и не намекал, что на Земле он находится совершенно для другого, чем изучение земной культуры. Иногда Эмори даже спрашивал себя, не был ли тот листок просто галлюцинацией — но он знал, что у него слишком ясная и острая память, а воспоминания о листке слишком яркие, чтобы эта записка была менее реальной, чем сам Карг.

У Эмори образовалась привычка после встречи с пришельцем посещать *релаксومات*. Его нервы требовали разгрузки, и обычно у него было несколько свободных часов, которые он мог потратить, прежде чем ехать на студию. Кроме того, *релаксومات* автоматически давал ему вход в повседневный мир, мир той самой массовой

аудитории, с которой у него было так мало общего и которой он надеялся управлять.

Репетиция, как всегда, была назначена на восемь вечера. Карга он покинул в пять. *Релаксомат* был яркой пещерой на подуровне соседнего транспортного шоссе, и Эмори пошел туда.

Там его знали в лицо, но не по имени. Дежурные в белых смокингах вежливо кивнули ему. Он арендовал шкафчик, разделся и нырнул через низкую дверь в комнату для расслабления. Там он нашел незанятый расслабитель и лег.

Тут же теплая жидкость, а, скорее, желе, хлынула вокруг, его тело лежало в ней, точно на мягкой резиновой подушке. Он откинулся назад, позволяя напряжению вытечь из мышц, заботясь лишь о том, чтобы держать голову выше поверхности жидкости. Его окутала теплая дрема, он почувствовал себя защищенным, безопасным, расслабленным.

Расслабитель по форме напоминал матку. И это было не просто совпадение дизайна.

С первых же секунд расслабления Эмори выкинул из головы все мысли и отдался неге. Затем открыл глаза и огляделся.

Яркие, но не ослепляющие огни освещали плиточный пол. Эмори увидел торчащие из чанов расслабителей четыре лысеющие головы мужчин, с закрытыми глазами, с растянутым в глупых улыбках ртами и чрезвычайным спокойствием на лицах. Но эти мужчины не дремали, а лениво переговаривались. Эмори нетерпеливо прислушался к их беседе.

— Вы смотрели вчера вечером шоу Херли, Джек?

— Никогда не пропускайте его. Жена просто подсела на него. Не знаю, чтобы мы делали без Херли по понедельникам вечером.

— У этого человека есть здравый смысл. Если он что-то говорит, то это всегда оказывается верным. Это ведь идет из души, понимаете?

— Ну, конечно же! Я верю в него, Фред.

Эмори улыбнулся, снова прикрыл глаза и опустил в ванну. Херли. Однажды он встречался с ним. Это был один из доморощенных философов, всегда популярных на видео. Эмори запомнил, что нужно как можно скорее увидеться с ним.

Но только не сейчас. Через некоторое время, но не сейчас. Сейчас нужно расслабиться. Можно скользнуть в это тепло, расслабиться, подремать. Тепло. Спокойствие. Здесь можно перестать думать, здесь можно вообще ни о чем не думать.

Здесь можно забыть, что над миром нависла зловещая тень, и вся ответственность лежит именно на мне. Так сбрось эту ответственность. Расслабься... Расслабься...

Расслабься, чтобы в душе растворилась холодное ядро страха и напряженности. Внезапно Эмори очнулся. Это ядро не сможет смыть никакой расслабитель. Можно забыть о чем угодно, но только не об этом внутреннем страхе.

Он поднялся из ванны. К нему сразу же скользнул дежурный.

— Обтирания, сэр? Упражнения? Механостимуляторы?

Эмори нетерпеливо покачал головой.

— Не сегодня, Джо. Как-нибудь в другой раз.

У него было большое искушение воспользоваться этими предложениями, но Эмори отмахнулся от них. Нужно было кое-что срочно сделать.

ХЭЛ ХЕРЛИ был костлявым, стройным человеком ростом за метр восемьдесят, носил свободную габардиновую рубашку, ярко зеленые брюки и домашний дюропластовый нашейный платок, повязанный сложным узлом. Казалось, он излучал здоровье, достоинство, силу и очарование. Открытая улыбка указывала на его искренность и теплоту. Вряд ли было удивительно, что его монологи, сделанные в традиционном домашнем стиле, станут так фантастически популярными среди американцев. Казалось, он подвел итоги всех подсознательных коннотаций населения, носящего ярлык «американцы».

Но кое-чего американцы не замечали в нем, а Эмори, будучи весьма проницательным знатоком характеров получше средних телезрителей, немедленно уловил это. Что-то вспыхивало в глазах Херли, а также легкое напряжение мышц челюсти возникало всякий раз перед тем, как он непринужденно улыбался. И все это говорило о прозорливости и амбициях, находящихся почти что на грани жадности.

— Может, вы дадите мне какую-нибудь роль в вашей пьесе, мистер Эмори? Например, главную роль? — сказал он.

Его голос был глубокий, он мягко произносил согласные, как уроженец Новой Англии, и медленно тянул гласные, как истинное дитя Юга, а также четко выговаривал окончания слов, что характеризовало в нем жителя Среднего Запада. Короче, все слои населения страны были воплощены в нем одновременно. Они находились в офисе Херли в Башне «Трансвидео», роскошно меблированном местечке, которое странно отличалось от простых, казалось, вкусов Херли-публичного.

Эмори медленно кивнул.

— Точно ничего не обещаю, но руководитель группы кастинга принимает решения, предварительно посоветовавшись со мной. Поэтому мы и имеем такой успех. Мы могли бы написать пьесу

непосредственно под вас или, скорее, под характер такого доморощенного типа, какой вы воплощаете. Вам был бы это нетрудно – вы бы просто играли Хэла Херли по имени Джо в какой-то там видеодраме.

Херли облизнул губы, явно что-то подсчитывая.

– Вы думаете, это будет благоприятно для моей карьеры, мистер Эмори? Я бы не хотел разочаровывать свою публику.

– Я покажу ей настоящего вас. Кроме пятидесяти тысяч долларов, которые вы получите за участие в моем «Часе драмы», вы создадите себе гарантированное будущее. Подумайте сами, Херли: вы не единственный такой сейчас в эфире. Род Гарсон из «Юниверсал» вполне соперничает с вами по рейтингу, а есть еще много других. Вы не можете вечно держаться в первой строке. Когда-нибудь вы да споткнетесь. Ну, а после участия в драме у вас всегда будет обеспеченное будущее. Используйте же это сейчас для своей выгоды. Когда вы появитесь в моей пьесе, вы привлечете не только своих постоянных зрителей, но и моих. Да мы удвоим ваш рейтинг!

– Если это так, я ваш всей душой, – спокойно сказал Херли. – Я всегда смогу указывать на рейтинг той пьесы, когда буду говорить с вице-президентом компании. Кажется, я начинаю понимать вашу точку зрения, Эмори. Но именно польза от участия в пьесе и беспокоит меня.

Эмори стиснул зубы и сказал:

– Вы никогда не получите ни одну роль в видеопьесе за просто так. Я всего лишь прошу, чтобы вы вставили в свое шоу несколько невинных замечаний.

– Но это же подрывная деятельность, мистер Эмори. *Девяцация!*

– И что с того? Никто ничего не заметит. Вы поразите зрителей так глубоко, что они и думать ни о чем не будут, пока дело не будет сделано. – Эмори глубоко вздохнул и сделал следующий ход. – В конце концов, вы же убедили всех, что вы верный семьянин, Херли, когда давно уже стало, практически, общепринятой истиной, что у вас есть любовница.

– Ладно, – прервал его Херли. – Вы играете какую-то сложную игру, мистер режиссер Эмори. Я не знаю, какие у вас намерения, но мы заключим соглашение. Вы дадите мне главную роль в одной из ваших пьес, а я в своей программе гарантирую, что вставлю несколько подрывных замечаний. Но предупреждаю вас, что они будут тонкими. Очень тонкими. В них не будет ничего откровенного. Иначе я могу лишиться работы.

Эмори смотрел, как исчезает имидж доморощенного философа. Херли стал теперь бизнесменом, прямым и жестким. Эмори протянул ему руку.

— Тонкие замечания — это все, что нам нужно. Так и должно быть. Мы заключаем соглашение?

— Заключаем, — сказал Херли, обмениваясь с Эмори рукопожатием.

На следующей неделе Эмори глядел шоу Хэла Херли, заставляя себя слушать бесконечную пустую болтовню и выносить плохую игру на гитаре в течение почти часа, задаваясь вопросом, собирается ли Херли поступить в соответствии с соглашением или нет. Контракт, по которому Херли предлагалось сорок пять тысяч долларов за одно появление в «Часе драмы», с возможностью продолжения, уже лежал неподписанный в столе Эмори.

Шоу почти закончилось. Внезапно, в перерыве между игрой на гитаре, Херли усмехнулся своей улыбкой, покоровившей сердца тысяч зрителей, и заявил:

— Мой дедушка был великим любителем путешествий. В свое время он объездил весь наш мир — а умер он в девяносто восемь лет — и раньше он пел мне некоторые хорошие песенки из стран, лежащих за океаном. Сейчас мне вспомнилась одна древнеанглийская мелодия, которую я услышал, сидя на коленях у старика, когда еще носил детский комбинезончик...

И Херли начал играть что-то, в чем Эмори с трудом узнал «Зеленый листок», замаскированный обычным его стилем игры на гитаре. Но среди аккордов и устойчиво повторяющимся ритмом Эмори все же сумел различить знакомую, старую мелодию. Он улыбнулся.

Херли получит свой контракт. Семя брошено в землю. Первое нападение на барьеры, разделяющие мир, стало набирать ход. Даже самый простой намек на то, что за океаном есть какие-то страны, которые сочиняют подобные песенки, был уже достоин того, чтобы взять Хэла Херли на главную роль в видеопьесе.

Позже Эмори позволит себе стать более открытым. Но сейчас была необходима осторожность, пока компания не пошла полным ходом.

Следующим шагом нужно встретиться с Родом Гарсоном, конкурентом Херли в студии «Юниверсал», и сообщить ему, что Херли взял новый курс и начал поддержку интернационализма. Гарсон был достаточно умен, чтобы подражать любой идее, придуманной Херли, и скоро «Юниверсал» должен тоже заболеть этой лихорадкой.

У Эмори были также и другие планы. Подумав о них, он улыбнулся. Для развития компании требовалось изящно возрождать классические пьесы и Эмори чувствовал почти такое же острое наслаждение, какое, возможно, чувствовал бы, работая с пьесами Расина или Мольера. Постепенное внедрение сотен мелких наме-

ков, небольших нюансов, почти незаметных тонкостей, должно привести к одному великому кульминационному моменту. *Такая работа*, радостно думал Эмори, *будет моим самым большим триумфом, как режиссера!*

ПРОШЛИ ТРИ недели. Они были наполнены сложными маневрами на многих уровнях, тщательным, придирчиво запланированным размещением подтекстов тут и там в различных видеопьесах. Эмори развивал свой заговор, словно прирожденный заговорщик.

Он продолжал ежедневные встречи с Каргом, и пока сидел в тихом кабинете, все вроде бы было безмятежно. Они с инопланетянином систематически перебирали произведения мирового искусства, и Эмори так строго контролировал себя, что даже не допускал не единой мысли об истинной цели Карга, пока находился в присутствии инопланетянина. Он даже странным образом полюбил это существо. Карг выказывал яркое, безграничное рвение учиться, что произвело на Эмори впечатление, а также он был открыто дружелюбен и весел.

К тому же, в Башне «Трансвидео» Эмори работал неистово, часенекко отводя того или иного актера в сторону, чтобы пояснить ему особые оттенки фраз, несколько раз изменял реплики пьесы на заключительной репетиции. К счастью, Кавана и Грабен уделяли внимание какому-то другому месту, давая Эмори больше свободы, чем у него могло бы быть, если бы они присутствовали на всех репетициях, как делали время от времени.

И *релаксомат*, ухо Эмори, прижатое ко всему миру, показывал признаки кое-каких изменений. До него доходили обрывки разговоров: в некоторых репликах Эмори узнавал свои собственные рассуждения, внедренные в пьесы.

Он видел, что его работа не проходит даром, и радовался. Общественное мнение постепенно изменялась. Оставалось еще много времени, до того, как Карг улетит со своей коллекцией, и вместо него появится армия захватчиков.

Хэл Херли появился в новой пьесе, которую поставил Эмори, а написал Ли Ноерс, и все рейтинги подскочили на астрономическую высоту. Херли, Ноерс и Эмори получили премии и похвалы от Грабена. Кавана оставался на заднем плане, кисло бурча поздравления.

Эмори иногда встречался с Беккетом, Нойерсом, Вигланом и некоторыми другими, из которых сформировалась основная группа, агитирующая за антиизоляция. Они были полны идеей и энтузиазма, но Эмори видел, что все смотрят на него, как на лидера. Он единственный находился в таком положении, что мог прямо дей-

ствовать через пьесы. Остальным препятствовал отдел сценариев и другие формы цензуры.

Шли дни. Эмори получил сценарий от Мэтта Виглана под названием «Гордость, ведущая к падению», в котором было спрятано не менее четырех скрытых интернационалистических ссылок, избежавших топора сценарного отдела, и, засучив рукава, принялся за работу, готовя пьесу к следующей неделе. Но от работы его оторвал неожиданный телефонный звонок.

Он схватил трубку.

– Да? Кто говорит?

В ответ на экране появилось квадратное, непривлекательное лицо Дэйва Каваны. Глава отдела сценариев выглядел еще более мрачным, чем обычно, в его твердых глазах то и дело сверкал какой-то огонек, а тонкие губы были плотно сжаты и бледны.

– Что вам, Дэйв? Я занят новым сценарием Виглана, – раздраженно сказал Эмори. – Концепция все еще не разработана, и...

– Вы могли бы прерваться, чтобы повидаться со мной? – спокойно спросил Кавана.

Эмори пожал плечами.

– Я буду в студии в восемь вечера на репетиции. Что, если я загляну к вам где-то около семи тридцати? Ладно?

– Нет, не ладно, – сказал Кавана. – Я хотел бы увидеть вас прямо сейчас.

Что-то в его тоне подсказало Эмори, что лучше не спорить. Вскипев в душе, он спокойно сказал:

– У меня есть планы на этот день, Дэйв. Это так срочно?

– Да. А насколько срочны ваши планы?

– Так себе.

– Тогда сломайте их об колено. Я буду ждать Вас через час.

Эмори почувствовал, как по спине катится холодный пот. Как бы высоко ни было его собственное положение, Кавана стоял все равно выше него на иерархической лестнице – а строгое соблюдение иерархии было законом видеобизнеса. Кавана очень редко давил так на Эмори. Вероятно, у него были серьезные основания и какие-то особые причины сегодня. У Эмори были мысли насчет этих причин, и он надеялся, что окажется неправ.

КАВАНА СИДЕЛ за широким столом из натурального дерева, отполированном так ярко, что его отблески заставили Эмори вздрогнуть. В поведении главы отдела сценария или в его голосе, когда он заговорил, не было совершенно ничего дружеского.

– Садитесь, Джон. Сигарету?

Эмори машинально взял сигарету и небрежным движением большого пальца отщелкнул самовозгорающуюся капсулу. Он дважды затынулся и стал ждать.

— У меня здесь сценарий, — сказал Кавана. — Ли Ноерс прислал его этим утром. Возможно, вы знаете, что я читаю все сценарии, которые лично посылают наши писатели, и даю рекомендации отделу относительно необходимых изменений, которые они должны туда внести.

— Знаю, — сказал Эмори.

Кавана достал из стола твердую зеленую картонную папку и резко открыл ее. В ней лежала стопка напечатанного сценария. Эмори прочитал вверх ногами название: «Мистер Миллер встречает любовь» Ли Ноерса. В принципе, эта пьеса была достаточно безопасна. Miller подумал о том, что туда мог вставить Ноерс.

Кавана подхватил выскользнувшую из папки записку.

— Я внимательно прочитал эту пьесу, так же внимательно, как читаю каждую пьесу, которая ложится на мой стол, особенно когда она подписана Ли Ноерсом. Это очень интересная пьеса. Но в ней есть семь различных интернационалистических намеков плюс один диалог на ту же тему, так что, в общем, пьеса совершенно безнравственна. И написано неаккуратно. Такая пьеса вызывает у старого театрала, как я, лишь содрогание, Джон. Я даже не могу ее отправить в отдел.

— Контракт Ноерса допускает определенный процент брака, не так ли? — натянуто сказал Эмори. — Почему вы побеспокоили меня из-за какой-то паршивой пьесы? Я ведь не агент Ноерса.

Кавана улыбнулся, и улыбка его была не из приятных. Перед Эмори мелькнули кривые желтые зубы. В отличие от Ван Грабена, Кавана не потрудился заменить свои натуральные зубы белоснежными искусственными.

— Я отвечу по порядку на все ваши вопросы, Джон. Во-первых, контракт Ноерса больше ничего не допускает. Я аннулировал его контракт час назад, и на данный момент Ноерс уже у нас не работает. Разумеется, причиной я назвал девиационизм. Все его пьесы переполнены им.

Эмори нахмурился, но ничего не сказал. Ноерс уже много недель ждал, когда опустится этот топор. Вероятно, в этой пьесе он зашел слишком далеко, возможно, даже сознательно ускорив события.

— Во-вторых, Джон, а также и в-третьих, я побеспокоил Вас по поводу этой пьесы, потому что обнаружил определенные нездоровые тенденции в вашей собственной работе. Например, пьеса, которая прошла в прошлую среду, содержала целых четыре реплики, которых не было в одобренном сценарий, вышедшем из моего отдела.

– Я ничего не знаю об этом, и...

– В этих репликах, – спокойно продолжал Кавана, доставая отпечатанный листок бумаги из ящика стола, – упоминаются блюда, которые в ходу в латиноамериканских странах, а также рис, являющийся основным продуктом восточных стран, один случай из английской истории, и намек на безрассудное поведение французских женщин. Четыре прямые и интернационалистические ссылки, и всех их не было в пьесе после того, как мой отдел очистил сценарий.

У Эмори зашумело в ушах, так что он едва слышал голос Каваны. Он уставился на его лицо, ставшее почему-то шире обычного, на тонкогубый рот и покрытые прыщами щеки. А ледяной голос Каваны все жужжал и жужжал у него в голове.

– Это показалось мне весьма странным, Джон, и я перепроверил ваши последние три пьесы. И еще более странным показалось то, что все они внезапно возникли после шоу Хэла Херли, а также вскоре после того, как Херли сыграл главную роль в вашей пьесе от четвертого мая.

Эмори почувствовал, что в горле у него внезапно пересохло.

– К чему вы ведете, Дэйв? Вы называете меня девиантом?

– Я просто предупреждаю вас, а никем не называю... пока что. Вы один из самых наших прекрасных режиссеров, Джон. Я бы не хотел, чтобы вы пошли дорогой Теда Беккета и Ли Ноерса.

– Вы косвенно обвиняете меня в подрывной деятельности. Вы обвиняете меня в тех вещах, которые внезапно появились в моих постановках.

– Да вовсе нет! – рявкнул Кавана. – Не надо говорить за меня. Я просто обращаю Ваше внимание на определенные случайные ошибки и выражаю надежду, что вы сумеете избежать их в будущем. Иначе...

– Иначе что?

– Иначе, мы, с сожалением, будем вынуждены аннулировать ваш контракт, Джон. Это причинило бы нам боль. Мы уважаем вас и ваш талант. А вы – *талант*, Джон, что очень редко в нашем бизнесе. Вы настоящий талант.

– Не надо осыпать меня стандартной видеолестью, – вспыхнул Эмори. – Это у вас не очень убедительно получается, Кавана.

– Ладно, – сказал Кавана очень тихим голосом, который был гораздо опаснее, чем любой гневный крик. – Буду говорить на чистоту: мы собираемся очень тщательно контролировать ваши постановки. Если что-то найдем, то просто уволим вас. Наш бизнес не может вынести подрывной деятельности. Нам не нужны проклятые девианты-уклонисты, наполняющие головы наших зрителей грязью и интеллектуальным мусором. Понятно?

– Вот теперь я все понял, – сказал Эмори. – Спасибо, что ясно объяснили мне, Дэйв.

– Пожалуйста. Я надеюсь, что вы прислушаетесь к моим словам, Эмори. Вы не такая уж крупная фигура, чтобы мы не могли вас сломать. Каждое мое слово уже получило одобрение Грабена. Мы долгое время наблюдали за вами. И не потерпим всякой дряни. В конце концов, у нас есть обязанность перед нашими зрителями. И мы должны думать о наших клиентах. Мы...

– А теперь вы злитесь, Дэйв. Успокойтесь.

Эмори усмехнулся прямо в лицо главе сценаристов, встал, погасил сигарету об атласную оборку стола Каваны, повернулся на каблуках и ушел.

Он спустился на лифте в свой кабинет, находящийся на десять этажей ниже кабинета Каваны. Там он набрал номер Ноерса. Как только худое лицо писателя появилось на экране, Эмори сказал:

– Кавана только что вызывал меня на ковер. Он сказал, что уволил вас.

– Примерно час назад. Я думаю, он выявил несколько тайных вставок в моей последней пьесе. Я справлюсь, хотя...Мой агент уже договаривается, чтобы я писал пьесы для «Юниверсел» за полцены под другим именем.

– Хорошо. Но Кавана перехитрил меня, он раскрыл всех нас.

– Что именно он сказал?

Эмори коротко пересказала ему беседу с Каваной. Ноерс нахмурился, криво усмехнулся и, наконец, заявил:

– Другими словами, у нас теперь в запасе мало времени. И вас тоже могут подцепить на крючок в любой день, Джон.

– Да знаю я. – У Эмори внезапно пронеслось в голове, а стоит ли так рисковать, стоит ли вести дальше этот безумный заговор и жертвовать собой, не лучше ли отказаться от своих планов, но он выкинул эту мысль из головы. – Сколько наличных мы можем немедленно собрать?

– Девяносто видеоминут стоят пятьсот тысяч, – сказал Ноерс. – Я не могу много дать в виду моей нынешней безработицы. Не больше, скажем, тридцати тысяч. Мэтт Виглан даст еще сто тысяч. А вы сколько?

– Я тоже дам сотню тысяч. Беккет мало чем может помочь, но участие может принять еще Херш Каймэн.

– Тогда денег нам хватит, – сказал Ноерс. – Я напишу сценарий. Вы подберете актеров. Виглану мы позволим вести переговоры, разумеется, через его агентов, так как он единственный из нас находится на хорошем счету, насколько нам известно. – Ноерс усмех-

нулся и добавил: — Мы свалим их, Джон. Мы действительно их прикончим.

— Надеюсь, что так, — сказал Эмори.

ПЬЕСА БЫЛА названа «Нет больше барьеров», девяностоминутная видеофеерия, и все средства массовой информации за последние недели были переполнены ее рекламой. Эмори удалось собрать больше миллиона на производство, половина из которого пошла на оплату времени «Трансвидео», а остальное на рекламу и зарплаты сотрудников. Режиссер, сценарист и часть команды работали бесплатно, что значительно уменьшило расходы.

Пьеса пробудила огромный интерес, который рос с каждым днем, приближавшим ее выход в свет. Имена Джона Эмори и Херли были наиболее заметными в связи с нею, Эмори в качестве режиссера, а Херли как звезда экрана. На самом деле, Эмори с самого начала знал, что Херли не появится в пьесе. Люди, которые примут участие в создании «Нет больше барьеров», все, без исключения, закончат свою карьеру в видеобизнесе той ночью. Херли не хотел подвергать опасности свое будущее — но он принял тридцать тысяч долларов за использование своего имени при условии, что в конце пьесы будет объявлено, что он отказался от участия в ней.

Эмори уговорил его пойти на это. Имя Херли было огромным активом. Разумеется, люди, которые буквально фанатеют от него, будут смотреть пьесу, по крайней мере, первые десять минут. А именно эти минуты имели значения.

Что касается спонсора программы, то весь канал и любой сотрудник знал, что время для этой пьесы купила организация под названием Лига Свободы. Все видеоканалы продавали время лицам, предлагающим самую высокую цену, так и тут человек вел все переговоры через агента по имени Бартироун и подписал документ, в котором было обещано, что клиент не планирует показать пьесу атеистическую, безнравственную, подрывную или девиационистскую. Это была страховка, необходимая видеоканалу. Несколько позже Лига Свободы отказалась от услуг отдела сценариев.

— Кавана очень упрямствовал, — сообщил Бартироун Эмори. — Он настаивал, что все используют его отдел, и никакая пьеса не выходит в эфир без печати одобрения отдела. Но в нашем договоре купли-продажи нет ни единого пункта, где было бы обязательно, чтобы мы непременно пропустили пьесу через отдел Каваны. Он говорит, что это поможет позже в случае неприятностей с законом.

— Передайте ему, — сказал Эмори, — что у Лиги достаточно денег, чтобы пойти на любой судебный процесс, который может быть воз-

бужден, таким образом, мы сами поработаем над пьесой не хуже сценарного дела.

Каване так и передали. Он принялся возражать, но, к своему удивлению, обнаружил, что нет никаких способов заставить спонсора использовать сценарный отдел, если спонсор того не хочет.

Эмори проводил репетиции с командой актеров и обслуживающим персоналом по утрам, днем сидел с Каргом над списками произведений искусств, а вечерами выполнял свою обычную работу по выпуску очередной пьесы. Это был напряженный график, но он постепенно втянулся. Он обратился в детективное агентство, чтобы они нашли одного одноногого нищего, выпрашивающего подаяние в Манхэттене, и когда его нашли, Эмори предложил ему пять тысяч за исполнение главной роли в новой пьесе. Бывший актер, разумеется, принял это предложение.

Постепенно все шло на лад. Тед Беккер написал воззвание «Люди всех стран, объединяйтесь!», и нашел, где можно размножить этот листок. Пресса работала день и ночь, готовя сто миллионов жителей к взрыву бомбы, Эмори даже нанял эскадрилью вертолетов, чтобы распространять рекламу с воздуха.

Эмори жил по твердому расписанию. Причем для этого ему пришлось разделиться на три части. Одна его часть работала с Каргом и была отделена от другой части, которая готовила еженедельную видеопьесу, а обе они были полностью отгорожены от той части, которая по утрам трудилась над «Нет больше барьеров». Дни мелькали, как телеграфные столбы за окнами вагона. С рекламных плакатов телефакса буквально кричали аршинные слова:

«СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ! НЕ УПУСТИТЕ ВИДЕО СЕНСАЦИЮ ГОДА!»

В *релаксомате* Эмори услышал разговор:

- Ты собираешься смотреть завтра вечером эту пьесу?
- Наверняка. Почему бы и нет, после такой-то рекламы?
- Вот и я тоже. Мне чертовски любопытно, что это будет за пьеса?

И вот наступил четверг. Днем часы ползли, как улитки. Эмори выпросил у Карга на сегодня перерыв и провел весь день в *релаксомате*, бесполезно пытаясь сбросить накопленное напряжение.

В семь тридцать он поймал такси в жилой части города и поехал в студию. Это была единственная пьеса, на которой он собирался присутствовать.

ПЬЕСУ ПЛАНИРОВАЛОСЬ показать в тридцать четвертой студии Башни «Трансвидео». Это была запасная студия, редко используемая, и Эмори выбрал ее по одной причине: в отличие от

крупных студий наверху, эта могла быть полностью отрезана от нежелательных посетителей. И, конечно, было необходимо удерживать сотрудников канала как можно дольше, когда они поймут, что это идет за пьеса.

Трое из состава исполнителей Эмори уже стояли на страже у узкого входа в студию. Его они впустили внутрь без проблем, потому что знали в лицо.

— Мистер Грабен только что был здесь, — сказал один из них. — Но он не сказал, чего хочет.

— Вы впустили его?

— Конечно же, нет. Да он и не пытался войти.

— Хорошо, — сказал Эмори. — Если появится Кавана, скажите ему, что меня здесь нет. Не медлите ни секунды. Если он появится, обязательно уведомите меня.

Он вошел в студию. Виглан был уже там, а также Ли Ноерс, Тед Беккет, и еще несколько человек. Эмори присоединился к ним.

— У вас были какие-нибудь затруднения с проходом в студию? — спросил он.

Ноерс покачал головой.

— Я просто попросил пропустить своих спонсоров. Они не поверили, но не стали спорить. Может, потому что я показал пропуск.

Эмори снабдил всех теневых членов предприятия пропусками, определяющими их как представителей клиента. А спонсорам невозможно было отказать, даже если этим спонсором являлся Тед Беккет.

Эмори поглядел на часы. До начала пьесы оставалось еще три четверти часа.

— Все на местах? — спросил он. — Операторы готовы?

Ноерс кивнул.

— Все здесь и готовы. Они не знают, что будут участвовать в девизионистской пьесе, это скоро поймут все. — Он указал на троих дополнительных членов группы. — Вот эти парни будут поддерживать актеров во время хода пьесы. Не думаю, что они создадут какие-нибудь проблемы.

— А еще мы запрем, разумеется, аппаратную, — сказал Беккет. — Никто не сможет остановить нас, не обрезав главную магистраль. Конечно, это займет у них время.

Эмори отстранено кивнул. Теперь, когда все было готово начаться, он чувствовал себя спокойным и уравновешенным. Он увидел своих ведущих актеров, стоящих возле стойки с камерой, и направился к ним, чтобы еще раз напомнить им ключевые реплики.

За десять минут до начала пьесы кто-то прикоснулся к его рукаву и сказал:

- Пришел мистер Кавана, сэр.
- Один?
- Да, сэр.
- Ладно. Пропустите его сюда и закройте за ним дверь в студию.
- Эмори усмехнулся. – И приготовьте хорошую прочную веревку. Вам понятно?

Кавана ворвался в студию, точно буря, сметая всех со своего пути. Добравшись до Эмори, он без всякой преамбулы заявил:

- Ну, и какой же трюк вы придумали на этот раз, Эмори?
- Боюсь, что я не понимаю вас, Дэйв.
- А я боюсь, что вы прекрасно все понимаете! Охранники студии внизу сказали мне, что Ноерс и Беккет пришли сюда с пропусками спонсоров! Как, черт побери, это произошло? И кто все эти актеры? Они вообще не работают на канале! Почему вы не дали мне заранее просмотреть сценарий этой пьесы? – Говоря, он хмурился все сильнее и под конец потребовал: – Что это вообще за пьеса, черт побери?

– Это девяностоминутная девиационистская пьеса, – спокойно ответил Эмори. – Думаю, это будет забавно.

Кавана сделал шаг назад. Мгновение он молчал, словно прикусил себе язык, затем сказал:

- Девиационистская пьеса? Джон, не шутите так со мной.
- Я сказал вам чистую правду, – ответил Эмори.

Внезапно Кавана пришел в себя. Он развернулся и побежал в двери, крича:

– Вы все арестованы! Это измена! Эта пьеса не может пойти в эфир!

С этими криками он добрался до двери.

– Держите его, парни, – тихим, но властным голосом сказал Эмори.

Появились два актера и схватили Кавану. Эмори подошел к ним и увидел белое от ярости лицо руководителя сценарного отдела.

Кавана вырвался на свободу, и Эмори схватил его. Он был почти на голову выше Каваны и вдвое тяжелее.

– Руки прочь! – рявкнул Кавана. – Вы все арестованы. Как только я выйду отсюда...

– Вы не *выйдете отсюда*, – сказал Эмори и кулаком ударил Кавану в скулу.

Кавана отпрянул, словно ужаленный, лицо его было мертвенно-бледным от ярости, и внезапно он выбросил руку, целясь Эмори в грудь. Эмори заблокировал его удар быстрым движением левой руки, а правой ударил Кавану снизу в подбородок. Кавана пошат-

нул, Эмори ударил его в живот, и руководитель сценаристов потерял сознание.

– Свяжите его и отнесите в кладовую, – велел Эмори. – Держите двери студии закрытыми. – Он взглянул на часы. – Все по местам. Начинаем двухминутный отчет.

Он занял место в дальнем конце студии, а пораженные операторы с белыми лицами готовили свою аппаратуру. «Нет больше барьеров» была готова начаться.

Пьеса открылась кратким приветствием и прологом, состоящим из быстрого исторического пересказа мировых событий. Актер, отобранный за сильный, энергичный голос, рассказал о разделении между полушариями после Второй мировой войны, и, по мере того, как шли годы, стали появляться все новые барьеры, пока, фактически, война стала невозможна, но уровень идеологии вознесся на небывалую высоту.

Он продолжал рассказывать, как волна из изоляционизма распространилась по стране во время прошлого поколения, как, подобно черепахе, Америка прервала все контакты со странами по другую сторону моря.

До сих пор это был только рассказ. Затем ведущий сказал:

– Эти барьеры существовали слишком долго. Мы верим, настало время для того, чтобы их убрать, чтобы мир снова объединился в гармонии, со свободной торговлей и контактами между странами.

На сцену вышли четыре скудно одетые девушки, как представители других стран, предназначенные для того, чтобы смягчить острый укол девиационистского выпада. И началась пьеса. Тут же зазвонил телефон студии.

– Я возьму трубку, – сказал Эмори, направившись в звукоизолирующую кабинку.

Там он взял трубку. На экране появилось лицо Грабена. На этот раз руководитель редакции утратил свое вечное глянцевое спокойствие.

– Джон, что, черт побери, там происходит? Почему закрыта дверь в студию?

– Просто так проще, – пожал плечами Эмори. – А почему бы и нет?

– Вы не можете выпустить в эфир эту уклонистскую грязь, – сказал Грабен. – Где Кавана?

– Он здесь, в студии. Но вы не можете поговорить с ним, с ним приключился... э-э... небольшой несчастный случай, и мы вынуждены были связать его, чтобы помешать ему причинить себе вред...

— Мы отключим вас! — бессвязно забормотал Грабен. — Мы бросим вас всех тюрьму на долгие годы! Джон, вы с ума сошли? Почему вы делаете это?

— Да просто так вот, — сказал Эмори и повесил трубку.

Он вышел из кабинки и почти немедленно был перехвачен Ноерсом и Беккетом.

— Звонил Грабен, — сказал Эмори. — Он начал наверху смотреть пьесу, и теперь просто безумствует. Скорее всего, нас отключат в любую минуту.

— Им потребуется, по крайней мере, десять минут, чтобы добраться до главной магистральной линии. К этому времени все уже будет сделано, — сказал Ноерс. — А через десять минут после этого до нас доберутся парни из безопасности. Джон, сообщите всем, чтобы в ту же секунду, как нас отключат, они бежали. Они не смогут поймать всех.

Но Эмори лишь улыбнулся.

— У бедного Грабена, должно быть, случился инфаркт! Сто миллионов зрителей глядят весь этот уклонизм!

Пьеса длилась ровно шестнадцать минут, на шесть минут больше, чем рассчитывал Ноерс, когда писал сценарий. И за эти шестнадцать минут прошла такая открытая интернационалистическая пропаганда, какой Америка публично не слышала уже четверть века.

Эмори сидел в дальнем конце студии посреди тесно сплотившейся группы и смотрел, как идет пьеса. Он чувствовал в груди теплое удовлетворение. Его заключительная видеопьеса была лучшей. Актеры, не являвшиеся сотрудниками канала (хотя большинство из них работало тут какое-то время, прежде чем их выкинули по обвинению в девиационизме) играли отлично, доводя до зрителей все скрытые нюансы Эмори, которые он так любил и которые были так необходимы в подобных постановках. Они играли так, словно ими управляла чья-то невидимая рука.

Что же касается воздействия пьесы на население, приученное верить всему, что они видят на видео... Эмори просто был не способен оценить это воздействие. Противники интернационализма действовали тупо и прямо. Цензура вырезала любые возможные интернационалистские намеки, и власти думали, что таким образом могут сохранить изоляционизм. Но вместо этого они высушили его и надоели народу хуже горькой редьки. Эмори думал о том, что сообщает разные агентства по опросу.

Восемнадцать минут. Девятнадцать.

— Вероятно, Грабен к настоящему моменту уже добрался до магистральной линии, — сказал Ноерс.

Секунду спустя, прежде чем кто-то успел согласиться или начать спорить, свет замигал и погас. Софиты умерли. Яркое оранжевое сияние сцены медленно растворилось в темноте. Эмори тут же запрыгнул на сиденье стула и закричал:

— Народ, послушайте меня! Нас отключили, но, думаю, мы им дали хороший пинок. Теперь нужно как можно быстрее убираться отсюда. Идите, но не бегите, к двери... А как только окажетесь снаружи, неситесь, как ветер, во всех направлениях. Постарайтесь не бежать все вместе, а рассыпаться в разные стороны. Тогда они не смогут поймать всех. — Он спрыгнул со стула. — Отпереть дверь студии! — крикнул он.

— А что делать с Каваной? — спросил Ноерс.

Эмори пожал плечами.

— Нам не нужны заложники. Оставьте его здесь. Его найдут достаточно быстро.

В полумраке он видел, как открылась дверь студии, и участники пьесы побежали через нее, все еще в костюмах: некоторые девушки полуголые, а многие мужчины в диких иностранных нарядах. Секунду Эмори смотрел на это, пока Ноерс не дернул его за рукав.

— Идемте, Джон. Вы будете интересовать их прежде всех всего. Давайте, уходим!

Эмори побегал, появился в зале и увидел как Грабен и еще несколько сотрудников канала кричат и машут руками на бегущих актеров, но безопасников пока что не было видно.

— Держитесь подальше от лифтов! — закричал Эмори. — Вероятно, они уже охраняются вооруженными охранниками, и там всех поймают. — Он взглянул на Ноерса и добавил: — Идите туда, мы должны разойтись.

И сам он пошел в противоположном направлении, по обшитом панелями коридору, мимо каких-то кабинетов, складских помещений для софитов и камер. Позади он слышал крики.

Вот и лестница. Он включил фонарик и побегал вниз, перепрыгивая сразу через три ступеньки, и одной рукой крепко держась за перила. Нужно много времени, чтобы пробежать тридцать четыре лестничных пролета. Он все бежал и бежал, бесконечно бежал вниз, и стук каблучков отчаянно разносился в тишине.

При этом его охватила странная бодрость, тем более странная в беглеце. Сердце его стучало, все чувства оказались обостренным. Крики позади становился все тише с каждым лестничным пролетом.

Когда он достиг уровня улицы, то увидел припаркованные перед огромной Башней серые грузовики Корпуса безопасности. Эмори

несколько секунд постоял, чтобы выровнять дыхание, глядя, как к зданию мчатся безопасники. Он надеялся, что большая часть труппы уже убежала и сейчас находится на пути к трущобам, которые они называли своим домом. Еще он подумал о том, будет ли сопутствовать удача его главному, безногому актеру и сумеет ли он убежать, а затем подумал, сумеют ли убежать Беккет и Ноерс.

Затем он вышел из здания, подняв воротник, хотя стоял теплый июльский вечер. Возможно, его узнают из-за роста, а, может, и нет. Но Эмори понимал, что нужно идти, причем идти быстро, пока все не закончится, так или иначе.

Быстрым шагом он прошел на Пятидесятую стрит, а там нырнул в магазин. Продавец стоял за продовольственным прилавком и что-то передвигал на полке. Эмори спокойно и быстро прошел к будке видефона-автомата у дальней стены магазина, и его не заметили.

Вероятно, ему все же придется куда-нибудь пойти. Разумеется, сегодня вечером небезопасно возвращаться домой, а, может, он вообще никогда не сможет вернуться туда. Конечно, в первую очередь он должен покинуть территорию города вместе с пригородами.

Но у него еще было кому обратиться за помощью. Он сунул монету в прорезь и набрал номер Карга.

Затем он стал ждать, ожидая появления на маленьком, старомодном экране будки уже знакомое лицо инопланетянина. Но телефон продолжал звонить... тринадцать, четырнадцать, пятнадцать раз. Эмори недоуменно смотрел на свое отражение в темном экране. Почему Карг не отвечает? Где сейчас могут быть инопланетяне?

Эмори раздраженно повесил трубку, набрал оператора и дал ему номер Карга.

— Дело очень важное, — сказал он, — а я почему-то не могу связаться. Может, вы попробуете за меня.

— Разумеется, сэр, — раздался ровный, словно механический, голос, но экран оставался мертвым, а минуту спустя тот же голос сказал: — Простите, сэр. Этот номер удален из книги.

— Что значит удален? Что это значит?

— Это значит, что тот, кто использовал этот номер, покинул свой адрес проживания и больше не хочет пользоваться телефонной связью, сэр. Мне очень жаль, сэр. Могу я что-нибудь еще сделать для вас, сэр?

— Нет-нет, — сказал, нахмурившись, Эмори.

Он повесил трубку и услышал, как звякнула монета в коробочке возврата. Карг уехал? Когда? Куда?

Он открыл дверь будки. Часы над продовольственным прилавком показывали девять тридцать. Прошел всего лишь час с тех пор, как

все завертелось. Эмори сунул никель в прорезь телефакса, думая о том, успели ли что-то написать о пьесе в девятичасовом выпуске?

Из прорези, слегка трепеща, появилась бульварная газетенка. Эмори схватил ее, прежде чем высохли чернила, и начал просматривать. Нет, ни единого упоминания о какой-то необычной пьесе этим вечером. Или было еще слишком рано, чтобы об этом сообщил факс, или власти решили сознательно проигнорировать существование этой пьесы. *Последнее наиболее вероятно*, подумал он.

Ссутулившись, он подошел к прилавку и заказал сэндвич. Экран магазина, как увидел Эмори, был настроен на канал «Трансвидео», но там показывали какое-то безвкусное варьете.

Он ткнул большим пальцем в сторону экрана.

— Эй, Мак, сегодня ведь вроде бы должно пойти что-то захватывающее? Что-то там о барьерах?

Человек за прилавком был робкий, маленького роста, с острым подбородком и постоянно отворачивающимися глазами, к тому же он носил странные розовые контактные линзы.

— Вы хотите сказать, — хихикнул он, — что не слышали, что произошло?

Эмори подался вперед.

— Нет. А что произошло?

— Транслировалось какая-то безумная пьеса о других странах мира и о том, что мы должны подружиться с ними. И все в таком же духе. А затем, минут пятнадцать-двадцать спустя, пьеса внезапно прервалась, и диктор объявил о технических трудностях. — Маленький человечек внимательно поглядел на Эмори и добавил, снизив голос: — Только между нами, дружище, могу сказать, что программа явно была *запрещена цензурой*. И теперь все делают вид, что мы ничего не видели и не слышали.

— Звучит вполне правдоподобно, — кивнул Эмори.

— Правдоподобно и очень плохо... Приходящие в магазин люди постоянно спрашивают об этой пьесе. Канал же потеряет всех клиентов, когда будет так отключать все, что ему захочется.

Эмори принялся громко жевать сэндвич.

— Я думаю, видео работники осторожно относятся к тому, что показывают.

— Может быть, даже слишком осторожно, — сказал продавец. — Не то, что бы я имел в виду... — Он замолчал.

— Я понимаю, — сказал Эмори, заплатил по счету, снова поднял воротник и вышел в безлунную, беззвездную ночь.

Его внимание привлекло какое-то настойчивое жужжание, он повертел головой, поднял взгляд и увидел, как над городом висит

вертолет. И что-то летело из его открытых дверей, какие-то листки бумаги, словно сорванные ветром осенние листья.

Листовки, подумал Эмори.

Вертолет полетел дальше, а листы медленно планировали на землю. Их будут подбирать, их, возможно, будут читать и, возможно, люди даже поймут то, что в них написано.

Возможно, да. А, возможно, и нет. Но попробовать стоило.

Семя девиации было посеяно. Пустит ли оно корни, которые будут заметны всем? Подняв голову, Эмори, — мимо вершин городских башен, сквозь темный туман, скрывающий город, сквозь облака, закрывшие небо, — уставился ввысь. В темноте не было видно ни одной звезды, но Эмори знал, что они есть, яркие точки за темнотой. Сердце его упало, когда он подумал о гигантской задаче, которую все еще предстоит выполнить, прежде чем человечество будет готово защитить себя от Карга и его соплеменников.

Он покачал головой. Карг наверняка одержит победу, Земля падет под пяту захватчиков. *Но, по крайней мере*, подумал Эмори, *я попытался. Я попытался.*

Внезапно ему снова захотелось поговорить с Григореску, рассказать румыну, что он сделал, и, возможно, узнать, исчезли ли инопланетяне и из Румынии. К тому же, Левиттаун был хорошим местом для игры в прятки. И он решил поехать к эсперу Хэдэфилду.

Он огляделся в поисках стоянки такси и уже заметил ее, освещенную неонам, когда позади кто-то засвистел и пронзительно закричал.

— Вон он! — кричал кто-то. — Вон этот Эмори!

И тогда Эмори побежал.

СТОЯНКА ТАКСИ была почти в половине квартала дальше. Пока Эмори бежал, позади него по тротуару гремели шаги. Не оглядываясь, он вбежал под навес стоянки, промчался вниз по лестнице, параллельно эскалатору и лифтам, и перепрыгнул через турникет. Никто его не остановил.

Задышавшись, Эмори добрался до многочисленных проходов, ведущих к машинам, и выбрал тот, над которым горящая вывеска гласила: «Автострада на Остров». Он все еще слышал позади звуки шагов преследователей, когда пробежал под вывеской и помчался по эскалатору вверх, не дожидаясь, пока тот сам понесет его, и остановился уже на уровне автострады.

Там он увидел ожидающую машину и прыгнул в нее.

— Левиттаун, и побыстрее, водитель.

Секунда, пока открывались и закрывались реле в главном центре управления транспортной системой, и автомобиль скользнул впе-

ред. Теперь впервые Эмори оглянулся и увидел, как на платформе Автострады появились неясные фигуры в серой форме безопасников, но тут же его такси стрелой умчалось в ночь.

Он увидел, как стрелка спидометра пробежала по циферблату до цифры сто пятьдесят, и там и осталась. Шоссе было плохо освещено. Благодаря автоматическим устройством безопасности, делающих невозможными аварии, не было никакой нужды в лишних расходах, поэтому Эмори не мог знать, гонятся за ним или нет. По дороге в Левиттаун он должен оторваться от преследователей, потому что не хотел привести сотрудников Службы безопасности прямо к Хэдэфилду.

Справа и слева пролетали пригороды. Эмори понял, что сел в общественное такси, которое легко будет перехватить. Если полиция узнает, в каком он автомобиле, все, что им останется сделать, это связаться с Транспортным центром, откуда с автострады автомобиль направят в другую сторону и доставят аккуратно к главному офису безопасников. Не было никакой возможности остановить машину или открыть дверцу, пока удаленный водитель не примет решение открыть ее.

Но его страхи оказались необоснованными.

— Левиттаун, — раздался, наконец, из динамика голос водителя, такси съехало с главной Автострады и остановилось у пешеходной дорожки.

Эмори оплатил проезд и вышел из такси, как только открылась дверь.

Здесь, на Лонг-Айленде, ночной воздух в июне был более прохладным и менее влажным, и Эмори почувствовал озноб. Он спустился на пешеходный уровень, время от времени оглядываясь. Насколько он мог сказать, за ним никто не следил.

На секунду он остановился у пешеходной дорожки, пытаясь вспомнить, как они вошли в дом Хэдэфилда. Вверх на холм, затем по улице Красных Кленов и направо. Улицы были тусклые, неосвещенные, и Эмори пожалел, что не взял с собой никакого оружия.

Он начал осторожно подниматься на холм, но тут перед ним появились какие-то неясные фигуры. Сотрудники службы безопасности?

Нет. Бандиты.

Свет фонарика ударил ему в глаза, он почувствовал давление острия ножа на живот.

— Отдай кошелек, и ты не пострадаешь, — раздался тихий, холодный голос.

— Можете забирать кошелек, — сказал Эмори, не собираясь спорить. — Он лежит в правом кармане брюк.

Нож нажал чуть сильнее, пока рука скользнула в карман и вытащила кошелек.

— Просто возьмите деньги, ладно? — попросил Эмори. — Там есть удостоверение личности, и мне будет чертовски неприятно потом хлопотать, чтобы его заменили.

В ответ послышался спокойный смешок.

— Мы это знаем, друг. Мы считаем удостоверения личности полезными и для нас. Взял кошелек, Билл?

Позади раздалось удовлетворительное хрюканье.

Давление на живот исчезло, но в лицо Эмори врезался в кулак. Его голова качнулась назад. Очевидно, грабители не собирались оставлять его в сознании.

Внезапно прожекторный луч осветил всю группу. Эмори ясно увидел грабителей: два худых, небритых коротышек, с глазами, вспыхивающими, как у лис, и с губами, тонкими от голода. В темноте они казались угрожающими, а теперь вызывали всего лишь жалость.

— Безопасники! — прошептал один из грабителей. — Бежим!

— Всем стоять! — раздался властный окрик. — Стоять на месте!

Вор позади Эмори внезапно сунул два пальца в рот и свистнул удивительно громко, пронзительно, словно закричало какое-то животное. Мгновение спустя из семи-восьми мест в темноте послышался ответный свист.

— Немедленно прекратите! — раздался голос безопасника. — Эмори, идите к нам! Нам нужны только вы!

Твонк! Из темноты просвистела пуля, и голос безопасника перерос во влажное бульканье. Вторая пуля разбила прожектор, третья ударилась в окно машины безопасников.

— Беги быстрее, приятель! — прошептал стоящей рядом с ним вор, и Эмори побежал под покровом темноты.

Воровская честь, мрачно подумал он. После ограбления они могли бы спокойно бросить его на произвол судьбы, но безопасники были врагами, и ночная братия решила его спасти.

Разумеется, у него теперь не было ни денег, ни удостоверения личности. Но вряд ли это имело значение, потому что личность Джона Эмори должна теперь исчезнуть навсегда.

Он продолжал бежать, не обращая внимания на молчаливые фигуры, которые тоже бежали в темноте, иногда пересекая ему дорогу. *Джунгли, настоящие джунгли*, подумал он, вспоминая двух мертвых безопасников, лежащих возле машины у пешеходной дорожки.

Воздух свистел в груди. Почти инстинктивно он свернул направо в нужном месте, побежал по улице к дому эспера и нажал нужную кнопку дверного звонка. Потом наклонился вперед, задыхаясь и держась за дверную раму. Пот тек у него по лицу.

Он оглянулся назад, но не увидел преследователей. Дверь медленно открылась.

– Здравствуйте, мистер Эмори. Мы уже долго ждем вас, – сказал тихий, спокойный голос.

Эмори всмотрелся в темноту.

– Слава Богу, я не заблудился, Хэдэфилд! Я...

Слова замерли у него в горле. Стоящая в дверном проеме фигура оказалось не эспером Джиллом Хэдэфилдом. Это был инопланетянин. Карг.

Кто-то схватил его за плечо и втащил внутри. Эмори услышал, как позади захлопнулся дверной замок, и с легким скрипом встала на место задвижка.

Он почувствовал запах слегка заплесневелой, гниющей древесины, который был неотъемлемой частью древних зданий здесь, в Левиттауне. Эмори даже не пытался ни о чем думать, он просто положился на чувства, позволяя мыслям спокойно пробежать в голове. Он ощущал темноту, запахи, звуки снаружи, затем дружески звучащие голоса.

Потом он обнаружил, что находится в небольшой, тесной комнате Хэдэфилда. Кто-то поднес стакан к его губам, и Эмори сделал глоток. Вкус был резким, но приятным. Этот вкус он уже испытал однажды. *Немецкое вино*, понял он. Он снова сделал глоток, чувствуя, как прохладно вино скользит вниз по гортани.

Наконец, он огляделся, и увидел знакомые лица: Ли Ноерс, Тед Беккет, Мэтт Виглан, эспер Хэдэфилд. Все с тревогой смотрели на него.

И не было никакого инопланетянина.

– А Карг? – спросил Эмори. – Мне показалось, что, когда я вошел, то увидел здесь Карга. Ну, вы же знаете. Инопланетянина.

Он принялся вертеться на стуле, вглядываясь в затянутые паутиной углы комнаты, но никакого инопланетянина тут не было.

– Мне показалось, что он был здесь, – пробормотал Эмори. – Очевидно, галлюцинация. Перенапряжение, и все такое прочее... Должно быть, это была галлюцинация.

– Нет, – сказал Ли Ноерс. – Никакая это не галлюцинация.

И перед Эмори появился Карг, вежливо улыбаясь, с непроницаемыми и неприветливыми тремя холодными глазами.

– Вон! Разве вы не видите его?

– Разумеется, мы его видим, – сказал Ноерс. – Джилл, пожалуйста, выключите его.

Эмори увидел, как высокая, мрачно красивая фигура инопланетянина дрогнула и сделалась неясной, четкие контуры лица пришельца замерцали, темно-синяя кожа побледнела и стала таять,

пока сквозь Карга не начала проступать стена комнаты. Еще одна вспышка, и пришелец исчез.

– Что... Какого... Куда он исчез? – забормотал Эмори.

Где-то в глубине души он уже чувствовал, что тут что-то не так. Какая-то часть его разума сохраняла прежнюю остроту, остальное же было ошеломлено и изнурено безумными событиями. Эмори принялся отчаянно бороться, чтобы восстановить контроль над своим умом, точно пьяный, изо всех сил пытающийся сосредоточить взгляд, чтобы прочитать строчки, которые могли бы сохранить ему жизнь

– Мне кажется, мы должны кое-что объяснить вам, Джон, – тихо сказал Ноерс.

Еще одно последнее усилие, и Эмори победил, соединил свое раздробленное на кусочки сознание.

– Думаю, это было бы правильно, – сказал он почти что прежним голосом и посмотрел с надеждой на Ноерса.

– Все началось в ночь последнего показа фильма у Тэда, – сказал Ноерс. – По крайней мере, именно тогда мы начали воздействие. Мы планировали его задолго до того, как встретили Хэдфилда. Нам нужно было только усыпить вас – да, мы использовали именно это вино, – и перенести в заднюю комнату Тэда. Хэдфилд начал

работать там с вами, создавая гипнотическую иллюзию, которую мы собирались использовать. Затем я отвез вас в центр, в офис, который мы арендовали специально для этого. Я подождал, когда вы проснетесь. Именно тогда вы впервые увидели Карга.

— Значит, нет никаких инопланетян? — сказал Эмори и почувствовал, как дрожат его пальцы. — Это просто гигантская несбыточная мечта?

Ноерс смущенно потупил взгляд.

— Ну, более-менее. Мы сменялись, изображая из себя Карга. Хэдфилд так загипнотизировал вас, что всякий раз, когда любой из нас делал особый жест, вы видели не нас, а инопланетянина. Большую часть времени Каргом был Мэтт Виглан. Иногда Тэд, за исключением того времени, когда он приходил в себя после нападения.

— И вы дурачили меня этим сбором произведений искусств Земли и заставляли, чтобы я писал сотни страниц списков этой ерунды?

— Так было необходимо. Должно же у нас быть какое-то оправдание наших встреч, Джон. Изящным маневром мы «случайно» позволили вам найти меморандум, где описывалось предстоящее завоевание Земли. Это был ваш спусковой крючок, именно то, что, наконец, должно было встряхнуть вас и заставить действовать.

Эмори оставался совершенно спокойным. Он смотрел на Ноерса, пытаясь собрать вместе все части мозаики.

— Значит, вы сознательно дали мне гипнотическое внушение, чтобы я думал, что регулярно встречаюсь с инопланетянином, и столь же сознательно вы внедрили мне мысль, что Земля в опасности. — Он все еще не начинал сердиться, поскольку происходящее казалось ему слишком непостижимым, вместо этого глубоко вздохнул. — *Но почему?*

— Потому что сегодняшняя видеопьеса никогда не появилась бы никаким другим способом, — резко сказал Ноерс. — Вы были единственным, кто мог это сделать. Вы достаточно крупная фигура и достаточно сильный, чтобы нести весь проект, и вы могли отгородиться от вмешательства Каваны, в отличие от нас. Но мы не могли просто прийти к вам со своим планом. Вы никогда не согласились бы на него.

Эмори откинулся на спинку стула, медленно качая головой. Теперь он все понял. И внезапно он рассмеялся.

Эти люди были его друзьями. Они знали его, знали его фаталистический подход к проблемам мира, который принуждал его уходить в себя в состоянии горького, покорного отчаяния.

Он был единственным человеком, который мог привести в движение колеса, что, в итоге, послужило бы причиной уничтожения

барьеров между странами – но просто так он не стал бы ничего делать, предпочтя вместо этого циничный самоотказ.

Поэтому они вмешались в его сознание. Они поместили его в фантастическую, сказочную страну, и через эту сказочную страну, наконец, убедили его в необходимости незамедлительно принимать все возможные меры.

– Я должен бы рассердиться на вас, – сказал он, глядя на собравшихся вокруг людей, худых, жилистых мужчин, которые правильно оценили его и заставили его начать действовать. – Но я не...

Эмори не договорил. Ему в голову внезапно пришла новая мысль.

– А как же румын Григореску? Он тоже был частью иллюзии?

– Нет, – сказал эспер Хэдэфилд. – Он настоящий. Он просто подыграл нам, зная, что здесь происходит.

– Свободная Румыния, – сказал Ноерс. – Через Хэдэфилда мы были в контакте с ними уже много месяцев. Мы можем там спрятаться на некоторое время. Мы уже строим видеопередатчик в Канаде и надеемся передавать наши программы на всю Америку. Барьеры обязательно падут, Джон. На это может потребоваться еще десять лет, но это непременно произойдет, и мир снова будет единый и свободный. Сегодня вечером был нанесен первый удар. Люди видели нашу пьесу, Они читают наши листовки. Они начинают задавать вопросы.

Эмори встал. Он чувствовал себя каким-то легким и неустойчиво держался на ногах.

– Возможно, – сказал он, – в один прекрасный день нам придется вернуть Карга, чтобы ошеломить весь мир и заставить его действовать. Возможно, мы должны создать общего врага, который объединил бы нас всех. Я надеюсь, что этого не потребуются, но все же... – Он покачал головой. – Но теперь нам нужно бежать. Мы не можем оставаться здесь. Безопасники сядут нам на хвост в любую минуту.

– Они проследовали за вами сюда? – спросил Ноерс.

– Да. Но местные бандиты убили их.

Где-то наверху послышалось жужжание вертолета.

– Это Киман, – сказал Беккет. – Нам нужно улетать. Через три дня мы будем уже в Европе.

Эмори кивнул.

– Да, – сказал он. – Но мы еще вернемся.

And the walls came tumbling down, (If, 1957 № 12), пер. Андрей Бурцев

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОБЛЕМА	5
The final challenge, (Infinity Science Fiction, 1956 № 8), пер. Андрей Бурцев	
БОГИ, УБИРАЙТЕСЬ ДОМОЙ!.....	21
Godling, go home! (Science Fiction Stories, 1957 № 1), пер. Андрей Бурцев	
РЕАЛЬНОСТЬ НЕОГРАНИЧЕНА	41
Reality unlimited, (Imagination, 1957 № 8), пер. Андрей Бурцев	
ЭТОТ МИР ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ! Повесть. (Под псевд. Ивар Йоргенсен).....	53
This world must die, (Science Fiction Adventures. New Series, 1957 № 8), пер. Андрей Бурцев	
ПОЧТА ДЛЯ ГАНИМЕДА.....	93
Postmark Ganymede, (Amazing Stories, 1957 № 9), пер. Андрей Бурцев	
ПОВЕЛИТЕЛЬ КОЛОНИИ ВОСЕМЬ	105
Overlord of colony Eight, (Imagination, 1957 № 10), пер. Андрей Бурцев	
ПЛАНЕТА БЕЗУМЦЕВ (под псевд. Ральф Берк).....	119
The lunatic planet, (Amazing Stories, 1957 № 11), пер. Андрей Бурцев	
СПАСАТЕЛЬНАЯ МИССИЯ.....	137
Rescue mission, ((Imagination, 1957 № 12), пер. Андрей Бурцев	
И РУШАТСЯ СТЕНЫ... Повесть	151
And the walls came tumbling down, (If, 1957 № 12), пер. Андрей Бурцев	

Читайте в
следующем томе:

Чед Оливер

«КОСМИЧЕСКАЯ ОРДА»

В следующий, 36-ой том БААКФ, вошел сборник повестей и рассказов знаменитого фантаста Чеда Оливера под названием «Космическая орда». Первый роман Оливера «Ветер времени» был издан на русском еще в шестидесятых годах, с тех пор появилось еще несколько его произведений, но это была, как всегда у нас водится, капля в море. В нынешнем издании я постараюсь немного исправить этот пробел. Встречайте первый том двухтомника Чеда Оливера. Надеюсь, он всем придется по вкусу.

А. Бурцев

THE SPACE HORDE

By CHAD OLIVER

Discoveries have been made in stars with authority when referring to certain planets or systems, that radiation could not inspire "life as we know it." But that leaves a big question: If life exists beyond our conception?

I LOOK UP, and out, to the stars.

Look along the light-years, across the gulfs of immensity, out through a universe of thinly-watered darkness. Look, if you will, through tubular blimpets with concave mirrors two hundred miles in diameter. Look out into your universe, out and out and out—

You cannot see it all. For the Earth is dust, dust floating in a black and endless sea. Space is a word, a facile man-moulded symbol, and it stands for a sea that mocks the imagination. Space is a vastness, a vastness beyond comprehension, an ocean that is—

Alive. A nothing ocean adrift with millions and billions of floating islands, their faces

turned toward galaxies, suns that flare and pulsate, hurl radiation from red-colored atomic furnaces boiling madly on with life that slithers, creeps and walks and breathes liquids unknown. Oceans are the birth of life, and on the shores of this huge sea there is—

Everything. And out of that sea, that dark ocean of life, they came, as they came. They pushed stands for a sea that mocks the imagination. Space is a vastness, a vastness beyond comprehension, an ocean that is—

Alive. A nothing ocean adrift with millions and billions of floating islands, their faces

БААКФ

ПРИЛОЖЕНИЕ

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

И рушатся стены